

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2020 Том 20 № 2

В номере: Современное регионоведение: преодолевая эклектику уровней анализа

DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-2

<http://journals.rudn.ru/international-relations>

Научный журнал

Издается с 2001 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61203 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор

Д.А. Дегтерев,

доктор политических наук,
кандидат экономических наук,
доцент, РУДН, г. Москва, РФ
ir@rudn.ru

Заместитель главного редактора

К.П. Курьяев,

доктор исторических наук,
профессор, РУДН, г. Москва, РФ
kurylev-kp@rudn.ru

Ответственный секретарь

О.С. Чикризова,

кандидат исторических наук
старший преподаватель, РУДН,
г. Москва, РФ
chikrizova-os@rudn.ru

НАУЧНЫЕ РЕДАКТОРЫ:

кандидат экономических наук *Ю.А. Ильичева* (экономика), *Н.С. Куклин* (история), *М.А. Никулин* (политика)

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Ачарья Амита, профессор международных отношений Школы международной службы Американского университета, г. Вашингтон, США

Беллами Алекс Дж., директор Азиатско-Тихоокеанского центра ответственности по защите, профессор по изучению проблем мира и конфликтов Университета Квинсленда (Австралия), старший советник-нерезидент Международного института мира, г. Нью-Йорк, США

Бехера Навита Чадха, профессор кафедры политических наук Университета Дели, г. Нью-Дели, Индия

Бонд Патрик, профессор Университета Западной Капской провинции, Кейптаун, ЮАР

Воскресенский Алексей Дмитриевич, доктор политических наук, профессор кафедры востоковедения МГИМО МИД России, директор Центра комплексного Китаеведения и региональных проектов, главный редактор журнала «Сравнительная политика», г. Москва, Российская Федерация

Жильцов Сергей Сергеевич, доктор политических наук, заведующий кафедрой политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России, редактор журнала «Проблемы постсоветского пространства», г. Москва, Российская Федерация

Иррера Даниела, доцент кафедры политических и социальных наук Университета Катании, генеральный секретарь Итальянской Ассоциации политических наук, г. Катания, Италия

Ларионова Марина Владимировна, доктор политических наук, директор Центра исследований международных институтов РАНХиГС, профессор департамента мировой экономики факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ, г. Москва, Российская Федерация

Маркетти Раффаэле, проректор по интернационализации, доцент международных отношений кафедры политических наук Университета ЛУИСС Гвидо Карли, г. Рим, Италия

Миттельман Джеймс, профессор Школы международной службы Американского университета, г. Вашингтон, США

Мосяков Дмитрий Валентинович, доктор исторических наук, руководитель Центра изучения стран Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация

Мотоки Такахаси, профессор Высшей школы исследований в области международного сотрудничества Университета Кобе, президент Японского общества по международному развитию, г. Кобе, Япония

Портыков Владимир Яковлевич, доктор экономических наук, главный редактор журнала «Проблемы Дальнего Востока», г. Москва, Российская Федерация

Саква Ричард, доктор политических наук, профессор Университета Кента, г. Кентербери, Великобритания

Сапронова Марина Анатольевна, доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения МГИМО МИД России, г. Москва, Российская Федерация

Тикнер Арлин Б., профессор факультета политических наук, Университет Росарио, г. Богота, Колумбия

Фитуни Леонид Леонидович, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, заместитель директора Института Африки РАН, заведующий Центром глобальных и стратегических исследований, г. Москва, Российская Федерация

Хейфец Виктор Лазаревич, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, представитель Института Латинской Америки РАН в Санкт-Петербурге, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Цыганков Андрей Павлович, кандидат философских наук, доктор философии, профессор Калифорнийского университета Сан-Франциско, США

Чугров Сергей Владиславович, доктор социологических наук, профессор кафедры международной журналистики МГИМО МИД России, главный редактор журнала «Полис. Политические исследования», г. Москва, Российская Федерация

Шаблага Андрей Владимирович, доктор философских наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений РУДН, г. Москва, Российская Федерация

**Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ**

ISSN 2313-0679 (online); 2313-0660 (print)

4 выпуска в год.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ по специальностям 07.00.15 — История международных отношений и внешней политики (исторические науки), 08.00.14 — Мировая экономика (экономические науки), 23.00.04 — Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития (политические науки).

Включен в каталог периодических изданий Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>), базу данных Erih Plus (<https://dbh.nsd.uib.no/publiseringskanaler/erihplus/>), EBSCO.

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, Academia.Edu и Mendeley.

Языки: русский, английский.

Официальный сайт журнала: <http://journals.rudn.ru/international-relations>.

Цель и тематика

«Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения» — ведущий российский научный журнал, созданный в 2001 г. По своему содержанию это классический журнал по международным отношениям с особым акцентом на сотрудничество со странами СНГ, странами Глобального Юга (Азии, Африки, Латинской Америки), а также на международное образовательное сотрудничество и историю международных отношений. Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ для публикации результатов кандидатских и докторских исследований по политическим наукам, истории и экономике. Журнал распространяется по подписке, а также рассылается в ведущие вузы РФ по международным отношениям и институты РАН. Электронный дайджест рассылается в ведущие зарубежные исследовательские центры.

Каждый из номеров имеет определенную тематическую направленность, которая задается заранее (не менее чем за 1 год). Статьи по тематике номера составляют его ядро. При этом публикуются статьи и по другим темам, в частности в постоянных рубриках журнала, к которым относятся «Мир и безопасность», «Международное экономическое сотрудничество», «Двусторонние отношения», «Международное образовательное сотрудничество». Журнал приветствует публикацию рецензий. В каждом номере в рубрике «Научные школы» размещаются академические интервью с ведущими исследователями-международниками, работающими в одной сфере, но в разных странах. Приветствуются также статьи на английском языке и статьи с выраженной исследовательской методологией, методами прикладного анализа международных отношений.

Тематический портфель на 2020 г. следующий:

№ 4 2020	Международное миротворчество в XXI веке: новые вызовы, новые акторы, новые форматы	До 15 августа 2020 г.
----------	--	-----------------------

Правила представления рукописей размещены на сайте <http://journals.rudn.ru/international-relations>.

**Редактор И.Л. Панкратова
Компьютерная верстка Н.А. Ясько**

Адрес редакции:

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
Тел.: (495) 433-03-98; e-mail: interj@rudn.ru

Подписано в печать 20.04.2020. Выход в свет 15.06.2020.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Тираж 500 экз. Заказ № 450. Цена свободная

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3,

тел. (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

© Российский университет дружбы народов, 2020

VESTNIK RUDN. INTERNATIONAL RELATIONS

2020 VOLUME 20 No. 2

In this issue: Contemporary Area Studies: Overcoming Level-of-Analysis Eclecticism

DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-2

<http://journals.rudn.ru/international-relations>

Founded in 2001

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

EDITOR-IN-CHIEF

Dr. Denis Degtarev

RUDN University, Moscow, Russia
ir@rudn.ru

DEPUTY EDITOR

Professor, Dr. Konstantin Kurylev

RUDN University, Moscow, Russia
kurylev-kp@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

PhD Olga Chikrizova

RUDN University, Moscow, Russia
chikrizova-os@rudn.ru

SCIENTIFIC EDITORS:

PhD in Economics *Y.A. Ilicheva* (Economics), *N.S. Kuklin* (History), *M.A. Nikulin* (Politics)

EDITORIAL BOARD

Acharya Amitav, Professor of International Relations, School of International Service, American University, Washington, USA

Behera Navnita Chadha, Professor, Department of Political Sciences, University of Delhi, New Delhi, India

Bellamy Alex J., Director, Asia-Pacific Responsibility Center, Professor of Peace and Conflict Studies, University of Queensland (Australia), Senior Non-Resident Advisor, International Peace Institute, New York, USA

Bond Patrick, Professor, University of the Western Cape, Cape Town, South African Republic

Chugrov Sergey Vladislavovich, Doctor of Sociology, Professor, Department of International Journalism, MGIMO University, Editor-in-Chief, "Polis. Political Studies" Journal, Moscow, Russian Federation

Fituni Leonid Leonidovich, Doctor of Economics, Corresponding Member, Russian Academy of Sciences, Deputy Director, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Head, Centre for Global and International Studies, Moscow, Russian Federation

Heifetz Victor Lazarevich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Theory and History of International Relations, St. Petersburg State University, Representative in St. Petersburg of the Institute of Latin American Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation

Irrera Daniela, Associate Professor, Department of Political and Social Sciences, University of Catania, Secretary General of the Italian Association of Political Sciences, Catania, Italy

Larionova Marina Vladimirovna, Doctor of Political Sciences, Director, Centre for International Institutions Research of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Professor, Department of World Economy of the Faculty of World Economy and World Politics, the HSE, Moscow, Russian Federation

Marchetti Raffaele, Deputy Rector for Internationalization, Assistant Professor of International Relations, Department of Political Sciences, LUISS Guido Carli, Rome, Italy

Mittelman James, Professor, School of International Service, American University, Washington, USA

Mosyakov Dmitry Valentinovich, Doctor of Historical Sciences, Head, Center for Southeast Asia, Australia and Oceania, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Motoki Takahashi, Professor, Graduate School of International Cooperation Studies, Kobe University, President of Japan Society for International Development, Kobe, Japan

Portyakov Vladimir Yakovlevich, Doctor of Economics, Editor-in-Chief, Far Eastern Affairs Journal (Russia), Moscow, Russian Federation

Sakwa Richard, Doctor of Political Sciences, Professor, University of Kent, Canterbury, Great Britain

Sapronova Marina Anatolievna, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Oriental Studies, MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Shabaga Andrei Vladimirovich, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Tickner Arlene B., Professor, Department of Political Science, University of Rosario, Bogota, Colombia

Tsygankov Andrei Pavlovich, PhD, Doctor of Philosophy, Professor, University of California San Francisco, San Francisco, USA

Voskressenski Alexei Dmitrievich, Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Oriental Studies, MGIMO University, Director, Centre for Comprehensive Chinese Studies and Regional Projects, MGIMO University, Editor-in-Chief, Comparative Politics journal, Moscow, Russian Federation

Zhiltsov Sergey Sergeevich, Doctor of Political Sciences, Head, Department of Political Science and Political Philosophy, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Editor, Post-Soviet Space Problems Journal, Moscow, Russian Federation

VESTNIK RUDN. INTERNATIONAL RELATIONS
Published by the Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University), Moscow, Russian Federation

ISSN 2313-0679 (online); 2313-0660 (print)

4 issues per year.

Languages: Russian, English.

Indexed in Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>, Erih Plus database (<https://dbh.nsd.uib.no/publiseringskanaler/erihplus/>), EBSCO

Accessible at Academia.Edu and Mendeley.

Aims and Scope

Vestnik RUDN. International Relations is a leading Russian scientific journal, established in 2001 by Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), which holds a top position in terms of student's body internationalization across the CIS and the BRICS (students represent more than 150 countries of the world).

This is a classic journal on international studies with a special emphasis on cooperation with the CIS countries as well as with the Global South (Asia, Africa, and Latin America), international educational cooperation and history of international relations. The journal is distributed by subscription and also on demand to leading Russian IR experts. Electronic digest is sent to the world's leading IR research centers.

The journal is international in topic coverage, editorial board and pull of authors. Being included in the international academic discourse, the journal regularly publishes articles of world recognized experts in international and regional studies from Russia, Europe, Asia and the USA. On the other hand, the edition introduces papers by promising researchers from Asia, Africa and Latin America to present their local (national, regional) vision of world that allow elaborating a balanced approach to facing global challenges.

Each of the issues has, but is not limited to a particular thematic focus, which is set in advance (at least 1 year). Articles on the thematic focus make up the "core" of issue. At the same time other topics are also covered. Constant rubrics include "Peace and Security", "International Economic Cooperation", "Bilateral Relations", and "International Academic Cooperation". The journal welcomes the publication of reviews. Academic interviews with leading researchers on international affairs, working in one area, but in different countries are allocated in every issue in the rubric "Scientific Schools".

Upcoming issues of the Vestnik RUDN for 2020 will deal with the following issues:

# 4 2020	International Peace-Keeping in the 21st Century: New Challenges, New Actors, New Formats	By August 15, 2020
----------	--	--------------------

Vestnik RUDN. International Relations is inviting prospective contributors. Both languages are welcome for articles — English and Russian. For more information on the thematic focus of the upcoming issues of the Bulletin and on the rules of submitting manuscripts, visit <http://journals.rudn.ru/international-relations>.

Editor I.L. Pankratova
Computer design N.A. Yasko

Address of the Editorial Board:

3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board:

Miklukho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198
Ph. +7 (495) 433-03-98; e-mail: interj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price.
Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia,
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ:

Современное регионоведение: преодолевая эклектику уровней анализа

- Лагутина М.Л., Михайленко Е.Б.** Регионализм в глобальную эпоху: обзор зарубежных и российских подходов..... 261
- Sil R., Ahran A.I.** Comparative Area Studies and the Study of the Global South (**Сил Р., Ахрам А.И.** Сравнительное регионоведение и исследование Глобального Юга)..... 279
- Berg-Schlosser D.** Comparative Area Studies: Epistemological and Methodological Foundations and a Practical Application (**Берг-Шлессер Д.** Сравнительное регионоведение: эпистемологические и методологические основы и практическое применение)..... 288
- Костюнина Г.М.** Регионализм в современной мировой экономике: эволюция и основные тенденции..... 303
- Лебедева Н.Б.** Международные отношения в Большом Индийском океане через призму концепций геополитики и геостратегии..... 318
- Muntschick J.** Regional Economic Integration in the Southern African Development Community (SADC): Analysing the Dynamics and Performance (**Мунтшик Й.** Региональная экономическая интеграция в Сообществе развития Юга Африки (САДК): анализ динамики и результатов)..... 333
- Višňovský R.** Visegrad Group and Relations with Russia (**Вишнёвский Р.** Вышеградская группа и отношения с Россией)..... 347

НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ

- Мировое комплексное регионоведение как исследовательский подход и научная школа. Интервью с *Алексеем Дмитриевичем Воскресенским*, профессором МГИМО МИД России..... 356

МИР И БЕЗОПАСНОСТЬ

- Campbell H.G.** African International Relations, Genocidal Histories and the Emancipatory Project. Part 2 (**Кэмпбелл Х.** Международные отношения в Африке, истории геноцида и эмансипации. Часть 2)..... 367
- Понька Т.И., Рамич М.С., У Ю.** Информационная политика и информационная безопасность КНР: развитие, подходы и реализация..... 382

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

- Pennaforte C., BONES N.K.** China's Influence in Latin America in the Brazilian Case (2002—2018) (**Пеннафорте Ч., Бонес Н.К.** Влияние Китая на Латинскую Америку на примере Бразилии (2002—2018 гг.))..... 395

РЕЦЕНЗИИ

- Агазде М.М.** Comparative Area Studies: Methodological Rationales and Cross-Regional Applications / Ed. by A.I. Ahram, P. Köllner, R. Sil. Oxford University Press, 2018. 321 p. 408
- Шпаковская М.А.** Мосяков Д.В. Глобальная трансформация Тихоокеанской Азии и Россия. М.: Белый ветер, 2019. 390 с. 411
- Дхар А.П.** Лебедева Н.Б. Индийский океан: вызовы XXI в. и Индия (очерки международных отношений). М.: ИВ РАН, 2018. 576 с. 414
- Архангельская А.А.** Muntschick J. The Southern African Development Community (SADC) and the European Union (EU). Regionalism and External Influence. Palgrave Macmillan, 2018. 186 p. 417
- Борейко А.В.** Cusack A.K. Venezuela, ALBA, and the Limits of Postneoliberal Regionalism in Latin America and the Caribbean. Palgrave Macmillan, 2019. 218 p. 421
- Ивкина Н.В.** Европа между трех океанов / под общ. ред. Ал.А. Громыко, В.П. Федорова. М.: ИЕ РАН: Нестор-История, 2019. 608 с. 425
- Бугров Р.В.** Stefanova B.M. The European Union and Europe's New Regionalism. The Challenge of Enlargement, Neighborhood, and Globalization. Palgrave Macmillan, 2018. 225 p. 428

CONTENTS

THEMATIC DOSSIER:

Contemporary Area Studies: Overcoming Level-of-Analysis Eclecticism

Lagutina M.L., Mikhaylenko E.B. Regionalism in Global Era: Overview of Foreign and Russian Approaches	261
Sil R., Ahram A.I. Comparative Area Studies and the Study of the Global South	279
Berg-Schlosser D. Comparative Area Studies: Epistemological and Methodological Foundations and a Practical Application	288
Kostyunina G.M. Regionalism in the Modern World Economy: Evolution and Main Trends	303
Lebedeva N.B. International Relations in the Great Indian Ocean through the Prism of Geopolitics and Geostrategy	318
Muntschick J. Regional Economic Integration in the Southern African Development Community (SADC): Analysing the Dynamics and Performance	333
Višňovský R. Visegrad Group and Relations with Russia	347

SCIENTIFIC SCHOOLS

World Regional Studies as a Research Approach and Scientific School. Interview with <i>Alexei D. Voskressenski</i> , Professor, MGIMO University	356
--	-----

PEACE AND SECURITY

Campbell H.G. African International Relations, Genocidal Histories and the Emancipatory Project. Part 2	367
Ponka T.I., Ramich M.S., Wu Y. Information Policy and Information Security of PRC: Development, Approaches and Implementation	382

INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS

Pennaforte C., Bones N.K. China's Influence in Latin America in the Brazilian Case (2002—2018)	395
---	-----

REVIEWS

Agazade M.M. Ahram, A.I., Köllner, P. & Sil, R. (Eds.). (2018). Comparative Area Studies: Methodological Rationales and Cross-Regional Applications. Oxford University Press, 321 p.	408
Shpakovskaya M.A. Mosyakov, D.V. (2019). Global Transformation of Pacific Asia and Russia. Moscow: Belyi veter publ., 390 p. (In Russian)	411
Dkhar A.P. Lebedeva, N.B. (2018). Indian Ocean: Challenges of the 21st Century and India. Moscow: IV RAN publ., 576 p. (In Russian)	414

Arkhangelskaya A.A. Muntschick, J. (2018). The Southern African Development Community (SADC) and the European Union (EU). Regionalism and External Influence. Palgrave Macmillan, 186 p.	417
Boreyko A.V. Cusack, A.K. (2019). Venezuela, ALBA, and the Limits of Postneoliberal Regionalism in Latin America and the Caribbean. Palgrave Macmillan, 218 p.	421
Ivkina N.V. Gromyko, A.I. & Fedorov, V.P. (Eds.). (2019). Europe between Three Oceans. Moscow: IE RAN: Nestor-Istoriya publ., 608 p. (In Russian)	425
Bugrov R.V. Stefanova, B.M. (2018). The European Union and Europe's New Regionalism. The Challenge of Enlargement, Neighborhood, and Globalization. Palgrave Macmillan, 225 p.	428

**ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ:
Современное регионоведение:
преодолевая эклектику уровней анализа**

**THEMATIC DOSSIER:
Contemporary Area Studies:
Overcoming Level-of-Analysis Eclecticism**

DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-2-261-278

Научная статья

**Регионализм в глобальную эпоху:
обзор зарубежных и российских подходов**

М.Л. Лагутина

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Е.Б. Михайленко

Уральский федеральный университет им. Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Российская Федерация

Статья посвящена обзору формирования теоретических основ современного поколения регионализма. Данная проблематика является одной из наиболее обсуждаемых сегодня в зарубежной научной литературе, в то время как в российских региональных исследованиях наблюдается определенный дефицит работ по данной теме. В своей статье авторы попытались представить обзор работ зарубежных и российских исследователей по современным теориям регионализма, рассмотрели эволюцию теоретических подходов к изучению феномена регионализма, а также сделали попытку определить основные тренды и ниши в развитии региональных исследований за рубежом и в России. Современная практика регионостроительства требует разработки новых теоретико-методологических подходов к их изучению. В современном мире существует большое разнообразие различных интеграционных форм. На этом фоне наблюдается пересекающееся членство большого числа государств в различных региональных структурах, дополнение формальных межгосударственных взаимодействий на региональном уровне расширяющимися устойчивыми неформальными и «частными» связями благодаря участию негосударственных акторов в региональной интеграции, формирование региональных сетей сотрудничества в различных сферах, наконец, активизация прямых отношений между межгосударственными союзами разных регионов и создание трансконтинентальных блоков сотрудничества. Все вместе представляет собой сложную «многоуровневую конструкцию», постепенно сложившуюся в процессе эволюции регионализма: от «старого» регионализма к «новому» и, наконец, к «сравнительному» регионализму. В случае «сравнительного регионализма» имеется в виду, прежде всего, новое прочтение концепта «регион» и попытка создать новое направление в изучении регионального уровня развития в контексте глобальных процессов современности, свободное от «европейского универсализма». Цель данной статьи – определить теоретические основы современного поколения регионализма, его проблемное поле и сложности в его исследовании. Авторы пришли к выводу, что современный регионализм является многомерным, эклектичным подходом к исследованию

© Лагутина М.Л., Михайленко Е.Б., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

разнообразных форм региональных связей с учетом не только регионального, но и глобального контекстов, формирование теоретических и концептуальных основ которого еще не завершено.

Ключевые слова: регионализм, старый регионализм, новый регионализм, сравнительный регионализм, интеррегионализм, трансрегионализм, регионализация, регион

Благодарности: Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант № 20-414-660001 р_а «История развития и эволюция формирования международной субъектности Свердловской области».

Для цитирования: Лагутина М.Л., Михайленко Е.Б. Регионализм в глобальную эпоху: обзор зарубежных и российских подходов // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2020. Т. 20. № 2. С. 261—278. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-2-261-278

Research article

Regionalism in Global Era: Overview of Foreign and Russian Approaches

M.L. Lagutina

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

E.B. Mikhaylenko

Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation

Abstract. This article is devoted to a review of the formation of the theoretical foundations of the modern generation of regionalism. In the article, the authors tried to provide an overview of the publications of foreign and Russian researchers on modern theories of regionalism, examined the evolution of theoretical approaches to the study of regionalism, and also tried to identify the main trends and niches in the development of regional studies abroad and in Russia. The current practice of regional development requires the development of new theoretical and methodological approaches to their study. There is a wide variety of different integration forms in modern world. There is an overlapping membership of a large number of states in various regional structures, and a supplement of formal interstate interactions at the regional level with expanding stable informal and “private” ties. Besides the formation of regional cooperation in various fields take place, and, finally, the intensification of direct relations between interstate unions of different regions and the creation of transcontinental blocks of cooperation. All of the above is a complex “multi-level structure” that is gradually developed in the evolution process of regionalism. The purpose of this article is to determine the theoretical foundations of the modern generation of regionalism, its problem field and the difficulties in its study. As a result, the authors came to the conclusion that modern regionalism is a multidimensional, eclectic approach to the study of various forms of regional ties, taking into account not only regional but also global contexts, the formation of the theoretical and conceptual foundations of which has not yet been completed.

Key words: regionalism, old regionalism, new regionalism, comparative regionalism, interregionalism, transregionalism, regionalization, region

Acknowledgements: This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, grant No. 20-414-660001 r_a “The history of development and evolution of the formation of the international subjectivity of the Sverdlovsk region”.

For citation: Lagutina, M.L. & Mikhaylenko, E.B. (2020). Regionalism in Global Era: Overview of Foreign and Russian Approaches. *Vestnik RUDN. International Relations*, 20 (2), 261—278. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-2-261-278

Ведущими тенденциями современного мирового развития являются два процесса — глобализация и регионализация, которые вплоть до начала XXI в. оценивались исследователями как противоположные друг другу явления. Сопряжение глобального и регионального уровней мирополитической практики

всегда было одним из наиболее дискуссионных моментов в теории международных отношений. Большая часть исследователей либо сосредоточивались исключительно на глобальных мирополитических процессах (глобализм), фактически игнорируя региональную специфику, либо акцентировали свое

внимание на изучении конкретного региона (регионализм), следствием чего становилась недооценка глобального системного контекста.

На наш взгляд, сегодня очевидна важность и необходимость новых теоретических подходов для исследования целостной картины мира, где одновременно и глобальный, и региональный аспекты получили бы равное внимание.

Сегодня глобализация и регионализация становятся взаимно обуславливающими друг друга процессами. Более того, регионализацию все чаще рассматривают как часть глобальных процессов. В результате сегодня на практике мы имеем разнообразие интеграционных форм: от региональных организаций до интеррегиональных и трансрегиональных связей, формирующихся с учетом регионального и глобального контекстов.

Кроме того, наблюдаются пересекающееся членство большого числа государств в различных региональных структурах, дополнение формальных межгосударственных взаимодействий на региональном уровне расширяющимися устойчивыми неформальными и «частными» связями за счет активности бизнеса и гражданских структур в формировании региональных блоков разного уровня, а также активизация прямых отношений между межгосударственными союзами разных регионов. Все вместе представляет собой сложную «многоуровневую конструкцию», постепенно сложившуюся в процессе эволюции регионализма: от «старого» регионализма к «новому» и, наконец, к «сравнительному» регионализму (*comparative regionalism*), формирование проблемного поля которого находится на стадии своего становления и вызывает активные дискуссии в зарубежной и российской научной литературе.

Теории регионализма устойчиво вошли в научный оборот в конце 1980-х гг. и, как отмечают Ф. де Ломбарди, Ф. Содербаум, Л. ван Лангенхове и Ф. Бэрт, уже на начальном этапе дебатов по поводу природы раннего регионализма присутствовали элементы сравнительных исследований [De Lombaerde, Söderbaum, Van Langenhove, Baert 2010]. Данные подходы заняли свою собственную

нишу в теориях международных отношений и стали независимыми от классических интеграционных подходов. Если в конце прошлого столетия эксперты только начали формировать теоретические кластеры региональных подходов, пытаясь идентифицировать и определить понятие «регионализм», то сегодня мы можем утверждать, что концептуальное осмысление подходов к регионализму и регионализации находит выражение во всеобъемлющем подходе «сравнительного» регионализма. Тем не менее в российском научном лексиконе данный термин пока не закрепился, что обусловлено, с одной стороны, традиционными для международных исследований трудностями перевода, а с другой — незавершенностью процесса формирования проблемного поля новой дисциплины.

Так, например, ряд исследователей объясняют необходимость появления термина «сравнительный регионализм» изучением процессов регионализации за пределами Европы [Acharya 2006; 2008; 2012] или сравнением этих моделей с европейской практикой [Telo 2007]. Другие исследователи под сравнительным регионализмом подразумевают крен в сторону социального конструктивизма при изучении регионов [Laurson 2003]. В то же время в целом работы данных исследователей направлены на новое прочтение концепта «регион» и представляют собой попытку создать новое направление в изучении регионального уровня развития в контексте глобальных процессов современности.

Цель данной статьи — определить теоретические основы исследования современного поколения регионализма, его проблемное поле и сложности в его исследовании. Несмотря на теоретическую разработанность современных теорий регионализма зарубежными исследователями [Acharya 2006; 2008; 2012; Laurson 2003; *The Oxford Handbook of Comparative Regionalism* 2016; Söderbaum 2009; De Lombaerde, Söderbaum, Van Langenhove, Baert 2010; Telo 2007 и др.], в российском научном дискурсе эта тематика появилась относительно недавно, что предопределяет новизну данного исследования.

Одной из первых российских работ по «сравнительной интеграции» стала монография А.А. Байкова, опубликованная в 2012 г. [Байков 2012], в которой автор предложил свой вариант инструментария для сравнительного анализа региональных версий интеграционного взаимодействия.

Теоретическим основам регионализации современных международных отношений, характеру преломления глобальных политических и экономических закономерностей в региональных сегментах мира — макрорегионах и глобальных регионах, перспективам развития регионального мирового порядка посвящены работы А.Д. Воскресенского [2012; 2019; *The Regional World Order...* 2019].

Особенностям разных форм регионализма посвящены работы Е.Б. Михайленко [2014; *Mikhaylenko, Mikhaylenko 2016; Mikhaylenko, Adami 2019*] и С.К. Песцова [2005; 2016; 2017; 2018]. Проблематика интеррегионализма, трансрегионализма и глобального региона активно разрабатывается российскими исследователями Д.А. Кузнецовым [2016; 2018; *Лебедева, Кузнецов 2019*], М.Л. Лагутиной [2015; 2016; *Lagutina 2019a; 2019b; 2019c; 2020*], В.И. Юртаева [Юртаев, Рогов 2017] и др. В этих работах представлен один из первых в российских политических исследованиях комплексный анализ феномена трансрегионализма, новых форм регионализма, концепт «глобального региона», представляющий собой новый подход к исследованию процесса формирования региональных структур в эпоху глобализации.

Авторы данной статьи предлагают свое видение процесса эволюции теорий регионализма и полагают, что современный регионализм как новое направление исследований включает в себя не только сравнительные исследования (от региона к региону), но и исследования процесса регионализации и регионостроительства, формирования региональных порядков и подсистем, изучение их глобального контекста, что позволяет выйти на новый исследовательский уровень.

Регионализм: эволюция подходов

Формирование региональных исследований прошло долгую эволюцию. Исследователи выделяют несколько этапов развития региональных исследований. Так, например, Ф. Содербаум предлагает разделить все региональные исследования на ранние (*early*), недавние (*recent*) и компаративные (*comparative*) дебаты [Söderbaum 2009]. Придерживаясь его логики, обозначим эволюцию научных подходов в рамках региональных исследований.

К *ранним* исследованиям Ф. Содербаум относит исследования, которые традиционно входят в кластер европейских исследований: теории федерализма [Mitrany 1965], функционализма [Haas 1964], неофункционализма [Haas 1975], теории взаимозависимости [Keohane, Nye 1997]. Л. ван Лангенхове и А.-К. Костеа этот период называют экономическим регионализмом, который включает эволюцию от создания зоны свободной торговли, преобразуемой затем в таможенный союз, общий рынок и, наконец, экономический союз [Van Langenhove, Costea 2005]. В научной литературе этот период также получил название «старый» регионализм [Söderbaum 2015: 10—16]. В соответствии с данным подходом ключевая категория региональных исследований — «регион» — понимается как группа близлежащих стран, представляющих собой отдельный экономико-географический, или близкий по национальному составу и культуре, или однотипный по общественно-политическому строю район мира [Мурадян 1995]. Таким образом, «старый» регионализм сформировался в условиях биполярного контекста холодной войны, когда формирование региона происходило исключительно «сверху», при ведущей роли государств.

Недавние дебаты включают подходы «нового» регионализма, который получил развитие в конце 1980-х гг. [Hettne, Söderbaum 2000; Keating 2001; Fawcett 2004; Hettne 2005; Telo 2007]. По мнению М. Шульца, Ф. Содербаума и И. Ожендаля, принципиально важным является изменение подходов к пониманию, что есть регион

и как складывается регионализация [Schulz, Söderbaum, Öjendal 2001: 7]. Так, в отличие от «старого» регионализма, который главным образом навязывался извне ведущими державами (гегемонистский регионализм), «новый» представляет собой спонтанный процесс, направленный «снизу» и «изнутри» регионального пространства. Кроме того, по мнению исследователей, «новый» регионализм является комплексным и многоаспектным феноменом в противоположность «старому», который имел четкие конкретные цели и задачи (создание зоны свободной торговли или альянса по обеспечению региональной безопасности).

Параллельно с теориями «нового» регионализма получили развитие исследования «мира регионов» [Katzenstein 1996; 2000; 2005; Acharya 2006; 2008; 2012]. Отличительной особенностью теоретического подхода стал отказ от европоцентричной модели построения региона. П. Катценштейн утверждал, что рассмотрение азиатских моделей интеграции через призму европейской интеграции может ввести в заблуждение. Коренные различия между двумя типами регионализма кроются, прежде всего, в разных исторических траекториях и иной архитектуре интеграции [Katzenstein 2000: 353—368].

Именно в подходах теоретиков «мира регионов» стал фигурировать термин «сравнительный» регионализм или «сравнительная» интеграция [Байков 2012]. Зачастую под термином «сравнительный» регионализм в конце 1990-х гг. подразумевали «не-европейскую» модель интеграции.

Конвергенция идей двух школ — «нового регионализма» и подходов «мира регионов» — дала импульс для начала третьего этапа в исследованиях региональных процессов. Этот этап теоретических исследований (*компаративные дебаты*), по мнению Ф. Сöderбаума, включает параллельное развитие исследований регионализма в Европе, Азии, Африке и Америках в первое десятилетие XXI в. [Söderbaum 2009: 483—489]. Исследователи, изучающие разные регионы мира, столкнулись с проблемой критериев сравнительного анализа [De Lombaerde, Söderbaum, Van Langenhove, Baert 2010].

Зачастую критерием для сравнения выступал ЕС, поэтому многие региональные проекты за пределами Евросоюза стали идентифицироваться как неудачные проекты [Kubicek 2009; Taylor 2005]. Поэтому Ф. Сöderбаум, А. Ачарья и др. предлагают пересмотреть подходы к сравнительному регионализму, выработать критерии анализа регионов мира, избегая использовать Европу как «зеркало».

Следующие десять лет мы наблюдаем расцвет сравнительных исследований, получивший название *концептуальный плюрализм* [De Lombaerde, Söderbaum, Van Langenhove, Baert 2010].

Действительно, за последние десять лет региональные исследования стали включать разные направления, регионы, региональные институты. Российские исследователи также вступили в научный дискурс сравнительного регионализма. Африка [Micro-Regionalism in West Africa... 2007; Aniche 2018; Krapohl, Van Huut 2019; Сое 2019 и др.], Азия [Песцов 2005; 2016; 2017; 2018; Байков 2012; Мартынова 2012; Routledge Handbook of Asian Regionalism 2011; Beeson, Lee-Brown 2016; Loewen, Zorob 2018; Rüländ 2018 и др.], Латинская Америка [Vivares, Dolcetti-Marcolini 2016; Sergunin, Gao 2018; Cusack 2019; Selleslaghs, Ruiz, de Lombaerde 2020 и др.] и Евразия [Laruelle 2015; Molchanov 2015; Libman, Obydenkova 2017; Obydenkova, Libman 2019; Lagutina 2019a; Mikhaylenko, Mikhaylenko 2020] стали объектами исследований. Тем не менее остается вопрос, что же такое «сравнительный» регионализм?

Концептуальный плюрализм создает еще больше сложностей, полагают исследователи [De Lombaerde, Söderbaum, Van Langenhove, Baert 2010]. Определенную сложность вызывает понимание, что есть «регион», «регионализм» и «регионализация». Сегодня существует множество концепций и интерпретаций этих понятий. Другой вызов для исследователей состоит в том, насколько возможно сравнивать регионы? На основе каких критериев? Если все регионы уникальны, что мы понимаем под «сравнительным»

регионализмом? Можно ли создать некоторое ядро, вокруг которого будут строиться дискурсивные практики?

Сравнительный регионализм: созвездие регионализмов

В начале 2000-х гг. термин «сравнительный регионализм» стал использоваться западными исследователями для характеристики нового этапа в развитии регионализма, который они оценивают как комплексное, эклектичное явление [Söderbaum 2016: 33]. Ф. Содербаум в своих работах, посвященных переосмыслению регионализма [Söderbaum, 2015; 2016], отмечает ряд условий становления и развития нового поколения регионализма:

1) роль глобального контекста, выход на мировую арену стран БРИКС и других новых (emerging) держав, представляющих так называемый Глобальный Юг (Global South) или «остальной мир» (“the Rest”);

2) определение регионального управления как части многоуровневой системы глобального управления;

3) роль негосударственных акторов в формировании новых форм регионализма.

Постепенно начало формироваться и новое направление исследований.

Принимая во внимание плюрализм и разнообразие современного регионализма, на теоретическом уровне исследователи продолжают сталкиваться с рядом проблем концептуального характера. Этому посвящены работы Ф. де Ломбарди, Ф. Содербаума, Л. ван Лангенхове и Ф. Бэрта [De Lombaerde, Söderbaum, Van Langenhove, Baert 2010], А. Ачарья [Acharya 2012], где авторы выделяют три основные проблемы теории сравнительного регионализма: концептуальную (проблему терминологии), теоретическую и проблему методологии.

Для сравнительного регионализма актуальна *концептуальная проблема* — проблема определения таких ключевых понятий, как «регион», «региональная интеграция», «регионализм» и «регионализация». Является ли регион географически замкнутым

пространством, имеющим региональную организацию? Как концептуализировать теоретически и практически относительную автономию региона? Является ли самостоятельность региона лишь его ролью в распределении полномочий в экономическом, политическом, социальном пространствах? Как определять роль регионов в процессе глобализации: как сопротивление, как часть процесса глобализации или как то и другое вместе? Как регионы производят и передают свои идеи и воспринимают другие регионы в мире? Как регионы создают, заимствуют, локализируют и репатрируют идеи и нормы, формируя «субсидиарность норм»?

Что касается *теоретической проблемы*, то, по мнению зарубежных исследователей [De Lombaerde, Söderbaum, Van Langenhove, Baert 2010], сравнительный регионализм может предоставить возможность для конвергенции различных теоретических подходов к исследованию регионального сотрудничества.

Учитывая разнообразие подходов и продолжение теоретических исследований, А. Ачарья задает вопрос: можем ли мы прийти к соглашению, что какие-то конкретные теории и концепции станут основой для сравнительного регионализма [Acharya 2012]? Или мы должны оставить поле сравнительного регионализма для конкурентной борьбы и соперничества теоретиков? При этом исследователи отмечают проблему доминирования теории и практики европейской интеграции во многих исследованиях, в связи с чем настаивают на том, что в рамках сравнительного регионализма следует уделять больше внимания теориям, концепциям и идеям, разработанным за пределами Европы. Развивая теории сравнительного регионализма, должны ли мы придерживаться метода индукции, а не дедукции, то есть вместо того, чтобы взять за основу некие общие подходы для исследования регионов (как в случае с ЕС), сделать акцент на изучении особенностей каждого региона для поиска общих и отличительных особенностей?

ЕС стал образцом и моделью для верификации различных теоретических подходов, в том числе теорий регионализма. Однако современный мир настолько сложен,

неоднороден, разнообразен, что нельзя использовать “one-size approach”. ЕС имеет очень развитую модель регионализма, тем не менее, современные регионы предлагают все новый и новый инструментарий для исследований регионализмов.

Наконец, перейдем к *проблеме методологии*. Ф. де Ломбарди, Ф. Содербаум, Л. ван Лангенхове и Ф. Бэрт отмечают два широко распространенных методологических подхода к исследованию регионов: первый — изучение одного конкретного кейса, принимая во внимание исторический фактор развития региональных связей в этом конкретном регионе (с применением качественных методов исследования), второй — изучение набора различных кейсов с целью выявления их общих характеристик (с применением количественных методов). Второй подход наиболее эффективен при изучении экономических аспектов регионального сотрудничества [De Lombaerde, Söderbaum, Van Langenhove, Baert 2010].

Тем не менее каждый из представленных подходов имеет свои недостатки, поэтому, по мнению представителей сравнительного регионализма, предпочтительным является комбинация обоих подходов при проведении сравнительного анализа региональных связей.

Еще одна методологическая проблема связана с критериями эффективности регионализма и необходимостью оценки деятельности региональных институтов, а именно: как определить, что конкретный регион состоялся или определенный тип регионализма стал реальностью, а также является ли наличие региональной организации доказательством состоятельности регионализма?

Региональные институты выступают естественным объектом исследования регионализма, так как именно региональные институты могут позволить зафиксировать статус-кво на определенном этапе регионального строительства. Интеграционные объединения иницируют межрегиональные, трансрегиональные и интеррегиональные связи. Однако регионализация может проходить как внутри уже существующих институтов, так и за их пределами, включая территории государств и

зоны на пересечении нескольких региональных институтов. Поэтому сложно выявить некий набор критериев для идентификации регионализма.

Наличие интенсивной регионализации в области экономики, безопасности, культуры, образования, в области построения консенсуса и т. п. может стать важным шагом к построению прочных региональных связей. Поскольку регионализм — это проект в процессе его создания [Hettne, Söderbaum 2000], мы можем наблюдать несколько разных проектов в рамках одного территориального пространства.

Таким образом, можно утверждать, что сравнительный регионализм на данном этапе не является сформировавшейся теорией с классической точки зрения. В отличие от «нового» регионализма, выросшего из теории современной политической экономики, глобализации, конструктивизма и сравнительного регионоведения, сравнительный регионализм стал применяться достаточно широко к разным типам региональных исследований, что придало ему эклектический характер.

Вместе с тем появление нового направления исследований современного регионализма обусловлено качественными трансформациями в мирополитической практике на всех уровнях: локальном, региональном и глобальном. Разнообразие существующих современных регионализмов на практике требует от современного исследовательского сообщества выработки неких единых подходов к их исследованию. Цель сравнительного регионализма как раз и заключается в выработке комплексного теоретического и методологического подхода к изучению различных вариантов регионального сотрудничества.

Особенности и тенденции развития современного регионализма

Региональные исследования развиваются все более активно, меняются подходы и принципы к исследованию современных регионов. Количество научных работ, посвященных разным вариантам регионализма, огромно, тем не менее, попытаемся найти ответы на поставленные вопросы и выявить

теоретические тренды в современных исследованиях регионов.

Концептуально сторонники сравнительного регионализма сошлись на том, что «регион» является многозначным понятием (“container-concept”) и его определение зависит от конкретной исследовательской проблемы [De Lombaerde, Söderbaum, Van Langenhove, Baert 2010; Lagutina 2019a; 2019c; Сергунин 1994]. Если в рамках раннего регионализма регион рассматривался преимущественно как пространство, расположенное между национальным и локальным уровнями внутри отдельно взятого государства (микро-регионы), то в современных исследованиях речь идет о выходе региона на макрорегиональный уровень. Кроме того, представители неофункционализма, институционализма и особенно транснационализма отмечают, что регионы перестали иметь исключительно государствоцентричную природу, негосударственные акторы и группы интересов активно участвуют сегодня в региональном сотрудничестве [Acharya 2003; Söderbaum 2007; De Lombaerde, Söderbaum, Van Langenhove, Baert 2010].

В российских региональных исследованиях также наблюдается постепенный отход от доминирующего в советской науке географически локального понимания концепта «регион». Так, ряд российских исследователей определяют в своих работах «регион» как многоаспектное понятие, исследование которого требует междисциплинарного комплексного подхода [Сергунин 1994; Макарычев 1999], вводят в политологический дискурс такие термины, как «макрорегион» и «глобальный регион» [Мировое комплексное регионоведение 2014; Лагутина 2015; 2016; Lagutina 2019a; 2019c].

Можно резюмировать, что сегодня «регион» является одним из самых трудно определяемых понятий в современных политических и международных исследованиях, «супертермином» [Сергунин 1994: 149—150], прошедшим определенную содержательную эволюцию: от внутригосударственных структурных единиц до актора мировой политики. В результате в рамках сравнительного

регионализма в силу его плюралистического характера закрепилось два основных подхода к определению понятия «регион»: большинство исследований по-прежнему ориентированы на понимание «региона» как межгосударственной формы сотрудничества [Fawcett 2005: 25], однако тенденция последних лет заключается в переходе к так называемому «мягкому», или неформальному, регионализму, предполагающему активность негосударственных акторов (бизнес и гражданское общество) в региональном сотрудничестве [Acharya 2003; Söderbaum 2007].

Региональные исследования включают различные теоретические школы: от классических подходов функционализма и неореализма к когнитивистским и постструктуралистским подходам. Следует отметить, что позитивистские подходы являются важными в исследованиях регионов. Появление региональных институтов нельзя анализировать без обращения к теориям неофункционализма, как и невозможно игнорировать теории неореализма, объясняющие роль региональных держав или растущих держав и их влияние на региональную динамику. Сложно спорить с Дж. Миршаймером в том, что институты в основном отражают распределение силы в мире [Mearsheimer 1994]. Однако все более сложный, «мультиплексный» (multiplex), мир [Acharya 2014] требует более точного подхода к региональным исследованиям.

Социальный конструктивизм, неомарксизм, постколониальные и другие когнитивистские подходы позволяют рассмотреть внутреннюю динамику и проблемы формирования региона, восприятие регионом самого себя, а также в контексте отношений с другими регионами. Появляется тенденция применять к институтам конструктивистские подходы [Governance Transfer by Regional Organizations... 2015: 10], неомарксизм [Vivares, Dolcetti-Marcolini 2016] и др. Региональные институты рассматриваются в качестве самостоятельных субъектов международных отношений, имеющих собственные ценности и нормы, на основании которых они выстраивают отношения как с другими институтами, так и в рамках глобального управления.

Л. Фосетт предлагает три варианта построения регионализма, опираясь на использование опыта ЕС.

Первый вариант, ортодоксальный, предполагает построение региональных и межрегиональных отношений, основанных на флагманском опыте ЕС.

Второй вариант — ревизионистский, который ставит под сомнение опыт ЕС и подчеркивает роль других действующих лиц и моделей построения регионов.

Третий вариант — постревизионистский, представляет собой синтез двух предыдущих вариантов, а именно признание роли ЕС как модели интеграции, его влияния и роль в формировании регионов за пределами Европы, а также признание того, что ЕС является одним из многих вариантов регионализма [Fawcett 2016: 47—49].

С нашей точки зрения, уместны все три варианта исследований, так как разные регионы используют разные варианты построения регионализма: от построения регионализма через обучение, используя практику ЕС, до ревизионистского регионализма.

Какие направления требуют дальнейшего развития внутри теоретического поля регионализма? Современные регионы являются сложными полями, где одновременно взаимодействуют несколько региональных организаций. В некоторых случаях, как, например, в постсоветской Евразии, наблюдается мультипликация региональных институтов, которая получила название эффекта наложения/перекрывания институтов (*overlapping effect*) [Adler, Greve 2009; Panke, Stapel 2018]. Так называемый «перекрывающийся регионализм» сегодня встречается не только в Евразии, но и в Африке и Азии. Он также распространен в Северной и Южной Америке и Европе. Кроме того, более 60 действующих в настоящее время региональных организаций имеют дублирование друг с другом как в рамках членства, так и по областям деятельности. Поэтому важно исследовать, как могут взаимодействовать современные региональные институты, решать конфликты интересов. Формируется новое исследовательское поле с целью изучения возникновения, природы и

основных процессов взаимодействия между организациями в глобальных процессах (*inter-organizational relations*) [The Palgrave Handbook of Inter-Organizational Relations in World Politics 2017].

Особое внимание в российских региональных исследованиях уделено анализу постсоветского/евразийского регионализма [Лягутина 2016; Libman, Obydenkova 2017; Lagutina 2019a; 2019c; Mikhaylenko, Mikhaylenko 2020], проблематика которого, кстати, практически исключена из зарубежных сравнительных исследований. Что касается российских исследований, то представляется, что именно в рамках новых подходов регионализма становится возможным, например, комплексное изучение взаимодействий евразийских региональных институтов (ЕАЭС, ШОС, ОДКБ и др.), вопросов регионального управления в современной Евразии с учетом глобального контекста и, в частности, появления таких инициатив, как «Один пояс, один путь», «Большое евразийское партнерство» и «Объединяя Европу и Азию». В частности, классические теории интеграции пока не позволяют исследовать формирующиеся интер- и трансрегиональные связи в рамках указанных инициатив. Более того, сам феномен «инициатив» не укладывается в исследовательское поле классических теорий.

Появление практики трансрегиональных и интеррегиональных отношений [Hanggi, Roloff, Ruland 2006; Söderbaum, Van Langenhove 2006; De Lombaerde, Schultz 2009] и развитие теоретических исследований в этом поле требует сравнительных исследований современных межрегиональных отношений.

Ученые отмечают следующие черты современных межрегиональных связей.

Во-первых, появление «конкурирующего», сопернического регионализма, возникновение региональных блоков, в рамках которых межрегиональное сотрудничество стало использоваться в качестве инструмента для доминирования региона в чужой региональной группе.

Во-вторых, стал формироваться комплексный интеррегионализм: появляются

межрегиональные «концерты» держав в рамках Европы, Восточной Азии и Северной Америки.

В-третьих, среди региональных акторов более активную роль стали играть региональные державы, растущие державы, которые используют свой инструментарий для регионального строительства. Существующий разрыв между мечтой растущих держав о глобальной роли в мире и легитимизацией их в региональном пространстве приводит к конфликтным формам взаимодействия между региональными державами и их соседями по региону и с другими регионами. Многие члены БРИКС сталкиваются с проблемами со своими региональными соседями из-за нерешенных территориальных споров, неравенства статуса или экономического положения, из-за подозрений в гегемонизме.

В-четвертых, количество региональных блоков, институтов, договоренностей на двустороннем и многостороннем уровнях множится, что может привести к институциональному перенапряжению современного глобального управления.

Несомненно, такие новые явления, как БРИКС, МИКТА (Мексика, Индонезия, Южная Корея, Турция, Австралия), Транстихоокеанское партнерство, китайская инициатива «Один пояс, один путь», российская инициатива «Большое евразийское пространство» и другие, трудно исследовать в рамках классических теорий интеграции и концепта международного региона.

Интересно отметить, что на этом направлении в рамках российской школы региональных исследований ведутся активные теоретические разработки. В частности, российские исследователи предлагают подходы, согласно которым становится возможным рассматривать БРИКС как региональный проект нового типа: например, авторы данной статьи определяют БРИКС как пример «альтернативного регионализма» [Mikhaylenko, Mikhaylenko 2016] или «глобального региона» [Lagutina 2019a; 2019b; 2019c]. В своих исследованиях Д.А. Кузнецов определяет БРИКС и МИКТА как один из видов международного трансрегионализма — «трансрегиональные форумы»,

а инициативы «Один пояс, один путь», Транстихоокеанское партнерство и другие — как пример «сетевого трансрегионализма» [Кузнецов 2016; 2018; Лебедева, Кузнецов 2019].

«Регионально-глобальному измерению БРИКС» посвящены работы В.И. Юртаева [Юртаев, Рогов 2017].

На наш взгляд, одним из важных теоретических направлений современного регионализма может стать изучение взаимосвязей между регионализмом на макроуровне и регионализацией (микроуровень).

Одновременно с формированием мегапроцессов, построением макрорегионов происходит фрагментация и регионализация внутри каждого региона. Субнациональные регионы (микрорегионы) и наднациональные регионы (макрорегионы) практически не пересекаются в исследовательских полях. Они изучаются различными академическими сообществами. Микрорегионализм обычно анализируется в контексте вопросов федерализма, сепаратизма, трансрегионального сотрудничества. Связи между микрорегионализмом и макрорегионализмом не просто недооценены с «эмпирической» точки зрения. Существование микрорегионализма и макрорегионализма, и прежде всего их сложные отношения, слабо объясняются традиционными теориями, которые доминируют в современных международных отношениях [Söderbaum 2005; De Lombaerde 2010]. Рост числа микрорегионов, появляющихся в различных формах, таких как субнациональные и/или трансграничные, формальные или неформальные, экономические, политические, административные, культурные и т. п. регионы, становится очевидным и требует формирования отдельного исследовательского поля в рамках современного регионализма.

Заключение

Современный регионализм является многомерным, эклектичным подходом к исследованию разнообразных форм региональных связей с учетом не только регионального, но и глобального контекстов, формирование теоретических и концептуальных основ которого еще не завершено. Тем не менее

очевидно, что изменение природы международных и региональных отношений требует новых подходов к исследованию региональных, интеррегиональных и трансрегиональных связей. В результате процесса своей эволюции, на наш взгляд, регионализм сегодня стал зонтичным подходом, объединяющим разные теоретические школы и сравнительную методологию.

Эволюция теоретических подходов регионализма демонстрирует необходимость поиска новых методов и подходов к исследованию современных региональных процессов. Проводя сравнительные исследования, важно выйти за рамки «ложного универсализма», присущего выборочному пониманию регионализма через призму ЕС. В частности, сравнительный регионализм накопил достаточно большой потенциал для выработки подходящего инструментария для анализа современных региональных кейсов.

Позитивистские исследования на современном этапе так же необходимы, как и когнитивные подходы к пониманию того, что есть регион, регионализация и регионализм. В рамках новых подходов к регионализму

возможно развитие исследований по всевозможным направлениям: от экономико-географического подхода до конструктивистского анализа региональной сплоченности того или иного региона.

«Созвездие» теорий регионализма должно создать возможность включения в исследовательские ниши новых областей исследования: сравнительные интеррегиональные исследования, сравнительные исследования межинтеграционных взаимоотношений, сравнительные исследования уровней регионализма, исследования международного трансрегионализма и другие — все то, что не укладывается в рамки классических теорий интеграции.

Российская наука имеет все шансы более активно включаться в перекрестные исследования региональных процессов, а также формулировать свое видение развития регионализма в мире. Кроме того, российские исследователи должны более активно участвовать в теоретических дебатах современного регионализма и формулировать новые подходы на основе комплексного анализа процессов на пространстве Большой Евразии.

Поступила в редакцию / Received: 16.03.2020
Принято к публикации / Accepted: 03.05.2020

Библиографический список

- Байков А.А.* Сравнительная интеграция. Практика и модели интеграции в зарубежной Европе и Тихоокеанской Азии. М.: Аспект Пресс, 2012.
- Воскресенский А.Д.* Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях // Сравнительная политика. 2012. Т. 3. № 2. С. 30—58. DOI: 10.18611/2221-3279-2012-3-2(8)-30-58
- Воскресенский А.Д.* Регионализм как парадигма мироустройства // Современная политическая наука. Методология / под ред. О.В. Гаман-Голутвиной, А.И. Никитина. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2019. С. 675—695.
- Кузнецов Д.А.* Трансрегионализм как новое явление международных отношений и его осмысление в мировом комплексном регионоведении // Мировое комплексное регионоведение в педагогической практике: учебно-методический комплекс: в 2 т. Т. 1 / под ред. А.Д. Воскресенского. М.: МГИМО-Университет, 2018. С. 47—58.
- Кузнецов Д.А.* Феномен трансрегионализма: проблемы терминологии и концептуализации // Сравнительная политика. 2016. Т. 7. № 2 (23). С. 14—25. DOI: 10.18611/2221-3279-2016-7-2(23)-14-25
- Лагутина М.Л.* Глобальный регион как элемент мировой политической системы XXI века // Сравнительная политика. 2015. Т. 6. № 2 (19). С. 16—21. DOI: 10.18611/2221-3279-2015-6-2(19)-16-21
- Лагутина М.Л.* Мир регионов в структуре мировой политической системы 21 века. СПб.: Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, 2016.
- Лебедева М.М., Кузнецов Д.А.* Трансрегионализм — новый феномен мировой политики // ПОЛИС. Политические исследования. 2019. № 5. С. 71—84. DOI: 10.17976/jpps/2019.05.06

- Макарычев А.С. Западные рубежи России: проблемы безопасности и транснационального регионализма. М.: Московский центр Карнеги, 1999. № 8. С. 1—19.
- Мартынова Е.С. Интеграционные процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе: новые контуры восточно-азиатского регионализма // *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. 2012. Т. 7. № 4. С. 254—270.
- Мировое комплексное регионоведение* / под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Магистр: ИНФРА-М, 2014.
- Михайленко Е.Б. «Старый» и «новый» регионализм: теоретический дискурс: курс лекций. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2014.
- Мурадян А.А. Регионализм как проблема политологии // *Вестник Московского университета. Серия 18, Социология и политология*. 1995. № 3. С. 83—89.
- Песцов С.К. Компаративный регионализм: типология шаблонов регионального сотрудничества и интеграции // *Россия и АТР*. 2016. № 2. С. 5—16.
- Песцов С.К. Регионализм в интерпретации Китая: эволюция теоретических взглядов и практической политики // *Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН*. Т. 18. Владивосток, 2018. С. 36—64.
- Песцов С.К. Регионализм и система международных отношений // *Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук*. 2005. № 2 (120). С. 65—71.
- Песцов С.К. Регионализм и новая периферийная политика Китая // *Мировая политика*. 2017. № 3. С. 103—118. DOI: 10.25136/2409-8671.2017.3.23751
- Сергунин А.А. Проблемы и возможности регионалистики // *ПОЛИС. Политические исследования*. 1994. № 5. С. 149—152.
- Юртаев В.И., Рогов А.С. ШОС и БРИКС: особенности участия в процессе евразийской интеграции // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2017. Т. 17. № 3. С. 469—482. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-469-482
- Acharya A. Comparative Regionalism: A Field Whose Time has Come? // *The International Spectator: Italian Journal of International Affairs*. 2012. Vol. 47. No. 1. P. 3—15.
- Acharya A. Democratization and the Prospects for Participatory Regionalism in Southeast Asia // *Third World Quarterly*. 2003. Vol. 24. No. 2. P. 375—390.
- Acharya A. Europe and Asia: Reflections on a Tale of Two Regionalisms // *Regional Integration in Europe and East Asia: Convergence or Divergence?* / Ed. by B. Fort, D. Webber. London and New York: Routledge, 2006. P. 312—321.
- Acharya A. Regional Worlds in a Post-Hegemonic Era: Keynote Speech, 3rd GARNET Annual Conference, Bordeaux. 17—20 September 2008. URL: <http://amitavacharyaacademic.blogspot.com/2008/10/regional-worlds-in-post-hegemonic-era.html> (accessed: 07.10. 2019).
- Acharya A. *The End of the American World Order*. Cambridge and Malden: Polity Press, 2014.
- Adler E., Greve P. When Security Community Meets Balance of Power: Overlapping Regional Mechanisms of Security Governance // *Review of International Studies*. 2009. Vol. 35. Iss. S1. P. 59—84. DOI: 10.1017/S0260210509008432
- Aniche E. Pan-Africanism and Regionalism in Africa: The Journey so Far // SSRN. 2018. URL: <https://ssrn.com/abstract=3098045> (accessed: 07.10. 2019).
- Beeson M., Lee-Brown T. The Future of Asian Regionalism: Not What It Used to Be // *Asia & the Pacific Policy Studies*. 2016. Vol. 4. No. 2. P. 195—206. DOI: 10.1002/app5.168
- Coe B.N. *Sovereignty in the South: Intrusive Regionalism in Africa, Latin America, and Southeast Asia*. Cambridge University Press, 2019. DOI: 10.1017/9781108654821
- Cusack A.K. *Venezuela, ALBA, and the Limits of Postneoliberal Regionalism in Latin America and the Caribbean*. Palgrave Macmillan, 2019. DOI: 10.1057/978-1-349-95003-4
- De Lombaerde P. How to ‘Connect’ Micro-regions with Macro-regions? // *A Note. Perspectives on Federalism*. 2010. Vol. 2. Iss. 3. P. 1—9. URL: http://www.on-federalism.eu/attachments/080_download.pdf (accessed: 26.02.2020).
- De Lombaerde P., Schultz M. *The EU and World Regionalism. The Makability of Regions in the 21st Century*. London: Routledge, 2009.
- De Lombaerde P., Söderbaum F., Van Langenhove L., Baert F. The Problem of Comparison in Comparative Regionalism // *Review of International Studies*. 2010. Vol. 36. Iss. 3. P. 731—753. DOI: 10.1017/S0260210510000707
- Fawcett L. *Exploring Regional Domains: A Comparative History of Regionalism* // *International Affairs*. 2004. Vol. 80. No. 3. P. 429—446. DOI: 10.1111/j.1468-2346.2004.00391.x

- Fawcett L.* Regionalism by Emulation: Considerations across Time and Space // *Interregionalism and the European Union. Post-revisionist Approach to Europe's Place in a Changing World* / Ed. by M. Telo, L. Fawcett, F. Ponjaert. Abington: Routledge, 2016. P. 33—55.
- Fawcett L.* Regionalism in Historical Perspective // *The Global Politics of Regionalism. Theory and Practice* / Ed. by M. Farrell, B. Hettne, L. Van Langenhove. London: Pluto Press, 2005. P. 21—38.
- Governance Transfer by Regional Organizations. Patching Together a Global Script* / Ed. by T.A. Börzel, V. Van Hüllen. Palgrave Macmillan, 2015.
- Haas E.* *Beyond the Nation-state: Functionalism and International Organization*. Stanford, California: Stanford University Press, 1964.
- Haas E.* *The Obsolescence of Regional Integration Theory*. Berkeley: Institute of International Studies, University of California, 1975.
- Hanggi H., Roloff R., Ruland J.* *Interregionalism: A New Phenomena in International Relations* // *Interregionalism and International Relations* / Ed. by H. Hanggi, R. Roloff, J. Ruland. London: Routledge, 2006.
- Hettne B.* Beyond the “New Regionalism” // *New Political Economy*. 2005. Vol. 10. No. 4. P. 543—571. DOI: 10.1080/13563460500344484
- Hettne B., Söderbaum F.* Theorising the Rise of Regionness // *New Political Economy*. 2000. Vol. 5. No. 3. P. 457—472. DOI: 10.1080/713687778
- Katzenstein P.J.* *A World of Regions: Asia and Europe in the American Imperium*. Cornell University Press, 2005.
- Katzenstein P.J.* Regionalism and Asia // *New Political Economy*. 2000. Vol. 5. No. 3. P. 353—368.
- Katzenstein P.J.* Regionalism in Comparative Perspective // *Cooperation and Conflict*. 1996. Vol. 31. No. 92. P. 123—159.
- Keating M.* Rethinking the Region: Culture, Institutions and Economic Development in Catalonia and Galicia // *European Urban and Regional Studies*. 2001. Vol. 8. No. 3. P. 217—234. DOI: 10.1177/096977640100800304
- Keohane R.O., Nye J.S.* *Interdependence in World Politics* // *The Theoretical Evolution of International Political Economy: A Reader* / Ed. by G.T. Crane, A. Amawi. New York: Oxford University Press, 1997.
- Krapohl S., Van Huut S.* A Missed Opportunity for Regionalism: the Disparate Behavior of African Countries in the EPA-negotiations with the EU // *Journal of European Integration*. 2019. P. 1—19. DOI: 10.1080/07036337.2019.1666117
- Kubicek P.* The Commonwealth of Independent States: An Example of Failed Regionalism? // *Review of International Studies*. 2009. Vol. 35. Iss. S1. P. 237—256.
- Lagutina M.* A Concept of Eurasia: from Classical Eurasianism to Pragmatic Eurasianism // *Regional Integration and Future Cooperation Initiatives in the Eurasian Economic Union* / Ed. by M. Lagutina. IGI Global, 2020. P. 1—15.
- Lagutina M.* A World of Global Regions? Is Regionalization 20 Possible? // *The Regional World Order: Transregionalism, Regional Integration, and Regional Projects across Europe and Asia* / Ed. by A.D. Voskressenski, B. Koller, B. Rowman & Littlefield, 2019a. P. 49—61.
- Lagutina M.* The Global Region: A Concept for Understanding Regional Processes in Global Era // *Journal of Cross-Regional Dialogues*. 2019b. No. 1. P. 13—38.
- Lagutina M.* BRICS in a World of Regions // *Third World Thematic: A TWQ Journal*. 2019c. Vol. 4. Iss. 6. P. 442—458. DOI: 10.1080/23802014.2019.1643781
- Laruelle M.* Eurasia, Eurasianism, Eurasian Union: Terminological Gaps and Overlaps // *PONARS Eurasia*. 2015. URL: <http://www.ponarseurasia.org/memo/eurasia-eurasianism-eurasian-union-terminological-gaps-and-overlaps> (accessed: 01.04.2019).
- Laursen F.* *Comparative Regional Integration: Theoretical Perspectives*. Ashgate, 2003.
- Libman A., Obydenkova A.* Why Is the ‘Post-Soviet’ Regionalism Post-Soviet? Historical Legacies and Regional Integration in Eurasia // *MPRA Paper No. 83506*. 2017. URL: <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/83506/> (accessed: 01.04.2019).
- Loewen H., Zorob A.* *Initiatives of Regional Integration in Asia in Comparative Perspective Concepts, Contents and Prospects*. Springer, 2018. DOI: 10.1007/978-94-024-1211-6
- Mearsheimer J.* The False Promise of International Institutions // *International Security*. 1994. Vol. 19. No. 3. P. 5—49.
- Micro-Regionalism in West Africa Evidence from Two Case Studies* / Ed. by F. Söderbaum, I. Taylor I. Discussion Paper 34. Uppsala: Nordiska Afrika institutet, 2007. P. 1—36.
- Mikhaylenko E., Mikhaylenko V.* Eurasian Regionalism: Specifics, Problems and Prospects // *Regional Integration and Future Cooperation Initiatives in the Eurasian Economic Union* / Ed. by M. Lagutina. IGI Global, 2020. P. 16—36.

- Mikhaylenko E., Mikhaylenko V.* New Forms of Integration or Alternative Regionalism // *Governing for the Future: Interdisciplinary Perspectives for a Sustainable World* / Ed. by A. Taranu. MEDIMOND S R L, 2016. P. 67—74.
- Mikhaylenko E.B., Adami I.M.* Coping with Changing World Order: the Case of Russia // *Revisiting Regionalism and the Contemporary World Order* / Ed. by E. Feron. Berlin: Verlag Stahleisen GmbH, 2019. P. 157—177.
- Mitrany D.* The Prospect of European Integration: Federal or Functional // *Journal of Common Market Studies*. 1965. Vol. 4. No. 2. P. 119—149. DOI: 10.1111/j.1468-5965.1965.tb01124.x
- Molchanov M.A.* Eurasian Regionalism: Ideas and Practices // *Power, Politics and Confrontation in Eurasia* / Ed. by R.E. Kanet, M. Sussex. London: Palgrave Macmillan, 2015. P. 135—157.
- Obydenkova V., Libman A.* Authoritarian Regionalism in the World of International Organizations: Global Perspective and the Eurasian Enigma. Oxford University Press, 2019. DOI: 10.1093/oso/9780198839040.001.0001
- Panke D., Stapel S.* Exploring Overlapping Regionalism // *Journal of International Relations and Development* 2018. Vol. 21. No. 3. P. 635—662. DOI: 10.1057/s41268-016-0081-x
- Routledge Handbook of Asian Regionalism* / Ed. by M. Beeson, R. Stubbs. London: Routledge, 2011. DOI: 10.4324/9780203803608
- Rüland J.* Coping with Crisis: Southeast Asian Regionalism and the Ideational Constraints of Reform // *Asia Europe Journal*. 2018. Vol. 16. P.155—168. DOI: 10.1007/s10308-018-0503-z
- Schulz M., Söderbaum F., Öjendal J.* Regionalization in a Globalizing World: A Comparative Perspective on Forms, Actors, and Processes. New York: Zed Books Limited, 2001.
- Selleslaghs J., Ruiz J.B., De Lombaerde P.* Regionalism in Latin America: Eclectic, Multi-faceted and Multi-layered // *The Changing Global Order* / Ed. by M. Hosli, J. Selleslaghs. Springer, 2020. P. 223—245. DOI: 10.1007/978-3-030-21603-0_12
- Sergunin A., Gao F.* BRICS as the Subject of Study of International Relations Theory // *International Organisations Research Journal*. 2018. Vol. 13. No. 4. P. 55—73. DOI: 10.17323/19967845-2018-04-03
- Söderbaum F.* Comparative Regional Integration and Regionalism // *The SAGE Handbook of Comparative Politics* / Ed. by T. Landman, N. Robinson. London: SAGE, 2009. P. 477—496.
- Söderbaum F.* Early, Old, New and Comparative Regionalism: The Scholarly Development of the Field // *KFG Working Paper Series*. October. No. 64. Kolleg-Forschergruppe (KFG) “The Transformative Power of Europe”, Freie Universität Berlin, 2015.
- Söderbaum F.* Exploring the Links between Micro-regionalism and Macro-Regionalism // *Global Politics of Regionalism: Theory and Practice* / Ed. by M. Farrell, B. Hettne, L. Van Langenhove. London: Pluto Press, 2005. P. 87—103.
- Söderbaum F.* Regionalisation and Civil Society. The Case of Southern Africa // *New Political Economy*. 2007. Vol. 12. No. 3. P. 319—337.
- Söderbaum F.* Rethinking Regionalism. Basingstoke: Palgrave, 2016.
- Söderbaum F., Van Langenhove L.* The EU as a Global Player. The Politics of Interregionalism. London: Routledge, 2006.
- Taylor I.* NEPAD. Toward Africa’s Development or Another False Start? Boulder: Lynne Rienner, 2005.
- Telo M.* European Union and New Regionalism: Regional Actors and Global Governance in a Post-Hegemonic Era. Cornwall: Ashgate Publishing, 2007.
- The Oxford Handbook of Comparative Regionalism* / Ed. by T.A. Börzel, T. Risse. Oxford University Press, 2016.
- The Palgrave Handbook of Inter-Organizational Relations in World Politics* / Ed. by R. Biermann, J.A. Koops. Palgrave Macmillan, 2017. DOI: 10.1057/978-1-137-36039-7
- The Regional World Order. Transregionalism, Regional Integration, and Regional Projects across Europe and Asia* / Ed. by A. Voskressenski, B. Koller B. Langham, Boulder, New York, London: Rowman & Littlefield / Lexington Books, 2019.
- Van Langenhove L., Costea A.-N.* The EU as a Global Actor and the Emergence of ‘Third Generation’ Regionalism // *UNU—CRIS Occasional Papers 0-2005/14*. United Nations University, 2005.
- Vivares E., Dolcetti-Marcolini M.* Two Regionalisms, Two Latin Americas or beyond Latin America? Contributions from a Critical and Decolonial IPE // *Third World Quarterly*. 2016. Vol. 37. No. 5. P. 866—882. DOI: 10.1080/01436597.2015.1109438
- Voskressenski A.* Non-Western International Relations Theories: Conceptualizing World Regional Studies. Springer Global: Palgrave Macmillan, 2017.

References

- Acharya, A. (2003). Democratization and the Prospects for Participatory Regionalism in Southeast Asia. *Third World Quarterly*, 24 (2), 375—390.
- Acharya, A. (2006). Europe and Asia: Reflections on a Tale of Two Regionalisms. In: Fort, B. & Webber, D. (Eds.). *Regional Integration in Europe and East Asia: Convergence or Divergence?* London and New York: Routledge. P. 312—321.
- Acharya, A. (2008). *Regional Worlds in a Post-Hegemonic Era*: Keynote Speech. 3rd GARNET Annual Conference, Bordeaux. 17—20 September. URL: <http://amitavacharyaacademic.blogspot.com/2008/10/regional-worlds-in-post-hegemonic-era.html> (accessed: 07.10. 2019).
- Acharya, A. (2012). Comparative Regionalism: A Field Whose Time has Come? *The International Spectator: Italian Journal of International Affairs*, 47 (1), 3—15.
- Acharya, A. (2014). *The End of the American World Order*. Cambridge and Malden: Polity Press.
- Adler, E. & Greve, P. (2009). When Security Community Meets Balance of Power: Overlapping Regional Mechanisms of Security Governance. *Review of International Studies*, 35 (S1), 59—84. DOI: 10.1017/S0260210509008432
- Aniche, E. (2018). Pan-Africanism and Regionalism in Africa: The Journey so Far. SSRN. URL: <https://ssrn.com/abstract=3098045> (accessed: 07.10. 2019).
- Baykov, A.A. (2012). *Comparative Integration. Practice and Models of Integration in Foreign Europe and Pacific Asia*. Moscow: Aspekt Press publ. (In Russian).
- Beeson, M. & Lee-Brown, T. (2016). The Future of Asian Regionalism: Not What It Used to Be. *Asia & the Pacific Policy Studies*, 4 (2), 195—206. DOI: 10.1002/app5.168
- Beeson, M. & Stubbs, R. (Eds.). (2011). *Routledge Handbook of Asian Regionalism*. London: Routledge. DOI: 10.4324/9780203803608
- Biermann, R. & Koops, J.A. (Eds.). *The Palgrave Handbook of Inter-Organizational Relations in World Politics*. Palgrave Macmillan. DOI: 10.1057/978-1-137-36039-7
- Börzel, T.A. & Risse, T. (Eds.). (2006). *The Oxford Handbook of Comparative Regionalism*. Oxford University Press.
- Börzel, T.A. & Van Hüllen, V. (Eds.). (2015). *Governance Transfer by Regional Organizations. Patching Together a Global Script*. Palgrave Macmillan.
- Coe, B.N. (2019). *Sovereignty in the South Intrusive Regionalism in Africa, Latin America, and Southeast Asia*. Cambridge University Press. DOI: 10.1017/9781108654821
- Cusack, A.K. (2019). *Venezuela, ALBA, and the Limits of Postneoliberal Regionalism in Latin America and the Caribbean*. Palgrave Macmillan. DOI: 10.1057/978-1-349-95003-4
- De Lombaerde, P. & Schultz, M. (2009). *The EU and World Regionalism. The Makability of Regions in the 21st Century*. London: Routledge.
- De Lombaerde, P. (2010). How to ‘Connect’ Micro-regions with Macro-regions? *A Note. Perspectives on Federalism*, 2 (3), 1—9. URL: http://www.on-federalism.eu/attachments/080_download.pdf (accessed: 26.02.2020).
- De Lombaerde, P., Söderbaum, F., Van Langenhove, L. & Baert, F. (2010). The Problem of Comparison in Comparative Regionalism. *Review of International Studies*, 36 (3), 731—753. DOI: 10.1017/S0260210510000707
- Fawcett, L. (2004). Exploring Regional Domains: A Comparative History of Regionalism. *International Affairs*, 80 (3), 429—446. DOI: 10.1111/j.1468-2346.2004.00391.x
- Fawcett, L. (2005). Regionalism in Historical Perspective. In: Farrell, M., Hettne, B. & Van Langenhove, L. (Eds.). *The Global Politics of Regionalism. Theory and Practice*. London: Pluto Press. P. 21—38.
- Fawcett, L. (2016). Regionalism by Emulation: Considerations across Time and Space. In: Telo, M., Fawcett, L. & Ponjaert, F. (Eds.). *Interregionalism and the European Union. Post-revisionist Approach to Europe’s Place in a Changing World*. Abington: Routledge. P. 33—55.
- Haas, E. (1964). *Beyond the Nation-state: Functionalism and International Organization*. Stanford, California: Stanford University Press.
- Haas, E. (1975). *The Obsolescence of Regional Integration Theory*. Berkeley: Institute of International Studies, University of California.
- Hanggi, H., Roloff, R. & Ruland, J. (2006). Interregionalism: A New Phenomena in International Relations. In: Hanggi, H., Roloff, R. & Ruland, J. (Eds.). *Interregionalism and International Relations*. London: Routledge.

- Hettne, B. & Söderbaum, F. (2000). Theorising the Rise of Regionness. *New Political Economy*, 5 (3), 457—472. DOI: 10.1080/713687778
- Hettne, B. (2005). Beyond the “New Regionalism”. *New Political Economy*, 10 (4), 543—571. DOI: 10.1080/13563460500344484
- Katzenstein, P.J. (1996). Regionalism in Comparative Perspective. *Cooperation and Conflict*, 31 (92), 123—159.
- Katzenstein, P.J. (2000). Regionalism and Asia. *New Political Economy*, 5 (3), 353—368.
- Katzenstein, P.J. (2005). *A World of Regions: Asia and Europe in the American Imperium*. Cornell University Press.
- Keating, M. (2001). Rethinking the Region: Culture, Institutions and Economic Development in Catalonia and Galicia. *European Urban and Regional Studies*, 8 (3), 217—234. DOI: 10.1177/096977640100800304
- Keohane, R.O. & Nye, J.S. (1997). Interdependence in World Politics. In: Crane, G.T. & Amawi, A. (Eds.). *The Theoretical Evolution of International Political Economy: A Reader*. New York: Oxford University Press.
- Krapohl, S. & Van Huut, S. (2019). A Missed Opportunity for Regionalism: the Disparate Behavior of African Countries in the EPA-negotiations with the EU. *Journal of European Integration*, 1—19. DOI: 10.1080/07036337.2019.1666117
- Kubicek, P. (2009). The Commonwealth of Independent States: An Example of Failed Regionalism? *Review of International Studies*, 35 (S1), 237—256.
- Kuznetsov, D.A. (2016). Transregionalism: Problems of Terminology and Conceptualization. *Comparative Politics*, 7 (2), 14—25. DOI: 10.18611/2221-3279-2016-7-2(23)-14-25. (In Russian).
- Kuznetsov, D.A. (2018). Trans-regionalism as a New Phenomenon of International Relations and Its Interpretation in the Global Integrated Regional Studies. In: Voskressenski, A.D. (Eds.). (2018). *World Regional Studies in Pedagogical Practice*. In 2 volumes. Vol. 1. Moscow: MGIMO Universitet publ. P. 47—58. (In Russian).
- Lagutina, M. (2019a). A World of Global Regions? Is Regionalization 20 Possible? In: Voskressenski, A.D. & Koller, B. (Eds.). *The Regional World Order: Transregionalism, Regional Integration, and Regional Projects across Europe and Asia*. Rowman & Littlefield. P. 49—61.
- Lagutina, M. (2019b). The Global Region: A Concept for Understanding Regional Processes in Global Era. *Journal of Cross-Regional Dialogues*, 1, 13—38.
- Lagutina, M. (2020). A Concept of Eurasia: from Classical Eurasianism to Pragmatic Eurasianism. In: Lagutina, M. (Eds.). *Regional Integration and Future Cooperation Initiatives in the Eurasian Economic Union*. IGI Global. P. 1—15.
- Lagutina, M. (2019c). BRICS in a World of Regions. *Third World Thematic: A TWQ Journal*, 4 (6), 442—458. DOI: 10.1080/23802014.2019.1643781
- Lagutina, M.L. (2015). Global Region as a Unit of World Political System of the XXI century. *Comparative Politics*, 6 (2), 16—21. DOI: 10.18611/2221-3279-2015-6-2(19)-16-21. (In Russian).
- Lagutina, M.L. (2016). *The World of Regions in the Structure of the World Political System of the 21st Century*. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskiy gosudarstvenniy politekhnicheskii universitet publ. (In Russian).
- Laruelle, M. (2015). Eurasia, Eurasianism, Eurasian Union: Terminological Gaps and Overlaps. *PONARS Eurasia*. URL: <http://www.ponarseurasia.org/memo/eurasia-eurasianism-eurasian-union-terminological-gaps-and-overlaps> (accessed: 01.04.2019).
- Laursen, F. (2003). *Comparative Regional Integration: Theoretical Perspectives*. Ashgate.
- Lebedeva, M.M. & Kuznetsov, D.A. (2019). Transregional Integration as a New Phenomenon of World Politics: Nature and Prospects. *Polis. Political Studies*, 5, 71—84. DOI: 10.17976/jpps/2019.05.06. (In Russian).
- Libman, A. & Obydenkova, A. (2017). Why Is the ‘Post-Soviet’ Regionalism Post-Soviet? Historical Legacies and Regional Integration in Eurasia. *MPRA Paper*, 83506. URL: <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/83506/> (accessed: 01.04.2019).
- Loewen, H. & Zorob, A. (2018). *Initiatives of Regional Integration in Asia in Comparative Perspective Concepts, Contents and Prospects*. Springer. DOI: 10.1007/978-94-024-1211-6
- Makarychev, A.S. (1999). *Western Frontiers of Russia: Problems of Security and Transnational Regionalism*. Moscow: Moskovskiy tsentr Karnegi publ., 8, 1—19. (In Russian).
- Martynova, E.S. (2012). Integration Processes in the Asia-Pacific Region: New Outlines of East Asian Regionalism. *International Organisations Research Journal*, 7 (4), 254—270 (in Russian).
- Mearsheimer, J. (1994). The False Promise of International Institutions. *International Security*, 19 (3), 5—49.
- Mikhaylenko, E. & Mikhaylenko, V. (2020). Eurasian Regionalism: Specifics, Problems and Prospects. In: Lagutina, M. (Eds.). *Regional Integration and Future Cooperation Initiatives in the Eurasian Economic Union*. IGI Global. P. 16—36.

- Mikhaylenko, E. & Mikhaylenko, V. (2016). New Forms of Integration or Alternative Regionalism. In: Taranu, A. (Eds.). *Governing for the Future: Interdisciplinary Perspectives for a Sustainable World*. MEDIMOND S R L. P. 67—74.
- Mikhaylenko, E.B. & Adami, I.M. (2019). Coping with Changing World Order: the Case of Russia. In: Feron, E. (Eds.). *Revisiting Regionalism and the Contemporary World Order*. Berlin: Verlag Stahleisen GmbH. P. 157—177.
- Mikhaylenko, E.B. (2014). “Old” and “New” Regionalism: Theoretical Discourse. Yekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta publ. (In Russian).
- Mitrany, D. (1965). The Prospect of European Integration: Federal or Functional. *Journal of Common Market Studies*, 4 (2), 119—149. DOI: 10.1111/j.1468-5965.1965.tb01124.x
- Molchanov, M.A. (2015). Eurasian Regionalism: Ideas and Practices. In: Kanet, R.E. & Sussex, M. (Eds.). *Power, Politics and Confrontation in Eurasia*. London: Palgrave Macmillan. P. 135—157.
- Muradyan, A.A. (1995). Regionalism as a Problem of Political Science. *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*, 3, 83—89.
- Obydenkova, V. & Libman, A. (2019). *Authoritarian Regionalism in the World of International Organizations: Global Perspective and the Eurasian Enigma*. Oxford University Press. DOI: 10.1093/oso/9780198839040.001.0001
- Panke, D. & Stapel, S. (2018). Exploring Overlapping Regionalism. *Journal of International Relations and Development*, 21 (3), 635—662. DOI: 10.1057/s41268-016-0081-x
- Pestsov, K.S. (2016). Comparative Regionalism: Typology of Patterns of Regional Cooperation and Integration. *Russia and the Pacific*, 2, 5—16. (In Russian).
- Pestsov, S.K. (2005). Regionalism and System of International Relations. *Vestnik of the Far East Branch of the Russian Academy of Sciences*, 2 (120), 65—71. (In Russian).
- Pestsov, S.K. (2017). Regionalism and New Peripheral Policy of China. *World Politics*, 3, 103—118. DOI: 10.25136/2409-8671.2017.3.23751. (In Russian).
- Pestsov, S.K. (2018). Regionalism in Interpretation of China: the Evolution of Theoretical Views and Practical Policies. *Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnology FEB RAS*, 18, 36—64. (In Russian).
- Rüland, J. (2018). Coping with Crisis: Southeast Asian Regionalism and the Ideational Constraints of Reform. *Asia Europe Journal*, 16, 155—168. DOI: 10.1007/s10308-018-0503-z
- Schulz, M., Söderbaum, F. & Öjendal, J. (2001). *Regionalization in a Globalizing World: A Comparative Perspective on Forms, Actors, and Processes*. New York: Zed Books Limited.
- Selleslaghs, J., Ruiz, J.B. & De Lombaerde, P. (2020). Regionalism in Latin America: Eclectic, Multi-faceted and Multi-layered. In: Hosli, M. & Selleslaghs, J. (Eds.). *The Changing Global Order*. Springer. P. 223—245. DOI: 10.1007/978-3-030-21603-0_12
- Sergunin, A. & Gao, F. (2018). BRICS as the Subject of Study of International Relations Theory. *International Organisations Research Journal*, 13 (4), 55—73. DOI: 10.17323/19967845-2018-04-03
- Sergunin, A.A. (1994). Problems and Opportunities of Regional Studies. *Polis. Political Studies*, 5, 149—152. (In Russian).
- Söderbaum, F. & Taylor, I. (Eds.). (2007). *Micro-Regionalism in West Africa Evidence from Two Case Studies*. Discussion Paper 34. Uppsala: Nordiska Afrika institutet. P. 1—36.
- Söderbaum, F. & Van Langenhove, L. (2006). *The EU as a Global Player. The Politics of Interregionalism*. London: Routledge.
- Söderbaum, F. (2005). Exploring the Links between Micro-regionalism and Macro-Regionalism. In: Farrell, M., Hettne, B. & Van Langenhove, L. (Eds.). *Global Politics of Regionalism: Theory and Practice*. London: Pluto Press. P. 87—103.
- Söderbaum, F. (2007). Regionalisation and Civil Society. The Case of Southern Africa. *New Political Economy*, 12 (3), 319—337.
- Söderbaum, F. (2009). Comparative Regional Integration and Regionalism. In: Landman, T. & Robinson, N. (Eds.). *The SAGE Handbook of Comparative Politics*. London: SAGE. P. 477—496.
- Söderbaum, F. (2015). Early, Old, New and Comparative Regionalism: The Scholarly Development of the Field. *KFG Working Paper Series*, October, 64. Kolleg-Forschergruppe (KFG) “The Transformative Power of Europe”, Freie Universität Berlin.
- Söderbaum, F. (2016). *Rethinking Regionalism*. Basingstoke: Palgrave.
- Taylor, I. (2005). *NEPAD. Toward Africa's Development or Another False Start?* Boulder: Lynne Rienner.

- Telo, M. (2007). *European Union and New Regionalism: Regional Actors and Global Governance in a Post-Hegemonic Era*. Cornwall: Ashgate Publishing.
- Van Langenhove, L. & Costea, A.-N. (2005). The EU as a Global Actor and the Emergence of ‘Third Generation’ Regionalism. *UNU—CRIS Occasional Papers*, 0-2005/14. United Nations University.
- Vivares, E. & Dolcetti-Marcolini, M. (2016). Two Regionalisms, Two Latin Americas or beyond Latin America? Contributions from a Critical and Decolonial IPE. *Third World Quarterly*, 37 (5), 866—882. DOI: 10.1080/01436597.2015.1109438
- Voskressenski, A.D. (2012). Concepts of Regionalization, Regional Subsystems, Regional Complexes and Regional Transformations in Contemporary IR. *Comparative Politics Russia*, 3 (2), 30—58. DOI: 10.18611/2221-3279-2012-3-2(8)-30-58. (In Russian).
- Voskressenski, A.D. & Koller, B. (Eds.). (2019). *The Regional World Order: Transregionalism, Regional Integration, and Regional Projects across Europe and Asia*. Langham, Boulder, New York, London: Rowman & Littlefield / Lexington Books.
- Voskressenski, A.D. (2017). *Non-Western International Relations Theories: Conceptualizing World Regional Studies*. Springer Global: Palgrave Macmillan.
- Voskressenski, A.D. (2019). *Regionalism as a Paradigm of World Order*. In: Gaman-Golutvina, O.V. & Nikitin, A.I. (Eds.). *Modern Political Science. Methodology*. 2nd ed. Moscow: Aspekt Press publ. P. 675—695. (In Russian).
- Voskressenski, A.D. (Eds.). (2014). *World Regional Studies*. Moscow: Magistr: INFRA-M publ. (In Russian).
- Yurtaev, V.I. & Rogov, A.S. (2017). BRICS and SCO: Particular Qualities of Formation and Activities. *Vestnik RUDN. International Relations*, 17 (3), 469—482. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-469-482. (In Russian).

Сведения об авторах: Лагутина Мария Львовна — доктор политических наук, доцент кафедры мировой политики факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета (e-mail: m.lagutina@spbu.ru).

Михайленко Екатерина Борисовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Уральского гуманитарного института (УрФУ), г. Екатеринбург (e-mail: earslanova@urfu.ru).

About the authors: Lagutina Maria Lvovna — PhD, Dr. of Sc. (Political Science), Associate Professor, School of International Relations, Saint Petersburg State University (e-mail: m.lagutina@spbu.ru).

Mikhaylenko Ekaterina Borisovna — PhD in History, Associate Professor, Department of International Relations, Ural Federal University, Yekaterinburg (e-mail: earslanova@urfu.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-2-279-287

Research article

Comparative Area Studies and the Study of the Global South

R. Sil

University of Pennsylvania, Philadelphia, USA

A.I. Ahram

Virginia Tech, Arlington, USA

Abstract. Comparative Area Studies (CAS) offers a template to bring the Global South back into the foreground of social science inquiry. CAS urges researchers to grapple directly with empirical variations derived from across the seemingly different global regions. CAS offers three comparative modes: intra-regional, cross-regional, and trans-regional. A number of scholars have used CAS's comparative rubrics, even without knowing about the wider CAS agenda and program. CAS unsettles assumptions about discrete, fixed "regional" or civilizational blocks as well as about nomothetic theory-building aimed at universal or general laws. At the same time, CAS engages in the idea of medium-range theory-building, focusing empirical rigor and induction in order to create concepts and analyses that are portable yet contextualized. These macro-historical theories must be attentive to spatial and temporal variation in the social world. Claims of universalism are suspect. For the study of the Global South, in particular, CAS provides a path for aggregating and leveraging the wide range of observations and interpretations area specialists have to offer on regions as diverse as South Asia, the Middle East, Latin America, and sub-Saharan Africa. CAS thus changes the division of labor within social science to allow greater input for scholarship derived from and originating in the developing world.

Key words: Area studies, qualitative methods, multimethod research, democratization, institutions

For citation: Sil, R. & Ahram, A.I. (2020). Comparative Area Studies and the Study of the Global South. *Vestnik RUDN. International Relations*, 20 (2), 279—287. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-2-279-287

Научная статья

Сравнительное регионоведение и исследование Глобального Юга

Р. Сил

Университет Пенсильвании, Филадельфия, США

А.И. Ахрам

Политехнический университет Виргинии и университет штата, Арлингтон, США

Сравнительные региональные исследования (СРИ) предлагают инструментарий, позволяющий вернуть Глобальный Юг на передний план исследований в области социальных наук. СРИ призывают исследователей не бояться сталкиваться и изучать, казалось бы, значительную эмпирическую вариацию, обнаруживаемую при сравнении различных регионов мира. СРИ предлагают три сравнительных метода: внутрирегиональный, сравнение соседних регионов и трансрегиональные сравнения. Ряд исследователей уже применяли методику СРИ до того, как они были выделены в отдельное методологическое направление со своими более глобальными задачами и представлениями о сравнительных исследованиях в целом. СРИ разрушают предположения о дискретных, фиксированных «региональных» или цивилизационных блоках, а также построении номотетических теорий, нацеленных на универсальные законы. В то же время СРИ продвигают идею построения теории среднего уровня, концентри-

© Sil R., Ahram A.I., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

руясь на большей эмпирической строгости и индукции, с целью создания терминологии и анализа, являвшихся бы экстраполируемыми, но в то же время контекстуализируемыми. Эти макроисторические теории должны более тщательно учитывать пространственные и временные изменения в социальном мире. В частности, для изучения Глобального Юга СРИ дают возможность агрегации и использования широкого спектра наблюдений и интерпретаций, предлагаемых специалистами по столь различным регионам, как Южная Азия, Ближний Восток, Латинская Америка и Тропическая Африка. Таким образом, СРИ вносят изменения в разделение труда в социальных науках, позволяющие предоставить большую роль исследованиям, проводимым в развивающихся странах.

Ключевые слова: регионоведение, качественные методы, мультиметодные исследования, демократизация, институты

Для цитирования: *Sil R., Ahram A.I. Comparative Area Studies and the Study of the Global South // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20. № 2. С. 279—287. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-2-279-287*

Introduction

Social scientists have always struggled to find a balance between the drive to develop universal theories and the imperative of engaging with immense varieties of empirical observations gleaned from the social world. The social sciences, including political science and sociology, remain Northern (or Western) centered. Key theories, such as those related to economic and political development, implicitly assume that North's experience are modally prevalent, inevitable, or normatively superior. Moreover, the predominance of quantitative studies, particularly survey responses, privileges modes of inquiry that were designed and customized to suit the study of advanced industrial polities like those seen in the Global North. All of this cumulatively pushes the study of the developing world, particularly the Global South, to a periphery. The different areas that constitute the Global South surely provide a mix of empirical exotica, but the impact of findings about these areas on mainstream social science theories has been relatively minor due to the tendency to treat (even if unintentionally) each of the individual areas as unworthy of significance for the purposes of theoretical investigation or methodological innovation.

Comparative Area Studies (CAS) offers a template to bring the Global South back into the foreground of social science inquiry. In offering methodological approaches for intra-regional, cross-regional, and inter-regional comparison, CAS compels researchers to grapple directly with empirical variations derived from across the seemingly different regions used to create and

bound area expertise [Ahram, Köllner, Sil 2018]. CAS unsettles assumptions about discrete, fixed “regions” as well as about nomothetic theory-building aimed at universal laws. At the same time, it does not jettison the idea of theory-building writ large and instead insists on a more rigorous, empirical, and inductive path toward middle-range, macro-historical theory formation that is attentive to spatial and temporal variation in the social world. For the study of the Global South, in particular, CAS provides a path for aggregating and leveraging the wide range of observations and interpretations area specialists have to offer on regions as diverse as South Asia, the Middle, East, Latin America, and Sub-Saharan Africa.

Re-positioning Area Studies, Advancing Cross-Area Studies

The seemingly endless debates between nomothetic social science, intent on building broad, and area studies specialists, who focused more narrowly on a single country or region, have come to a merciful truce [Bates 1997]. Still, the challenge of balancing the standards and expectations of area studies communities with those of non-area specialists in political science remains.

There are a number of different strategies available for dealing with this tension. For some researchers, the old nomothetic dictum of replacing proper nouns remains a worthy, albeit difficult, objective. There is no questioning the predominance of quantitative research that eschews any mention of specificity of place or locus except when absolutely unavoidable [King

1996]. Cross-national large-N comparison and survey research addressing individual attitudes try to minimize the significance of the particular as much as possible, using geographically specific nominal variables (“dummy variables”) to hold place as a constant [Harbers, Ingram 2017]. Formal and game theoretical models are even more abstract, seeking essentially to make area irrelevant. The result are analyses that fit within the bounds of and largely reproduce different versions of what Andrew Abbott dubs “General Linear Reality” (GLR).

GLR assumes a distinctly flattened social ontology in which the social world consists of fixed entities with variable attributes, causal patterns are singular and definitive, and units of analysis are independent and not interconnected in any meaningful way. Furthermore, causation tends to flow in a single direction, from large entities affecting small ones, but not the other way around [Abbott 1988]. The value of area studies, to those adopting the GLR perspective, derive largely from acquiring and providing “novel” data that can be grist for further theoretical interrogation and theory testing and refinement.

Despite the unmistakable ascent of this quantitative research beholden to GLR assumptions, however, a sizable and very active contingent within the social sciences retain an abiding interest in engaging area specialists in a particular area of the world. For them, space and contexts not only matter, but define the immense circumference of social changes [Goodin, Tilly 2006]. Area studies scholars often anchor their research in the epistemological traditions of the new institutionalism, which offers a sophisticated conceptual toolbox to explain both variation and general commonalities in social development and could be seen as an antidote to the inexorable pull of GLR [Peters 2019: 12; Ahram 2011].

Historical institutionalism, a sub-stream within new institutionalism, has developed notions such as “process-tracing”, “critical junctures”, “contingency” and “path dependence” for the design and presentation of qualitative research on a host of topics across the subfields of political science [Mahoney, Thelen 2015; Fioretos, Falleti, Sheingate 2016: 3—30].

Interpretivists research stands out as a somewhat smaller and perhaps more peripheral mode of engagement. These scholars tend to embrace ethnographic and participant observation styles of research. They are often more closely aligned with anthropology and what might be dubbed the humanist branch of area studies [Wedeen 2010; Schaffer 2018]. While those identifying with historical institutionalism are more likely to be considered “mainstream” within the discipline, both of these intellectual traditions have helped to preserve some space for area specialists doing stand-alone qualitative research within political science.

Some scholars have advocated multimethod research (MMR) as a possible way to bridge the divide and, in effect, capture the best of both worlds by combining qualitative area-focused scholarship in the form of case studies within mixed-methods projects, usually alongside formal models and/or regression analyses. Some MMR designs provide an avenue (or perhaps a convenient “cover”) for scholars who remain deeply committed to studying particular areas and engaging area studies communities. For them, even if qualitative research is the primary objective, incorporating regression analyses or formal models can go a long way towards convincing non-area specialists to pay attention to the qualitative findings [Berg-Schlosser 2012].

One type of mixed-method research that has been gaining in popularity is the integration of qualitative research with field experiments. In this approach, research designs that most closely resemble laboratory experiments are seen as the most reliable path to improving causal inference. The best field experience demands deep area expertise to supply the contextual knowledge required for strong designs [Dunning 2012]. Dana El-Kurd’s survey experiments on attitudes on security services, conducted amongst Palestinian university students, were extremely sensitive to the particulars of on-campus political alignments to elicit response. This effort certainly increased the internal validity of the research. However, it also circumscribed any

claims that findings could be generalized to other Palestinians, much less to other societies [El Kurd 2019].

Too often, though, field experimenters are willing to elide important contextual constraints in their pursuit of generalizability and external legitimacy [McDermott 2011]. These efforts thus reinforce the tendencies of GLR, offering a social change in which variegation of space and time are ironed-out or elided. Consequently, at least some area studies specialists especially skeptical of MMR design as merely another kind of interloping. The proliferation of mixed-methods research since the 1990s has been extremely rapid and has had some unanticipated consequences, including shrinking the space available for single-method qualitative research [Ahmed, Sil 2012].

CAS is an intervention meant to bolster qualitative research by offering firmer methodological footing and justification. At the same time, it seeks to embolden quantitative researchers and urges them to consider broader temporal and spatial horizons [Köllner, Sil, Ahram 2018; Basedau, Köllner 2007; Soest, Stroh 2018]. CAS entails three different approaches to comparison:

— Intra-regional comparisons. These entail comparing entities within a geographic region or area, commensurate with traditional area studies approaches.

— Inter-regional comparison. These entail comparing different geographical regions or areas as whole analytical units

— Cross-regional comparison. These entail comparing entities from different geographical regions or areas.

The instinct and inclination for such comparisons is not exactly new. Charles Tilly urged historical sociologists to embark on “huge comparisons” that traversed boundaries of scale and time in the 1980s [Tilly 1984]. More recently, Evelyne Huber implored political science to undertake systematic cross-regional comparative analysis [Huber 2003]. There are a number of notable studies that illustrate the value and relevance of cross regional qualitative comparisons, also suggesting that scholars may be practicing CAS without even knowing it. For

example, Elisabeth Wood’s study of the end of insurgencies and the negotiation of democratic pacts compared two countries located on two continents, El Salvador and South Africa [Wood 2000].

Wood’s primary field of expertise is Central America, her language skills are limited to Spanish and Portuguese, and her research began with extensive fieldwork in El Salvador featuring interviews with not only government officials and party leaders but also field commanders of various insurgent guerrilla forces. However, she put off a detailed study of El Salvador that would later appear in a separate book [Wood 2003] and opted to delve into the case of South Africa. Wood did carry out fieldwork and interviews in South Africa, but she had training as an Africanist, did not speak any of the native languages beyond English, and limited her interviews to a significantly narrower range of actors (politicians, business groups, trade union officials). The point is not to raise doubts about Wood’s treatment of South Africa, but rather to highlight the intellectual payoffs of her bold decision to delve into a second case *in spite of* not having extensive prior expertise on that case. That decision led to a paired comparison in which she was able to leverage a “least similar systems” research design that effectively made her argument more compelling to a wider audience. And she did this with sensitivity to the context that was only possible because she had previously amassed an impressive amount of country specific expertise that would not only be useful for one of the two cases but could also inform her judgment in designing her empirical investigation into the other case.

Similarly, Lieberman’s more recent *Boundaries of Contagion* [Lieberman 2009] stands out for its leveraging of a cross-national study of Brazil and South Africa, alongside a sub-national (intra-regional) comparative analysis of Indian states, in addressing the question of why some governments have more effective and efficient responses to AIDS than others. In contrast to those who focus on the capacity and willingness of states to provide effective responses, Lieberman’s general argument essentially focuses on the demand side,

making a compelling case for how the institutionalization of ethnic divisions influence the extent to which the conditions and concerns of the most/least affected populations are actually revealed to governments. The most intriguing part of the evidence Lieberman offers on the basis of his cross-national and within-country comparisons is the identification of two sets of mechanisms that link the initial conditions to the final outcome: the most affected groups fear the social stigma that may be attached to their groups should they publicly acknowledge their level of exposure to AIDS, whereas the least affected groups tend to feel themselves insulated from the problem. The deeper the institutionalization of these ethnic boundaries, the stronger the negative effect of both of these mechanisms on the likelihood of effective and efficient government responses.

In the wake of the turmoil caused by the Covid-19 pandemic, Lieberman's works represents an impressive exemplar of how to effectively triangulate information from different regions of the Global South to generate fresh theoretical insights that were previously missing in the literature. Had Lieberman only focused on one country or area, questions would have to be raised about the portability of the insights; but by combining cross-regional and intra-regional comparative analysis in a creative manner, Lieberman leaves us with an important work that is of relevance for the well-being of different groups throughout the regions of the Global South.

While the above examples are of studies by established comparativists who chose to go beyond relying solely on expertise in a single region, it is possible to find first books (often based on doctoral dissertations) that self-consciously traverse regional silos [Saylor 2014; Sil 2002; Smith 2007]. Jason Brownlee's analysis authoritarianism is illustrative and exemplary in this respect [Brownlee 2007]. Brownlee cuts across Middle Eastern and Southeast Asian studies to develop a comparable set of cases featuring Egypt, Iran, Malaysia and the Philippines. The comparative study is designed to explain why electoral authoritarianism helps to preserve authoritarian

rule in some cases (Egypt, Malaysia) while engendering more democratic contestation in others (Iran, the Philippines). Brownlee's Arabic language skills presumably aided his field research in Egypt, and his broader training as a Middle East area specialist likely gave him substantial background for Iran. But, by venturing into Malaysia and the Philippines despite the absence of a similar level of prior expertise in the Southeast Asian region, Brownlee is able to make a more compelling case for the portability of his argument. That the variation in outcomes cuts across the two regions of the Global South helps to strengthen Brownlee's theoretical claims about the importance of softliners who can press forward when a ruling party is unable to manage conflicts among elites. At the same time, the evidence is based on at least some fieldwork in both regions, with attention to country-specific scholarly debates as well as to the broader historical contexts shaping the emergence and structure of authoritarian regimes in each case. In all of the above examples, we find key insights about some dimension of political or economic change in the Global South that depended on being willing to stretch beyond one's initial area of expertise and to delve into a second or third region.

In practical terms, the CAS approach does not require that the researcher become expert on every country or area to be analyzed. And, it is certainly not reasonable to expect a researcher to keep learning new languages or finding new collaborators for each and every additional case in a small-N study [Skocpol, Somers 1980; Thies 2002]. It is usually possible and certainly worthwhile, however, for anyone trained as an area expert to study cases from a different area with an eye to regionally specific context conditions and with an awareness of how contending intellectual traditions and historiographic complexities shape discourses among the relevant area studies communities.

These studies highlight the payoffs of CAS in diving deeply into their cases and engage area studies debates while also identifying portable concepts and causal linkages through cross-regional comparative analysis. In the process, CAS also serves an integrative function,

expanding the channels of communication both between separate communities of area specialists interested in similar problems and between these communities and the discipline of political science writ large.

One of the most interesting additions to the repertoires of CAS comes from the emergence of qualitative comparative analysis (QCA). QCA builds on the logic of Boolean algebra and set theory to examine complex causal configurations across cases. Unlike the GLR modes predominant in large-*n* analysis, QCA is explicitly geared to address necessary and sufficient conditionality, which is a major feature in qualitative research [Rihoux, Ragin 2008; Berg-Schlusser 2012]. Recent steps have sought to link QCA with process tracing, another important tool in the qualitative arsenal. The initial “crisp” versions of QCA relied upon binary coding of a set of variables across a number of cases. In response to criticisms that this limited coding generates claims that are overly deterministic, fuzzy-set QCA has been designed to incorporate continuous variables that allow for a much wider range of potential configurations. The coding of cases and variables in QCA is thus paramount and demands intensive consideration from the researcher of both the underlying conceptual definition and the empirics of the case. Moreover, area-based knowledge provides crucial contextual information needed to identify the relevant variables across a given set of cases and to assign appropriate values to these variables for each case. Thus, while QCA is not as dependent as CAS on the skills or sensibilities of an area specialist, it does provide justification for continuing investment in area studies research, without which it not be possible to identify plausible case-specific causal configurations.

CAS and the Question of Scale

Like many modes of social science, CAS often defaults to the assumption that individual countries are the most appropriate or easiest unit to approach for analysis. This assumption, what Chernilo and Wimmer dub “methodological nationalism”, is problematic on the theoretical level and self-limiting on the methodological one

[Chernilo 2011]. It presupposes that the locus of both cause and effect reside only at the national-level scale, unwittingly reproducing some of the key GLR assumptions.

CAS has a strong promise to push researchers to “scale up” or “scale down” qualitative research instead of defaulting to methodological nationalism. To scale up, scholars move away from focusing on individual countries to consider comparing entire regional blocks. As Peter Katzenstein and Amitav Acharya each argue, discrete and yet interconnected regional orders have become an especially important part of the global system [Katzenstein 2015; Acharya 2007]. Inter-regional comparison emphasizes the relevance of discrete region-wide attributes and processes that can play a crucial role in mediating causal forces thought to originate at the global or national levels. By de-centering the nation-state and focusing on regions, inter-regional comparisons are in a position to shed light on how region-level historical inheritances or transformational processes might mediate between global and local forces and influence the trajectories of discrete clusters of countries. Etel Solingen’s study of the interplay between economic development, political economy, and nuclear proliferation in East Asia versus the Middle East shows how mechanisms of change differ by context [Solingen 2009]. Scott Mainwaring and Anibal Perez-Liñán’s work on democratization similarly emphasizes unique regional distributions, anchoring the discussion in the question of Latin America’s unique course toward democratization [Mainwaring, Pérez-Liñán 2007].

Regions, of course, are not innate or natural phenomena. They are often flexible depending on the specific research question. Moreover, they have varying degrees of porousness vis-à-vis the forces of globalization and internationalization. Yet, they still retain a regionally distinctive combination of economic, cultural, and institutional features that shape the behaviors and relations among countries within a given region [Sidaway 2013; Lewis, Wigen 1997].

Opposite scaling up is the possibility of scaling “down” to consider subnational units of

analysis as objects for comparison [Snyder 2001]. This approach encompasses within-country comparisons of cities or provinces as well as between-country comparisons of like units situated in different countries. The latter variant forfeits the possibility of controlling for national-level historical or societal or institutional attributes; but it gains more traction in analyzing how similarities and differences in those attributes might produce similar patterns of sub-national variation across different national settings. This fundamental design easily lends itself to cross-regional studies, where comparisons can focus on similar sets of sub-national units situated in different areas of the world. This is particularly useful for researching questions where the relevant sub-national dynamics are limited to countries that have certain common characteristics or face certain common challenges even though they are located in different areas of the world. This is the case, for example, with efforts to track variations in the efficacy of reforms designed to decentralize aspects of policymaking and expand the scope for grassroots civic engagement in Brazil, India and South Africa [Heller 2012].

Benjamin Smith and Thomas Pepinsky use contextually-sensitive comparisons of regions that suffered marginalization or exclusion from centrally-based state-building project. The result are sub-national peripheries in perpetual unrest, often times veering toward unrest, separatist and secessionist movements [Pepinsky 2017; Smith 2018]. Both inter-regional and sub-national comparative studies bolster the argument that area expertise is an extremely valuable asset for identifying the contextual knowledge needed to design and execute cross-regional comparative studies. Yet there are other, unheralded applications of the CAS mode in sub-national comparison. This includes the comparison of cities, such as Mark Frazier's comparative study of labor movements and mobilization in Shanghai and Mumbai [Frazier 2019]; the examination of cross-border trade flows and modes of production, as in Calvin Chen's examination of Chinese workers in the Italian

textiles industry [Chen 2015; 2018]; and the study of stateless groups and diasporas, as Harris Mylonas and Nadav Shelef propose and implement [Mylonas, Shelef 2017].

Conclusion

CAS does not offer a grand or master theory of social change, either at the macro-level, in the way development or dependency theory does, or at the micro-level, as in the case of rational choice theory. It offers, though, a middle-range blueprint for modes of empirical inquiry to which many scholars, especially those with area training, are already inclined. This blueprint cannot by itself fortify the status of area specialists within political science. Thus, CAS also aims to induce area specialists to take an active role in framing the knowledge they generate in relation to evolving theoretical and methodological debates in the discipline. This implies a need to be more explicit and self-conscious in describing the epistemological assumptions and methodological principles through which qualitative observations from one or more areas are interpreted in relation to general concepts and middle-range theories in the social sciences.

For the study of the Global South, in particular, CAS pushes a fount of empirical exotica from different locales to a place where theory generation and conceptual innovation can flourish. CAS allows us to draw upon cross-regional, intra-regional and inter-regional comparative analysis to creatively aggregate the insights generated by, and initiate productive conversations between, various area studies communities concerned with different regions across the Global South. This by itself may not be enough to de-center knowledge derived from the experiences of Northern (or Western) countries. But, knowledge derived from cross-regional, intra-regional and inter-regional comparative analysis will make it difficult to deny the significance of the Global South for theory-building within the social sciences writ large.

Received / Поступила в редакцию: 14.04.2020

Accepted / Принята к публикации: 13.05.2020

References / Библиографический список

- Abbott, A. (1988). Transcending General Linear Reality. *Sociological Theory*, 6 (02), 169—186. DOI: 10.2307/202114
- Acharya, A. (2007). The Emerging Regional Architecture of World Politics. *World Politics*, 59 (04), 629—652. DOI: 10.1353/wp.2008.0000
- Ahmed, A. & Sil, R. (2012). When Multi-Method Research Subverts Methodological Pluralism — or, Why We Still Need Single-Method Research. *Perspectives on Politics*, 10 (04), 935—953. DOI: 10.1017/S1537592712002836
- Ahram, A.I. (2011). The Theory and Method of Comparative Area Studies. *Qualitative Research*, 11 (01), 69—90. DOI: 10.1177/1468794110385297
- Ahram, A.I., Köllner, P. & Sil, R. (Eds.). (2018). *Comparative Area Studies: Methodological Rationales and Cross-Regional Applications*. New York: Oxford University Press. DOI:10.1093/oso/9780190846374.001.0001
- Basedau, M. & Köllner, P. (2007). Area Studies, Comparative Area Studies, and the Study of Politics: Context, Substance, and Methodological Challenges. *Zeitschrift für Vergleichende Politikwissenschaft*, 1 (01), 105—124. DOI: 10.1007/s12286-007-0009-3
- Bates, R.H. (1997). Controversy in the Discipline: Area Studies and Comparative Politics. *PS: Political Science and Politics*, 30 (02), 166—169. DOI: 10.2307/420485
- Berg-Schlosser, D. (2012). *Mixed Methods in Comparative Politics: Principles and Applications*. London: Palgrave Macmillan. DOI: 10.1057/9781137283375
- Brownlee, J. (2007). *Authoritarianism in an Age of Democratization*. Cambridge: Cambridge University Press. DOI: 10.1017/CBO9780511802348
- Chen, C.P. (2015). Made in Italy (by the Chinese): Migration and the Rebirth of Textiles and Apparel. *Journal of Modern Italian Studies*, 20 (01), 111—126. DOI: 10.1080/1354571X.2014.973160
- Chen, C.P. (2018). Organizing Production across Regions: The Wenzhou Model in China and Italy. In: Ahram, A.I., Köllner, P. & Sil, R. (Eds.). *Comparative Area Studies: Methodological Rationales and Cross-Regional Applications*. New York: Oxford University Press. DOI:10.1093/oso/9780190846374.001.0001
- Chernilo, D. (2011). The Critique of Methodological Nationalism: Theory and History. *Thesis Eleven*, 106 (01), 98—117. DOI: 10.1177/0725513611415789
- Dunning, T. (2012). *Natural Experiments in the Social Sciences: A Design-Based Approach*. Cambridge: Cambridge University Press. DOI: 10.1017/CBO9781139084444
- El Kurd, D. (2019). *Polarized and Demobilized: Legacies of Authoritarianism in Palestine*. London: Hurst.
- Fioretos, O., Falleti, T.G. & Sheingate, A. (Eds.) (2016). *The Oxford Handbook of Historical Institutionalism*. Oxford University Press. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199662814.001.0001
- Frazier, M.W. (2019). *The Power of Place: Contentious Politics in Twentieth-century Shanghai and Bombay*. Cambridge: Cambridge University Press. DOI: 10.1017/9781108698450
- Goodin, R.E. & Tilly, C. (Eds.). (2006). *The Oxford Handbook of Contextual Political Analysis*. Oxford University Press. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199270439.001.0001
- Harbers, I. & Ingram, M.C. (2017). Geo-Nested Analysis: Mixed-Methods Research with Spatially Dependent Data. *Political Analysis*, 25 (03), 289—307. DOI: 10.1017/pan.2017.4
- Heller, P. (2012). Democracy, Participatory Politics and Development: Some Comparative Lessons from Brazil, India and South Africa. *Polity*, 44 (04), 643—665. DOI: 10.1057/pol.2012.19
- Huber, E. (2003). Letter from the President: The Role of Cross-Regional Comparison. *APSA-CP Newsletter*, 14 (02), 1—6.
- Katzenstein, P.J. (2015). *A World of Regions: Asia and Europe in the American Imperium*. Ithaca: Cornell University Press.
- King, G. (1996). Why Context Should not Count. *Political Geography*, 15 (02), 159—164. DOI: 10.1016/0962-6298(95)00079-8
- Köllner, P., Sil, R. & Ahram, A.I. (2018). Comparative Area Studies: What It Is, What It Can Do. In: Ahram, A.I., Köllner, P. & Sil, R. (Eds.). *Comparative Area Studies: Methodological Rationales and Cross-Regional Applications*. New York: Oxford University Press. DOI: 10.1093/oso/9780190846374.001.0001
- Lewis, M.W. & Wigen, K. (1997). *The Myth of Continents: A Critique of Metageography*. Berkeley: University of California Press.
- Lieberman, E. (2009). *Boundaries of Contagion: How Ethnic Politics Have Shaped Government Responses to AIDS*. Princeton: Princeton University Press.
- Mahoney, J. & Thelen, K. (Eds.) (2015). *Advances in Comparative-Historical Analysis*. Cambridge: Cambridge University Press. DOI: 10.1017/CBO9781316273104

- Mainwaring, S. & Pérez-Liñán, A. (2007). Why Regions of The World Are Important: Regional Specificities and Region-Wide Diffusion of Democracy. In: Munck, G.L. (Eds.). *Regimes and Democracy in Latin America. Theories and Methods. Oxford Studies in Democratization*. New York: Oxford University Press. P. 199—229.
- McDermott, R. (2011). Internal and External Validity. In: Lupia, A., Green, D.P., Kuklinski, J.H. & Druckman, J.N. (Eds.). *Cambridge Handbook of Experimental Political Science*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 27—40. DOI: 10.1017/CBO9780511921452
- Mylonas, H. & Shelef, N. (2017). Methodological Challenges in the Study of Stateless Nationalist Territorial Claims. *Territory, Politics, Governance*, 5 (02), 145—157. DOI: 10.1080/21622671.2017.1284020
- Pepinsky, T.B. (2017). Regions of Exception. *Perspectives on Politics*, 15 (04), 1034—1052. DOI: 10.1017/S1537592717002146
- Peters, B.G. (2019). *Institutional Theory in Political Science: the New Institutionalism*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing.
- Rihoux, B. & Ragin, C.C. (Eds.) (2008). *Configurational Comparative Methods: Qualitative Comparative Analysis (QCA) and Related Techniques*. London: Sage Publications.
- Saylor, R. (2014). *State Building in Boom Times: Commodities and Coalitions in Latin America and Africa*. Oxford: Oxford University Press.
- Schaffer, F.C. (2018). Two Ways to Compare. *Qualitative and Multi-Method Research*, 16 (01), 15—19. DOI: 10.5281/zenodo.2562165
- Sidaway, J.D. (2013). Geography, Globalization, and the Problematic of Area Studies. *Annals of the Association of American Geographers*, 103 (04), 984—1002. DOI: 10.1080/00045608.2012.660397
- Sil, R. (2002). *Managing “Modernity”: Work, Community, and Authority in Late-Industrializing Japan and Russia*. Ann Arbor: University of Michigan Press. DOI: 10.3998/mpub.17256
- Skocpol, T. & Somers, M. (1980). The Uses of Comparative History in Macrosocial Inquiry. *Comparative Studies in Society and History*, 22 (02), 174—197. DOI: 10.1017/S0010417500009282
- Smith, B. (2018). Comparing Separatism across Regions: Rebellious Legacies in Africa, Asia, and the Middle East. In: Ahram, A.I., Köllner, P. & Sil, R. (Eds.). *Comparative Area Studies: Methodological Rationales and Cross-Regional Applications*. New York: Oxford University Press. DOI: 10.1093/oso/9780190846374.001.0001
- Smith, B.B. (2007). *Hard Times in the Lands of Plenty: Oil Politics in Iran and Indonesia*. Ithaca: Cornell University Press. DOI: 10.7591/9780801461866
- Snyder, R. (2001). Scaling Down: The Subnational Comparative Method. *Studies in Comparative International Development*, 36 (01), 93—110. DOI: 10.1007/BF02687586
- Soest, C.v. & Stroh, A. (2018). Comparisons across World Regions: Managing Conceptual, Methodological, and Practical Challenges. In: Ahram, A.I., Köllner, P. & Sil, R. (Eds.). *Comparative Area Studies: Methodological Rationales and Cross-Regional Applications*. New York: Oxford University Press. DOI: 10.1093/oso/9780190846374.001.0001
- Solingen, E. (2009). *Nuclear Logics: Contrasting Paths in East Asia and the Middle East*. Princeton: Princeton University Press.
- Thies, C.G. (2002). A Pragmatic Guide to Qualitative Historical Analysis in the Study of International Relations. *International Studies Perspectives*, 3 (04), 351—372. DOI: 10.1111/1528-3577.t01-1-00099
- Tilly, C. (1984). *Big Structures, Large Processes, Huge Comparisons*. New York: Russell Sage Foundation.
- Wedeen, L. (2010). Reflections on Ethnographic Work in Political Science. *Annual Review of Political Science*, 13, 255—272. DOI: 10.1146/annurev.polisci.11.052706.123951
- Wood, E.J. (2000). *Forging Democracy from Below: Insurgent Transitions in South Africa and El Salvador*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Wood, E.J. (2003). *Insurgent Collective Action and Civil War in El Salvador*. Cambridge: Cambridge University Press. DOI: 10.1017/CBO9780511808685

About the authors: *Sil Rudra* — Professor of Political Science, the SAS Director of the Huntsman Program in International Studies & Business, University of Pennsylvania, USA (e-mail: rudysil@sas.upenn.edu).
Ahram Ariel I. — Associate Professor, School of Public and International Affairs, Virginia Tech, USA (e-mail: ahram@vt.edu).

Сведения об авторах: *Сил Рудра* — профессор политологии и директор (SAS) Программы Хантсмана по международным исследованиям и бизнесу, Университет Пенсильвании, США (e-mail: rudysil@sas.upenn.edu).
Ахрам Ариэль И. — доцент, школа публичных и международных отношений, Политехнический университет Виргинии и университет штата, США (e-mail: ahram@vt.edu).

DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-2-288-302

Research article

Comparative Area Studies: Epistemological and Methodological Foundations and a Practical Application¹

D. Berg-Schlosser

Philipps-Universität Marburg, Marburg, Germany

Abstract. In recent decades, area studies have been transformed from mostly descriptive ethnographic and historical accounts to theory-oriented and analytical approaches. They retain some of their depth and cultural specificity, but have been widened in a comparative sense to come up with some broader social scientific explanations. This has been enhanced by more recent systematic comparative methods such as “Qualitative Comparative Analysis” (QCA) and related procedures, which are particularly suitable for medium-N studies of specific regions at the macro-level and cross-area analyses in contrast to more common statistical approaches. This paper discusses the epistemological background of this approach as well as recent methodological developments. As an illustration, it provides an example of an ongoing large international “cross-area” research project concerned with successful democratic transformations in different world regions and more recent threats to democratic stability and some of their underlying causes. Here, in particular, the relationships between level of socio-economic development and liberal democracy (the “Lipset hypothesis”) and the effects of “good governance” in terms of the World Bank indicators on democratic stability are investigated. This is done on the basis of selected “cross-area” cases with the help of both crisp-set and fuzzy-set QCA. In this way, both the utility of this approach for “medium-range theorizing” in the social sciences and possible practical-political applications are demonstrated.

Key words: cross-area studies, social science epistemology, Qualitative Comparative Analysis (QCA), empirical democratic theory, liberal democracy under threat

For citation: Berg-Schlosser, D. (2020). Comparative Area Studies Epistemological and Methodological Foundations and a Practical Application. *Vestnik RUDN. International Relations*, 20 (2), 288—302. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-2-288-302

Научная статья

Сравнительное регионоведение: эпистемологические и методологические основы и практическое применение

Д. Берг-Шлессер

Марбургский университет им. Филиппа, Марбург, Германия

В последние десятилетия региональные исследования трансформировались из описательных этнографических и исторических эссе в теоретически ориентированные и аналитические работы. Они сохраняют глубину и культурную специфику, но в сравнительном плане были расширены и теперь представляют собой более комплексные объяснения в рамках общественной науки. Данный инструментарий был усилен современными сравнительными методами, такими как качественный сравнительный анализ (QCA), и смежными процедурами, которые

¹ The first part of this article is a revised and updated version of the chapter in [Ahram, Köllner, Sil 2018].

© Berg-Schlosser D., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

(в отличие от более распространенных статистических подходов) применяются для исследований средних по размеру N-выборок в рамках конкретных регионов на макроуровне и трансрегиональных исследований. В статье обсуждаются эпистемологические основы данного подхода, а также показаны последние методологические разработки в его рамках. В качестве иллюстрации приводится пример продолжающегося крупного международного исследовательского проекта, связанного с успешными демократическими преобразованиями в различных регионах мира, угрозами демократической стабильности и их основными причинами. В частности, исследуется взаимосвязь между уровнем социально-экономического развития и либеральной демократией («гипотеза Липсета») и влиянием эффективного управления (в оценке Всемирного банка) на демократическую стабильность. Анализ проводится на основе отдельных трансрегиональных кейсов с помощью инструментария качественных региональных исследований, в том числе теории нечетких множеств. Кейс демонстрирует полезность данного подхода для создания теорий среднего уровня, а также его значение для прикладной политической экспертизы.

Ключевые слова: трансрегиональные исследования, социальная эпистемология, качественный сравнительный анализ (QCA), эмпирическая демократическая теория, либеральная демократия

Для цитирования: Berg-Schlosser D. Comparative Area Studies: Epistemological and Methodological Foundations and a Practical Application // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20. № 2. С. 288—302. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-2-288-302

Introduction

Area studies have undergone significant changes over the last two decades. They have been transformed from mostly descriptive accounts in the international context of the Cold War to theory-oriented and analytical approaches. More recent comparative methods such as “Qualitative Comparative Analysis” (QCA) and related procedures, which are particularly suitable for case-sensitive small and medium N studies, have significantly contributed to this development. Deeper knowledge of regional and cultural features and their historical roots and developments has not lost any of its significance. Thus, research on “political culture” experienced a renaissance in various ways and with different aims [Huntington 1996; Inglehart 1997; 2018].

The apprehension of different civilizations, broad cultural regions and their conflicts and interactions gained a new significance. Many viewed such ideas to be confirmed by the events of September 11, 2001. Along this vein, regional factors and neighborhood effects were of central significance not just for the differing paths taken by countries in the waves of democratization — such as more recently in the “Arab Spring” — but also for international politics [Katzenstein 2005; Berg-Schlosser 2008a]. The rational-choice theorists also increasingly ascribed more value to a context-dependent “bounded rationality” (a term originally coined by Herbert Simon [1957], corresponding “analytic narratives” [Bates, Greif, Levi, Rosenthal, Weingast 1998] and multi-method approaches [Laitin 2007].

In the meantime, comparative methodology has also made considerable advancements; “deep” single-case studies and “thick descriptions” in the tradition of ethnographic and social anthropological approaches [Geertz 1973], on the one hand, are no longer juxtaposed to large-N purely quantitative analyses on the other. The comparative method in the narrower sense of systematic comparisons of relatively few cases in the tradition of John Stuart Mill underwent important developments [Ragin 1987; Rihoux, Ragin 2009]. This progress was also beneficial to area studies, which necessarily have to work with a small or medium “N” (for example the 19 countries of Latin America, or the 27 current member states of the European Union). Therefore, a reassessment of the state of area studies and any further advancements is called for [Almond 2002: 109—127; Szanton 2002; Basedau, Köllner 2007; Ahram 2009].

In what follows, I will start by providing a brief background based on a general philosophy of science and specific epistemological conditions for the social sciences. From there, I will elaborate newer comparative methods and the “comparative area studies” or “cross-area studies” approach, which attempts to gain social scientific insights from research across two or several world regions broadly defined by particular cultural and historical conditions. In the words of the editors of a recent book on this subject: “Comparative Area Studies (CAS) refers to a broad approach consisting of any *self-conscious* effort to do *two* things simultaneously:

(i) *balance deep sensitivity to context in each of the locales being examined with the use of some variant of the comparative method to surface causal linkages that are portable across world regions*; and (ii) *engage ongoing research and scholarly discourse in two or more area studies communities against the backdrop of more general concepts and theoretical debate within a social science discipline* [Ahram, Köllner, Sil 2018: 1] (italics in the original. — *Author's Note*).

Subsequently, I will provide an example from ongoing recent research. I conclude by a short discussion of the field's further perspectives. Given my own background, this will be undertaken primarily from a contemporary political science and comparative politics point of view, though the contributions of other disciplines and of International Relations in particular, certainly should not be denied.

Epistemological Background

The current debates are in many ways linked to long-standing controversies in the philosophy of science, including the differentiation between idiographic (single-case) and nomothetic (law-seeking) approaches [Windelband 1912]; inductive vs. deductive methodologies [Popper 1969]; the putative existence of “covering laws” [Hempel 1952]; and, finally, the more general questions of whether social science can claim to be value-neutral [Weber 1922] and the role and responsibility of scholars. Of course, all of these issues can be alluded to only very briefly here [Badie, Berg-Schlösser, Morlino 2011: li–lxvii]. It is, however, necessary to put this discussion in its proper context.

Broadly speaking, we can highlight three crucial differences between the natural sciences and the social sciences that have strongly informed the epistemological debates. One aspect relates to the *multidimensionality* of the subject matter of the social sciences. In contrast to the natural sciences, the social sciences deal with not only “*objective*” conditions but also *subjective* perceptions and behaviors of individual people and groups. These also correspond to certain “*normative*” yardsticks in each culture. This three-dimensionality is, for all

intents and purposes, beyond dispute; however, opinions are split not only on how to analytically differentiate these dimensions, but also on the question of whether an individual scholar can take a “holistic” [Hegel 1833/1956; Lukács 1967] or a “value-neutral” position [Weber 1922]. This cannot be further elaborated here, but suffice it to say that *comparative* political science has an unequivocal *empirical-analytical* focus, at the fore of which are “object” and “subject” dimensions, although normative questions — such as those in the context of democracy and general human rights — are often unavoidable. Every social scientist is, of course, also a human being and a citizen of a particular country and, for this reason, must substantiate one's judgments and acknowledge personal accountability.

A second fundamental difference between the natural and social sciences relates to the permanency or mutability of the subject matter in question. Karl Popper [1993: 214—267] speaks in this context of a continuum between “clocks” (highly deterministic sequences) on the one end and “clouds” (very diffuse, nebulous constructs) on the other. In this regard, the social sciences occupy a middle position of a “*plastic*” and *malleable* subject matter that changes in the course of time. This subject matter nevertheless exhibits certain recognizable structures and patterns and allows for certain more general observations in the context of “*middle-range theories*” [Merton 1949] restricted in space and time. Almond and Genco [1977] took this up and elaborated the consequences for comparative political science. In this way, the concrete regional and historical dimensions of area studies are shaped and may lead to certain “*morphothetic*” (clearly recognizable patterns and sequences) insights rather than general “*laws*”.

The third difference relates to the notion that social scientists themselves are always, in one form or another, a part of the subject matter in question and thus are, whether purposely or not, *self-referential* [Luhmann 1990]. On the one hand, this causes particular epistemological problems relating to the *intersubjective* verification of one's findings by other social

scientists. On the other hand, it provides an opportunity to tap into the thoughts and behavior of others through introspection and “*Verstehen*” (M. Weber). In this way, participatory observation, “grounded theory,” and other similar methods open up new paths of access precisely in the area of intercultural comparison; these pathways, however, must always be further verified and validated by others. Furthermore, the possibility of *self-fulfilling or self-defeating prophecies* —

such as in the case of forecasts of elections, stock prices or currency rates, if these are pronounced with some authority — indicates self-referential relationships.

Finally, it is important to keep in mind the more general *social scientific explanatory model* of “Coleman’s Bathtub,” which clarifies the relationships between the micro-, meso-, and macro-levels of social scientific analysis (see Fig. 1).

Fig. 1. Levels of Analysis according to Coleman [1990] and Esser [1993]

Source: Adapted from [Coleman 1990: 8; Esser 1993: 98].

The starting point here is the concrete (historical, regional, cultural, etc.) social context on the macro level (on the top left), which also includes the “objective” conditions of occurrence and the range of possible courses of action (“opportunity set”) [Elster 1989]. These are perceived “subjectively” on the micro-level by individual persons and actors (bottom left) and translated into concrete actions or lack thereof (bottom right). These individual actions can then be organized and aggregated in various forms (interest groups, associations, social movements, political parties, etc.) on the meso-level (middle right) in order to ultimately leading to an explanation (e.g. of concrete decisions in the political system) on the macro-level (top right).

Separating these levels and comprehending their interdependence helps to avoid potential logical fallacies or unclear (and often unsubstantiated) assumptions. From an orthodox Marxist perspective, for example, the “objective” conflicts of the social structure on the macro-level (top left) are connected directly to the

expected political (e.g. revolutionary) consequences (top right), without adequately taking into account the level of consciousness on the micro-level, possible aggregation problems on the meso-level, and so on. In a similar way, this applies to the assumption — as by classical and neoclassical political economy or rational-choice theory — of a maximization of utility solely in terms of material needs on the part of individuals on the micro-level which does not appropriately take into account the macro-level cultural or similar context (top left) or the (often quite serious) aggregation problems on the meso-level (middle right).

In my view it is important to continuously keep in mind such epistemological considerations and limitations when examining other cultures and regions. The “social construction” of reality [Berger, Luckmann 1969] in this sense must always be taken into account. Nevertheless, gaining more general insights in the social sciences (though limited in time and space) is both achievable and desirable. Systematic-

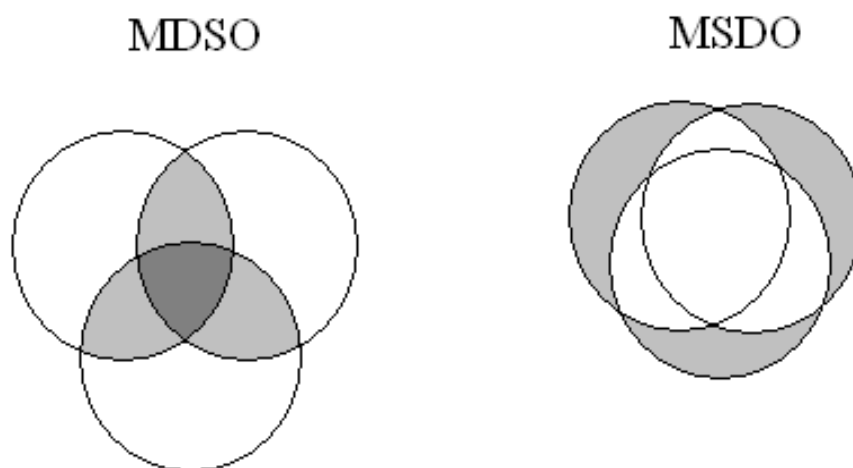
comparative methods independent of the respective meta-theoretical and ontological underlying assumptions are of crucial importance in that process [Moses, Knutsen 2012].

Recent Comparative Methods

Since J.S. Mill's *A System of Logic* [Mill 1843/1974], the limitations of both the comparative procedures that he delineated (among others, the “method of agreement” and the “method of difference”) and the opportunity to conduct “quasi-experiments” have been pointed out frequently in the social sciences. Even Mill himself was keenly aware of this. Nevertheless, Mill's ideas can be applied in the investigation of the “conditions of occurrence” (at the macro-level at the top left of the Fig. 1) [Cohen, Nagel 1934]. Przeworski and Teune's [1970] seminal work highlighted the significance of comparisons made by “most similar” and “most different” systems designs. But for a long time, the analysis of actual similarities and differences on the macro-level of political

systems was not systematically operationalized [Przeworski 1987]. Instead, at best certain approximations in the investigation of particular regions or sub-regions predominated — for example concerning the (in some respects) relatively similar Scandinavian states, the countries of the Maghreb, or the East African states.

The characteristic problem of such studies, dealing with a small number of very complex cases (the “small N — many variables dilemma” [Lijphart 1971; 1975]), could not be surmounted. In that respect, De Meur and Berg-Schlösser [1994; 1996] were the first to present a more comprehensive, but also relatively elaborate, operationalization of the systematic measurement of similarities and differences of complex systems with regard to the respective research question (“outcome”), whereby “most similar systems with different outcomes” and “most different systems with similar outcomes” designs (MSDO and MDSO) can control for important influencing factors and direct the focus on the remaining areas (see Fig. 2).

Fig. 2. “Most similar systems with different outcomes” (MDSO) and “Most different systems with similar outcomes” (MSDO) Designs

Source: [Berg-Schlösser 2012: 36].

Showing paired and three-way comparisons, the shaded areas here reflect the potentially significant factors for the outcomes, while the white areas can be disregarded and are “controlled for”.

In a parallel development, above all Charles Ragin [1987; 2000; 2008] concentrated on

systematic comparisons in small-N and medium-N situations (Qualitative Comparative Analysis, QCA), along with the procedures derived from it based on Boolean algebra and set theory. Initially, these were based exclusively on the use of dichotomized variables (values of 0 or 1) as in the digital appliances of electrical engineering

from which the original algorithms were borrowed. These methods have since been put to diverse uses, even beyond realms covered by comparative political science and sociology¹. A crucial aspect of this approach is the potential to reduce complexity through systematic and step-by-step paired comparisons that ultimately lead to the determination of the remaining relevant factors (“prime implicants”) — to some extent also in various combinations (“conjunctural causation” or “equifinality”). The central rule can be summarized as follows: “If two Boolean expressions differ in only one causal condition yet produce the same outcome, then the causal condition that distinguishes the two expressions can be considered irrelevant and can be removed to create a simpler, combined expression” [Ragin 1987: 93].

This is demonstrated in the following example:

$$A*B*C + A*B*c = O,$$

meaning one *or* (+ represents a Boolean “or”) the other combination leads to the same outcome. This can be reduced to $A*B = O$, whereby the presence or absence of *C* (expressed in upper- or lowercase, respectively) can be considered irrelevant.

Since its inception, this method and the corresponding software have been advanced for use with multi-value variables (mv-QCA) and “fuzzy sets” (fs-QCA) [Rihoux, Ragin 2009]. These methods represent an area that is important in and of itself, particularly for analyses with a relatively small number of cases, in contrast to macro-quantitative statistical methods, which necessitate as large a number of cases as possible and usually random sampling [Aarebrot, Bakka 2006; Niedermayer, Widmaier 2006]. They lend themselves particularly for use in area studies and cross-area studies. Because all of these methods are based on the foundations of set theory rather than statistical principles, the overarching term “configurational methods” has been adopted. Table 1 depicts the prevailing procedures given different numbers of cases.

¹ Comparative Methods for Systematic Cross-Case Analysis. URL: <http://www.compass.org/> (accessed: 27.04.2020).

Table 1

Usage of Configurational Comparative Methods

Number of cases	Small N (~2—5 cases)	Medium N (6—25 cases)	Larger N (>25 cases)
Many variables	MSDO	MDSO, QCA, mv-QCA	fuzzy sets, fs-QCA

Source: [Berg-Schlosser 2012: 37].

As shown, depending on the number of cases, certain procedures are most appropriate. If there is a very small number of cases within a region or sub-region, MSDO may be best; for a region with more cases, MDSO, QCA and mv-QCA make more sense. Given a larger number of cases, fs-QCA is more useful. Cross-area studies (see below) generally work on the basis of specifically selected cases that generally lie in the small-N or medium-N range. However, these numbers denote only the respective focal points; the transitional areas are fluid.

The substantial differences between configurational and statistical methods are compiled in Table 2. The yield of statistical studies on a regional level — generally low in the past — is due to the number of cases being too small to undertake more discerning procedures (different from, for example, survey research with a large number of respondents). Random sampling is not possible; and only general conclusions spanning all cases can be reached. Hence, at least complementarily, both types of methods in intra- and inter-area studies should be utilized [Berg-Schlosser, Quenter 1996; Berg-Schlosser 2008b].

Comparative Area Studies — A Practical Application from Current Research

At this point, we must first make a terminological distinction. Area studies can be applied to *one* region and, where applicable, detect differentiations within it (“intra-area studies”). In the past this was overwhelmingly the case. Area studies can also perform comparisons *between* entire regions, either by comparing characteristics as independent analytical units (such as the degree of regional cooperation within the EU as compared to ASEAN) or by introducing “region” as a dummy

variable within a broader macro-quantitative scope in order to determine statistically significant differences (“inter-area studies”) [Berg-Schlosser 1985; 1990]. A third variant of area studies relates to *selected cases across many regions* (“cross-area studies”) in order, for

example, to determine any shared political characteristics of oil-producing states [Basedau, Köllner 2007]. I would like to elaborate here a little further on this last variant of regional studies, which has found itself less at the forefront, but which opens up new possibilities.

Table 2

Central Differences of Macro-qualitative and Macro-quantitative Methods

Features	Macro-qualitative (configurational)	Macro-quantitative (statistical)
Cases	Known	More or less anonymous
N	Small to medium	Large
Selection	Goal-oriented (e.g. MSDO/MDSO designs), each case relevant	As many as possible, preferably randomized, “outliers” often ignored
Complexity	High	Low
Causal model	Necessary and sufficient conditions, possibly “conjunctural”, “equifinality”	Correlations, regressions, mean values across all cases
Explanation	“Thick”, deterministic	“Thin”, probabilistic
Validity	“Internal” (only observed cases)	“External” (inferential, generalizable)
Coverage	Limited	Potentially universal
Range of the theory	Medium	Large
Methods	Systematic-comparative, e.g. QCA	Statistical

Source: designed by the author.

But first of all we must acknowledge that even the term “region/area” is somewhat fuzzy and can refer to fluid transitional zones. While Huntington [1996] described eight or nine most important civilizations (he was not all that sure himself), Inglehart [1997] finds eight main regional cultural clusters. In many instances, only broad differentiations are made: (Sub-Saharan) Africa, Latin America (and the Caribbean), the Middle East and North Africa (MENA), and Asia. We might add to that list the former Soviet (CIS) and post-communist states. The OECD states are generally excluded and not viewed from a regional perspective. In addition, (Western) Europe and the former British settler colonies (the United States, Canada, Australia, and New Zealand) are sometimes designated separately.

As this list demonstrates, the way regions are delimited is characterized by a mixture of geographical, geopolitical, religious-cultural, and historical (e.g. a shared colonial past) factors. The organizational arrangement of research institutes that cover these areas varies accordingly [Badie, Berg-Schlosser, Morlino 2011: 86—89]. Nevertheless, even an imprecise

classification that features certain fluidity has its uses, and the commonalities within each given region can be empirically substantiated as independent influencing factors [Ahram 2009]. Cross-regional *cooperation*, as used in cross-area studies, is therefore all the more important. Ultimately decisive for regional classification and case selection is the respective theory-driven research question, as will be demonstrated below by an example from an ongoing research project in which I collaborate.

The original “Transformation Research Initiative” (TRI) project [Van Beek 2005] covered at first five and later seven cases based on three criteria:

- regional diversity of recent “third wave” democracies;
- variety of authoritarian legacies;
- relatively successful democratic transitions in the respective regions.

For these reasons, we selected Chile, Poland, South Africa, South Korea and Turkey. Two “benchmark” cases of consolidated democracies, Germany (with its mixed East-West background) and Sweden, were also included. This was thus a “Most Different

Systems Similar Outcomes” (MDSO) cross-area research design.

For an ongoing project at the “Transformation Research Unit” (TRU) at Stellenbosch University (South Africa) we have added (somewhat) contrasting cases in each region, which showed a decline of democratic levels and qualities in recent years. In this way, we employ a “Most Similar” (in each region) “Different Outcomes” (MSDO) design. This allows to “control” for broader regional geopolitical, historical and cultural similarities and to focus the attention on the contrasts between the selected cases.

The selected pairwise and triple comparisons are the following:

— North America: United States (USA) and Canada (CAN);

— Europe: Germany (DEU) and Italy (ITA), Estonia (EST) and Poland (POL);

— Latin America: Argentina (ARG), Chile (CHL) and Uruguay (URY);

— East Asia: South Korea (KOR), Taiwan (TWN) and the Philippines (PHL);

— Sub-Saharan Africa: South Africa (ZAF) and Kenya (KEN).

The remaining democratic “benchmark” case of Sweden and the most drastic democratic decline in Turkey were also retained. This leaves us with 16 cases for the “cross-area” analysis.

The three leading research questions are:

1. Why is democracy in trouble *globally*?

2. Why do some democracies in the *same region* remain stable while others regress?

3. Which *cross-area* commonalities can be identified for the selected cases?

Global Development of Liberal Democracy, 1990—2018

As a first step, we looked at the development of “liberal democracy” globally and on a regional basis since the latest major “wave” [Huntington 1991] in the early 1990s. For this purpose, we use the “Varieties of Democracy” (V-Dem) data set¹. This is the most comprehensive and valid data set so far. Here we use the V-Dem “liberal democracy index”, which is an

aggregated measure on a scale ranging between 1 and 0. It also allows, as will be shown below, a dis-aggregation of the various components of liberal democracy as defined in the V-Dem project. These developments are shown in Fig. 3. The broad regional sub-division here follows the categorization as used by V-Dem.

The detailed values are presented in Table 3.

Table 3

Liberal Democracy Index 1990—2018, by region

Region	1990	2007	2018
East Asia	0.29	0.46	0.44
Eastern Europe and Central Asia	0.28	0.45	0.4
European Union	0.66	0.78	0.71
Latin America	0.41	0.5	0.46
Middle East & North Africa	0.15	0.18	0.19
North America	0.6	0.69	0.68
Sub-Saharan Africa	0.16	0.31	0.31
World	0.31	0.41	0.4

Source: calculated by the author.

As can be seen, during the last three decades there has been a strong increase in the beginning with a peak in the mid-2000s, i.e. before the Great Recession. The subsequent decline has been relatively weak. It was strongest in the EU, post-communist Europe and Latin America. The other regions remained stable, albeit at very low levels in Sub-Saharan Africa and the MENA region. This already indicates that region-specific factors have to be considered in addition to global trends.

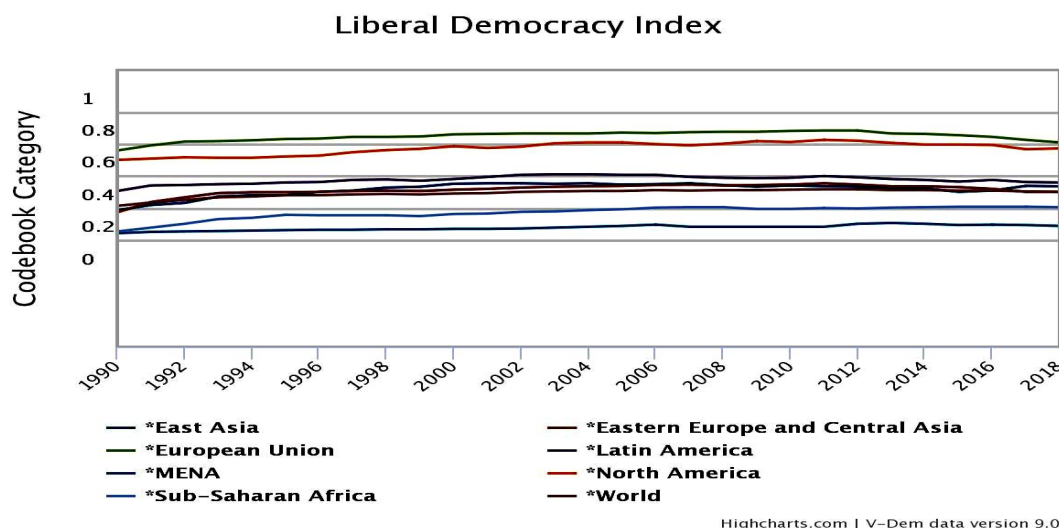
The *intra-regional comparisons* are done by respective regional and country experts in the TRU project. Here, we focus on the *cross-area* aspects of the selected cases employing crisp-set and fuzzy-set QCA as briefly outlined above.

The State of Democracy — Cross-area Analysis

Here, we first use *crisp-set QCA* (with dichotomized conditions and outcome) to test some major hypotheses of empirical democratic theory [Berg-Schlosser 2007; Coppedge 2012] with V-Dem version 9 data² [Coppedge et al.

¹ Varieties of Democracy Dataset. URL: <https://www.v-dem.net/> (accessed: 27.04.2020).

² Varieties of Democracy Dataset. Version 9. URL: <https://www.v-dem.net/en/data/archive/previous-data/data-version-9/> (accessed: 27.04.2020).

Fig. 3. Global development of liberal democracy, by region

Source: designed by the author.

2019]. We first test some factors influencing the level of democracy using the “liberal democracy” index. This is composed of the “polyarchy” index and the “liberal component index”. The former consists of five components of the “electoral principle” of democracy: “This is presumed to be achieved when suffrage is extensive; political and civil society organizations can operate freely; elections are clean and not marred by fraud or systematic irregularities; and the chief executive of a country is selected directly or indirectly through elections” [Coppedge et al. 2019: 41]. The latter includes the rule of law and the judicial and legislative constraints on the executive [Coppedge et al. 2019: 45]. These eight components are aggregated into a single scale ranging from 0 to 1 [Coppedge et al. 2020]. For the dichotomized outcome of crisp-set QCA we use a threshold of 0.7 on the “libdem 2018” variable. For this and the other thresholds below we use the “thresholdsetter” in TOSMANA³, which visualizes the actual distribution of cases of each indicator. Standard statistical measures such as the mean or median are often *not* good thresholds. The six cases below the libdem threshold are indicated in the truth table 4 below (outcome 0).

³ Tool for Small-N Analysis (QCA). URL: <https://www.tosmana.net/> (accessed: 27.04.2020).

Our first test concerns the well-known “Lipset hypothesis” [Lipset 1959; Przeworski, Alvarez, Cheibub, Limongi 2000] of the effects of higher *socio-economic development* on democratic stability. This we measure here by values of the “Human Development Index” (HDI 2017) and two of its sub-dimensions, level of income measured by “purchasing power parities” (Income2017) and level of education (Education2017) with thresholds of 0.8 each for high or low conditions on the standardized scales from 0 to 1⁴. In the terminology of Boolean algebra, this situation can be summarized in a QCA “truth table” listing the values of the conditions of our 16 cases with regard to the respective outcome. Where identical conditions lead to a different outcome this is marked as a contradiction (C). The truth table looks as follows (see Table 4).

Here we can see that most of our cases correspond to the “Lipset” hypothesis both in a positive and a negative sense: The less developed countries have a lower level of “liberal democracy”, the highly developed ones have a higher score. A few cases have a mixed pattern, only Poland among the highly developed ones leads to a contradictory outcome (the outcome

⁴ Global Human Development Indicators // United Nations Development Programme (UNDP). 2020. URL: <http://hdr.undp.org/en/countries> (accessed: 08.03.2020).

for the contradictory cases is indicated in the parentheses).

Table 4

Truth Table Socio-economic Development and Liberal Democracy

Country	HDI2017	HDIinc2017	HDIeduc2017	libdem2018
KEN, PHL, ZAF	0	0	0	0
TUR	0	1	1	0
ARG	1	0	1	0
ITA, TWN, URY	1	1	0	1
CAN (1), CHL (1), DEU (1), EST (1), KOR (1), POL (0), SWE (1), USA(1)	1	1	1	C

Source: calculated by the author.

The algorithm in the QCA software (here we use TOSMANA, version 1.61) can now reduce this complexity as much as possible to some “most parsimonious” results (including so-called “logical remainder cases”, R). These “logical remainders” represent possible combinations of conditions that are not covered by our empirical cases. In some instances, this can be used for further reduction by employing “simplifying assumptions”, i.e. the constellations of these “logical remainders”. For reasons of space and simplicity, the details of these simplifying assumptions for each procedure are *not* reported below.

For the outcome low level of democracy (0) we obtain the formula:

$$\mathbf{0R:} \quad \text{hdi2017} + \text{hdiinc2017} \\ (\text{KEN, PHL, ZAF, TUR}) (\text{ARG, KEN, PHL, ZAF})$$

Lower case letters in crisp-set QCA indicate low values of conditions; the + symbol stands for OR in Boolean algebra, the * symbol stands for AND.

Thus, the above formula can be read as follows: Either a low Human Development Index is the main condition for the low level of democracy in Kenya, the Philippines, South Africa and Turkey OR a low level of income as

in Argentina, Kenya, the Philippines and South Africa can account for this.

For the high level of democracy outcome (1) the formula is:

$$\mathbf{1R:} \quad \text{HDIINC2017} * \text{hdieduc2017} \\ (\text{ITA, TWN, URY})$$

This means that a high level of income AND a somewhat lower level of education are the combined conditions for this outcome in Italy, Taiwan and Uruguay. The contradictory cases (outcome C) are not included in these formulas.

If we include the contradiction (C) here, we get the following result for the positive outcomes:

$$\mathbf{1RC:} \quad \text{HDI2017} * \text{HDIINC2017} \\ (\text{CAN, CHL, DEU, EST, KOR, POL, SWE, USA, ITA, TWN, URY})$$

Thus, all positive outcomes can be explained by a combination of a high HDI AND a high income (Poland, as indicated in the truth table, is the exception here). This means that in order to eliminate this contradiction we have to look for additional or alternative conditions.

The state of democracy in our cases is also related to their actual *governmental processes and performance*. The World Bank “good governance” data are the only ones which cover this aspect more fully. In addition to the “voice and accountability” and “rule of law” dimensions, which, taken together, can also be interpreted as measures of liberal democracy [Berg-Schlosser 2007], these comprise four other indices: “government effectiveness” (i.e. the quality of the bureaucracy and public services), the “regulatory burden” (i.e. market-unfriendly policies like price and trade controls), “graft” (i.e. the exercise of public power for private gain) including various forms of corruption, nepotism or clientelism, and “political stability” or its opposite, the extent of social unrest and violence. All indicators have a range of –2.5 to +2.5, for our purposes here we set the threshold at 0⁵.

⁵ Worldwide Governance Indicators. URL: <https://info.worldbank.org/governance/wgi/> (accessed: 27.04.2020).

Table 5

Truth Table Good Governance and Liberal Democracy

Country	polstab2018	regqual2018	concorr2018	goveff2018	libdem2018
KEN	0	0	0	0	0
ARG, TUR	0	0	0	1	0
ZAF	0	1	0	1	0
POL	0	1	1	1	0
PHL	1	1	0	1	0
CAN, CHL, DEU, EST, ITA, KOR, SWE, TWN, URY, USA	1	1	1	1	1

Source: calculated by the author.

Result: 0R

polstab2018 + concurr2018
(ARG, TUR, KEN, POL, ZAF) (ARG, TUR, KEN, PHL, ZAF)

Here, we get a much better result without any contradictory constellations. The formula shows that either a low level of political stability as in Argentina, Turkey, Kenya, Poland and South Africa OR a weak control of corruption as in Argentina, Turkey, Kenya, the Philippines and South Africa are the main conditions affecting low liberal democracy. This example also shows that some of the same countries fulfill both conditions.

Result: 1R

POLSTAB2018 * CONCORR2018
(CAN, CHL, DEU, EST, ITA, KOR, SWE, TWN, URY, USA)

Again we see a clear-cut pattern: all strong democracies have high political stability AND strong control of corruption.

In the TRU project a number of *other hypotheses* are tested as well. Here, for illustrative purposes, we just present the two mentioned.

As a further more refined procedure, we employed *fuzzy-set QCA*, which retains the full information of interval scales for both conditions and the outcome. For this purpose, we calibrated the scales concerning their most meaningful

range. For fuzzy sets you also have to set a minimum level of consistency, which we put here at 0.95 (lower consistency showing more contradictions).

The truth table of the socio-economic conditions for liberal democracy now looks as follows (see Table 6a).

Table 6a

Truth Table Socio-economic Conditions, Fuzzy Sets, Negative Outcome

Country	HDI2017	HDIinc2017	HDIeduc2017	~libdem2018
KEN, PHL (Cons: 1,0000)	0	0	0	1
ZAF (Cons: 1,0000)	0	1	1	1
TWN (Cons: 0,9749)	1	1	0	1
ARG, CAN, CHL, DEU, EST, ITA, KOR, POL, SWE, TUR, URY, USA (Cons: 0,6195)	1	1	1	0

Source: calculated by the author.

The ~ symbol (tilde) here indicates the negative (“negated”) outcome. The software produced the following result:

Result (0R):

	Consistency	Coverage
~HDI2017 + ~HDIEDUC2017	0,9734	0,6753

This means that either a low HDI OR a low level of education is responsible for weak democracy with a very high level of consistency and coverage of 0.67 (% of cases included in the solution). There usually is a trade-off between levels of consistency and coverage. As the truth table shows, Poland and Turkey with a high level of socio-economic development are included here with the strong democracies, i.e. as contradictions. In contrast to crisp-set QCA, in fuzzy-set QCA the truth tables for the negative and positive outcomes can be different. Therefore, we show both versions here. For the positive outcomes we had to set the consistency level relatively low at 0.75 to get a more meaningful result. The truth table now looks like this (see Table 6b):

Table 6b

**Truth Table Socio-economic Conditions,
Fuzzy Sets, Positive Outcome**

Country	HDI2017	HDIinc2017	HDIeduc2017	libdem2018
KEN, PHL (Cons: 0,7111)	0	0	0	0
ZAF (Cons: 0,8221)	0	1	1	1
TWN (Cons: 0,8717)	1	1	0	1
ARG, CAN, CHL, DEU, EST, ITA, KOR, POL, SWE, TUR, URY, USA (Cons: 0,7580)	1	1	1	1

Source: calculated by the author.

Result 1R:

	Consistency	Coverage
HDIINC2017	0,6942	0,9833

I.e. a high HDI with a relatively low consistency (i.e. including the contradictory cases of Poland and Turkey), but a very high coverage explains the positive outcome. “Logical remainder cases” and some “simplifying assumptions” were used each time. This again confirms the broad “Lipset” hypothesis now with more differentiated data, but also shows some of the remaining contradictions (with Poland and Turkey included among the stronger democracies).

We also again tested the four *World Bank Governance* indicators with fuzzy set QCA. The truth table for the negative outcome looks like this (for reasons of space, we do not report the truth table for the positive outcome here) (see Table 7).

This shows that the weaker democracies have a rather mixed pattern for these indicators, whereas the large group of stronger democracies scores high on all of them. The most parsimonious result for the negative outcome (weak democracy, consistency threshold 0.9) is the following:

Result 0R:

	Consistency	Coverage
~CORR2018 + ~STAB2018	0,9481	0,8783

Table 7

**Truth Table “Good Governance”,
Fuzzy Sets, Negative Outcome**

Country	corr2018	stab2018	effec2018	regul2018	~libdem2018
KEN (Cons: 0,9991)	0	0	0	0	1
TUR (Cons: 0,9991)	0	0	1	0	1
ZAF (Cons: 0,9775)	0	0	1	1	1
ARG (Cons: 0,9990)	0	1	1	0	1
PHL (Cons: 0,9708)	0	1	1	1	1
POL (Cons: 0,9428)	1	0	1	1	1
CAN, CHL, DEU, EST, ITA, KOR, SWE, TWN, URY, USA (Cons: 0,6901)	1	1	1	1	0

Source: calculated by the author.

This means that either a low level of political stability OR a low level of the control of corruption are responsible for weak democracy with a very high level of consistency and a coverage of almost 0.9 (according to fs-QCA conventions the ~ symbol is used here again for the negative versions, upper-case lower-case letters as in crisp-set QCA can only be used for dichotomized conditions).

The positive outcome (consistency threshold 0.86) is indicated by

Result 1R:

	Consistency	Coverage
CORR2018 * STAB2018	0,8870	0,9521

I.e. a high level of political stability OR a high level of control of corruption with a high consistency and a very high coverage (for reasons of space the separate truth table with the consistency values for each case is not reported here). This again shows that the “governance” conditions produce better results for liberal democracy than the merely socio-economic ones.

Conclusions

This article presented an overview of some important recent developments in comparative area studies. It first discussed some of the

broader epistemological foundations of the social sciences and the specific restrictions with regard to “medium-range theorizing” and the possibility of “morphothetic” findings in cross-area research. It then pointed to some recent methodological innovations in this respect, which are more suitable in small or medium N situations than more general statistical procedures.

This was followed by an example from an ongoing large international research project concerned with global and regional developments of democracy over the last three decades, which can illustrate this approach. The analysis presented here was confined to two major aspects of empirical democratic theory, the impact of socio-economic developments and “modernization” (the “Lipset hypothesis”) and the consequences of “good” (or bad!) governance for democracy using crisp-set and fuzzy-set QCA. It could be shown that the Lipset hypothesis was confirmed for a larger group of countries across regions, albeit with some remaining contradictory cases. The governance analysis was more conclusive, in particular as far as high levels of political stability and a strong control of corruption for the successful democracies in our study are concerned, the opposite was true for the deteriorating cases.

In the TRU project mentioned, the scope of analysis is actually much larger. There, not only

the *level* of liberal democracy, but also the *extent of backsliding* during the last decade and its major causes are analyzed. This is done both with specific regional case-based comparisons and on a cross-area basis. In addition to these studies at the macro- (country-) level, *micro-level* analyses are conducted using the latest waves of the “World Values Surveys” (WVS)⁶ and “European Values Surveys” (EVS)⁷ looking at the actual attitudes and perceptions of the general populations with regard to the support (or not) of democracy and similar attitudes like social trust etc. and their changes over time. This then leads to an assessment at the *meso-level* (on the right-hand side of Figure 1 above) of the consequences of such developments like protest movements, populist parties, declining party institutionalization and similar recent phenomena. Finally, some conclusions will be drawn as to the future of democracy and/or authoritarian regimes in the international constellation of today’s world. But this remains to be seen...

⁶ World Values Survey Database. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp> (accessed: 27.04.2020).

⁷ European Values Survey. URL: <https://europeanvaluesstudy.eu/> (accessed: 27.04.2020).

Received / Поступила в редакцию: 28.04.2020

Accepted / Принята к публикации: 18.05.2020

References / Библиографический список

- Aarebrot, F.H. & Bakka, P.H. (2006). Die vergleichende Methode in der Politikwissenschaft. In: Berg-Schlösser, D. & Müller-Rommel, F. (Eds.). *Vergleichende Politikwissenschaft*. 4th. ed., Wiesbaden: VS Verlag. P. 57—76.
- Ahram, A.I. (2009). *The Theory and Method of Comparative Area Studies*. IPSA Committee on Concepts and Methods, Working Paper Series.
- Ahram, A.I., Köllner, P. & Sil, R. (Eds.). (2018). *Comparative Area Studies: Methodological Rationales and Cross-Regional Applications*. New York: Oxford University Press. DOI:10.1093/oso/9780190846374.001.0001
- Almond, G.A. & Genco, S. (1977). Clouds, Clocks, and the Study of Politics. *World Politics*, 29 (04), 489—522. DOI: 10.2307/2010037
- Almond, G.A. (2002). *Ventures in Political Science*. Boulder: Lynne Rienner.
- Badie, B., Berg-Schlösser, D. & Morlino, L. (2011). (Eds.) *International Encyclopedia of Political Science*. Los Angeles: SAGE.
- Basedau, M. & Köllner, P. (2007). Area Studies, Comparative Area Studies, and the Study of Politics: Context, Substance, and Methodological Challenges. *Zeitschrift für Vergleichende Politikwissenschaft*, 1 (01), 105—124. DOI: 10.1007/s12286-007-0009-3
- Bates, R., Greif, A., Levi, M., Rosenthal, J.-L. & Weingast, B.R. (1998). *Analytic Narratives*. Princeton: Princeton University Press.

- Berger, P.L. & Luckmann, T. (1969). *Die gesellschaftliche Konstruktion der Wirklichkeit*. Frankfurt am Main: Fischer.
- Berg-Schlosser, D. & Quenter, S. (1996). Makro-quantitative vs. mikro-qualitative Methoden in der Politikwissenschaft — Vorzüge und Mängel komparativer Verfahrensweisen am Beispiel der Sozialstaatstheorie. *Politische Vierteljahresschrift*, 37 (01), 100—118.
- Berg-Schlosser, D. (1985). Leistungen und Fehlleistungen politischer Systeme der Dritten Welt als Kriterium der Entwicklungspolitik. *Zeitschrift für Konjunkturpolitik*, 31, 79—114.
- Berg-Schlosser, D. (1990). Third World Political Systems — Classification and Evaluation 1960—1980. In: Bebler, A. & Seroka, J. (Eds.). *Contemporary Political Systems*. Boulder: Lynne Rienner Publishers. P. 173—201.
- Berg-Schlosser, D. (2008a). Neighbourhood Effects of Democratization in Europe. *Taiwan Journal of Democracy*, 4 (02), 29—45. DOI: 10.29654/TJD.200812.0002
- Berg-Schlosser, D. (2008b). Determinants of Democratic Successes and Failures in Africa. *European Journal of Political Research*, 47 (03), 269—306. DOI: 10.1111/j.1475-6765.2007.00768.x
- Berg-Schlosser, D. (2012). *Mixed Methods in Comparative Politics*. London: Palgrave.
- Berg-Schlosser, D. (Eds.). (2007). *Democratization — The State of the Art*. Opladen & Farmington Hills: Barbara Budrich Publishers.
- Cohen, M.R. & Nagel, E. (1934). *An Introduction to Logic and Scientific Method*. New York: Harcourt, Brace & World.
- Coleman, J.S. (1990). *Foundations of Social Theory*. Cambridge: Belknap Press.
- Coppedge, M. (2012). *Democratization and Research Methods*. Cambridge: Cambridge University Press. DOI: 10.1017/CBO9781139016179
- Coppedge, M. et al. (2019). *V-Dem Codebook v9*. Varieties of Democracy (V-Dem) Project.
- Coppedge, M. et al. (2020). *Varieties of Democracy. Measuring Two Centuries of Political Change*. Cambridge: Cambridge University Press. DOI: 10.1017/9781108347860
- De Meur, G. & Berg-Schlosser, D. (1994). Comparing Political Systems. Establishing Similarities and Dissimilarities. *European Journal of Political Research*, 26 (02), 193—219. DOI: 10.1111/j.1475-6765.1994.tb00440.x
- De Meur, G. & Berg-Schlosser, D. (1996). Conditions of Authoritarianism, Fascism and Democracy in Inter-war Europe: Systematic Matching and Contrasting of Cases for ‘Small n’ Analysis. *Comparative Political Studies*, 29 (04), 423—468. DOI: 10.1177/0010414096029004003
- Elster, J. (1989). *Nuts and Bolts for the Social Sciences*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Esser, H. (1993). *Soziologie. Allgemeine Grundlagen*. Frankfurt am Main, New York: Campus.
- Geertz, C. (1973). *The Interpretation of Cultures*. New York: Basic Books.
- Hegel, G.W.F. (1833/1956). *Grundlinien der Philosophie des Rechts, Werke*, Frankfurt am Main.
- Hempel, C. (1952). *Fundamentals of Concept Formation in Empirical Science*. Chicago: University of Chicago Press.
- Huntington, S.P. (1991). *The Third Wave. Democratization in the Late Twentieth Century*. Norman: University of Oklahoma Press.
- Huntington, S.P. (1996). *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York: Simon & Schuster.
- Inglehart, R.F. (1997). *Modernization and Postmodernization. Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies*. Princeton: Princeton University Press.
- Inglehart, R.F. (2018). *Cultural Evolution: People’s Motivations are Changing, and Reshaping the World*. Cambridge: Cambridge University Press. DOI: 10.1017/9781108613880
- Katzenstein, P. (2005). *A World of Regions: Asia and Europe in the American Imperium*. Ithaca: Cornell University Press.
- Laitin, D. (2007). Culture, Rationality, and the Search for Discipline. In: Munck, G.L. & Snyder, R. (Eds.). *Passion, Craft, and Method in Comparative Politics*. Baltimore: Johns Hopkins University Press. P. 601—648.
- Lijphart, A. (1971). Comparative Politics and the Comparative Method. *American Political Science Review*, 65 (03), 682—693. DOI: 10.2307/1955513
- Lijphart, A. (1975). The Comparable-cases Strategy in Comparative Research. *Comparative Political Studies*, 8 (02), 158—177. DOI: 10.1177/001041407500800203
- Lipset, S.M. (1959). Some Social Requisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy. *American Political Science Review*, 53 (01), 69—105. DOI: 10.2307/1951731
- Luhmann, N. (1990). *Die Wissenschaft der Gesellschaft*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.

- Lukács, G. (1967). *Geschichte und Klassenbewusstsein*. Darmstadt: Luchterhand.
- Merton, R. (1949). *Social Theory and Social Structure. Toward the Codification of Theory and Research*. Glencoe: The Free Press.
- Mill, J.S. (1843/1974). *A System of Logic*. London: Routledge & Kegan Paul.
- Moses, J.W. & Knutsen, T.L. (2012). *Ways of Knowing. Competing Methodologies in Social and Political Research*. 2nd ed. London: Palgrave.
- Niedermayer, O. & Widmaier, U. (2006). Quantitativ vergleichende Methoden. In: Berg-Schlosser, D. & Müller-Rommel, F. (Eds.). *Vergleichende Politikwissenschaft: ein einführendes Studienhandbuch*. 4th ed. Opladen: Leske + Budrich. P. 103—120.
- Popper, K.R. (1969). *Logik der Forschung*. 3rd ed. Tübingen: Mohr.
- Popper, K.R. (1993). (Eds.). *Objektive Erkenntnis. Ein evolutionärer Entwurf*. 2nd ed. Hamburg.
- Przeworski, A. & Teune, H. (1970). *The Logic of Comparative Social Inquiry*. New York: Wiley.
- Przeworski, A. (1987). Methods of Cross-national Research, 1970—1983. In: Dierkes, M., Weiler, H.N. & Antal, A.B. (Eds.). *Comparative Policy Research*. Aldershot: Gower. P. 31—49.
- Przeworski, A., Alvarez, M., Cheibub, J.A. & Limongi F. (2000). *Democracy and Development*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Ragin, C.C. (1987). *The Comparative Method. Moving beyond Qualitative and Quantitative Strategies*. Berkeley: University of California Press.
- Ragin, C.C. (2000). *Fuzzy-set Social Science*. Chicago: University of Chicago Press.
- Ragin, C.C. (2008). *Redesigning Social Inquiry. Fuzzy Sets and Beyond*. Chicago: University of Chicago Press.
- Rihoux, B. & Ragin, C.C. (Eds.). (2009). *Configurational Comparative Methods: Qualitative Comparative Analysis (QCA) and Related Techniques*. London: SAGE Publications.
- Simon, H.A. (1957). *Models of Man, Social and Rational: Mathematical Essays on Rational Human Behavior in a Social Setting*. New York: Wiley.
- Szanton, D.L. (Eds.). (2002). *The Politics of Knowledge. Area Studies and the Disciplines*. Berkeley: University of California Press.
- Van Beek, U. (Eds.). (2005). *Democracy under Construction: Patterns from Four Continents*. Opladen: Barbara Budrich Publishers.
- Weber, M. (1922). *Wirtschaft und Gesellschaft*. Tübingen: J.C.B. Mohr.
- Windelband, W. (1912). *Logik. Encyclopädie der philosophischen Wissenschaften*. Vol. 1. Tübingen.

About the author: *Berg-Schlosser Dirk* — Professor Emeritus of Political Science, Philipps-Universität Marburg, Germany (e-mail: bergschl@staff.uni-marburg.de).

Сведения об авторе: *Берг-Шлессер Дирк* — заслуженный профессор политологии Марбургского университета им. Филиппа, Германия (e-mail: bergschl@staff.uni-marburg.de).

DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-2-303-317

Научная статья

Регионализм в современной мировой экономике: эволюция и основные тенденции

Г.М. Костюнина

МГИМО МИД России, Москва, Российская Федерация

В статье определены сущность, история развития и дана оценка современного этапа регионализма. Кратко изложены основы теории экономической интеграции, включая ее формы и их практическую реализацию. Представлены нормы регулирования интеграционных соглашений в рамках многосторонней системы торговли ГАТТ — ВТО. Проанализированы стратегические, политические и экономические мотивы участия стран в интеграционных соглашениях. Главный мотив в настоящее время — активизация участия в глобальных и/или региональных цепочках поставок. Автор рассматривает основные разделы региональных торговых соглашений (РТС), как распространенных в мировой практике, так и характерных для практики отдельных стран, например, США, Китая и Японии. Дана характеристика основных тенденций современного регионализма и двух мегапроектов — Транстихоокеанского партнерства (ТТП) и Регионального всеобъемлющего экономического партнерства (РВЭП). Основные результаты исследования, к которым пришел автор: 1) регионализм — политика, а регионализация — процесс объединения стран в более крупный регион с элементами свободного перемещения тех или иных факторов, то есть развитие интеграционных процессов; 2) старый регионализм отражал цели содействия росту международной торговли и обеспечению безопасности. Ему соответствует понятие «начальной», или «теневой», интеграции. В его рамках получил распространение так называемый закрытый регионализм, который отличался относительно высоким уровнем протекционизма; 3) новый регионализм, представляющий собой открытый, более либеральный регионализм, стал результатом комплексного подхода к развитию глобализации и многополярного мира. Для него характерно понятие «глубокой» интеграции с более глубокими интеграционными процессами; 4) при подписании РТС страна учитывает стратегические, политические и экономические факторы; 5) интеграционные соглашения различаются по степени охвата и структуре, что отражает растущую дифференциацию глобальной торговой системы и разнообразие двусторонних и многосторонних региональных торговых соглашений; 6) подписание мегапроектов сокращает эффект «спагетти» благодаря уменьшению количества двусторонних интеграционных соглашений между странами и выработке общих правил торговли, а также ведет к разработке и применению универсальных норм права регулирования торговли (и не только) и соответственно к замене коллизионных норм. Сказанное упрощает международные коммерческие споры, происходит постепенная унификация не только норм права, но и их толкования и применения.

Ключевые слова: регионализм, старый регионализм, новый регионализм, закрытый регионализм, открытый регионализм, Транстихоокеанское партнерство, Региональное всеобъемлющее экономическое партнерство, Африканская континентальная зона свободной торговли, начальная интеграция, глубокая интеграция

Для цитирования: Костюнина Г.М. Регионализм в современной мировой экономике: эволюция и основные тенденции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20. № 2. С. 303—317. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-2-303-317

© Костюнина Г.М., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Regionalism in the Modern World Economy: Evolution and Main Trends

G.M. Kostyunina

MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Abstract. The proposed article is aimed at identifying the essence, history of development and evaluation of the current stage of regionalism. The principles of the theory of economic integration are briefly outlined, including its forms and their practical implementation. The author discusses the regulation of integration agreements within the framework of the GATT — WTO multilateral trade system. The motives for the participation of states in integration agreements, such as strategic, political and economic ones, as well as participation of the country in global and / or regional value of chains, are examined in detail. The author characterizes the main trends of modern regionalism and well-known integration mega-projects, such as the Trans-Pacific Partnership, and the Regional Comprehensive Economic Partnership. The main results of the study, which the author came to: 1) regionalism is a politics, and regionalization is the process of uniting countries into a larger region with elements of the free movement of certain factors; 2) old regionalism reflected the goals of promoting the growth of international trade and ensuring security. It corresponds to the concept of “shadow” integration; 3) the new regionalism was the result of an integrated approach to the development of globalization and a multipolar world. It is characterized by the concept of “deep” integration with deeper integration processes; 4) when signing the RTAs, the country takes into account strategic, political and economic factors; 5) integration agreements vary in scope and structure, reflecting the growing differentiation of the global trading system and the diversity of bilateral and multilateral regional trade agreements; 6) the signing of mega-projects reduces the effect of “spaghetti bowl” due to a decrease in the number of bilateral integration agreements between countries and the development of general rules of trade, and also simplifies international commercial disputes; there is a gradual unification of not only the rules of law, but also their interpretation and application.

Key words: regionalism, old regionalism, new regionalism, open regionalism, Transpacific Partnership, Regional Comprehensive Economic Partnership, RCEP, African continental free trade area, shallow integration, deep integration

For citation: Kostyunina, G.M. (2020). Regionalism in the Modern World Economy: Evolution and Main Trends. *Vestnik RUDN. International Relations*, 20 (2), 303—317. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-2-303-317

Понятие регионализма и регионализации

В зарубежной и российской литературе существует немало работ, посвященных проблеме регионализма. В условиях глобализации и высокой экономической взаимозависимости торговые барьеры выступают препятствием в экономическом развитии и увеличении торговых связей между странами. С учетом этого для содействия экономическому росту необходима либерализация торговли товарами, услугами, движения инвестиций и технологий и по возможности рабочей силы, что реализуется в рамках интеграционных соглашений.

С 1940-х гг. главным направлением торговой либерализации стал многосторонний подход в рамках системы ГАТТ, а с 1995 г. — ВТО (в зарубежной литературе это получило название *multilateralism*). Большинство государств

придерживались именно этого направления либерализации с учетом принятых в рамках многосторонних торговых переговоров решений о снижении ставок таможенных пошлин. Последние сократились с 40—50 % до 3—4 % за 1947—2018 гг. Однако либерализация нетарифного регулирования и ряда новых направлений торговли (например, услугами, электронной торговли) столкнулась с явными проблемами в плане достижения консенсуса между странами и практического выполнения. Это обстоятельство выдвинуло на первый план интеграционные соглашения, которые с большим успехом реализуют либерализационные планы.

Встает закономерный вопрос: интеграционные соглашения содействуют либерализации многосторонней торговой системы или, напротив, противоречат ей? Единого мнения нет. Так, известный индийский экономист Дж. Бхагвати считает, что дальнейшее

расширение и формирование зон свободной торговли является ошибочной стратегией, и вместо этого необходимо сконцентрировать усилия на многостороннем подходе к либерализации в рамках ВТО [Bhagwati, Panagariya 1995]. Но, по мнению другого известного эксперта Л. Саммерса, «при сохранении постоянства многосторонней торговой системы мировая экономика может динамично развиваться благодаря более высокой степени региональной либерализации» [Summers 1991]. Известный российский эксперт А.П. Портанский считает, что «региональные торговые соглашения должны служить дополнением многосторонней торговой системы» [Портанский 2011]. Автор солидарен с мнением А.П. Портанского: для современной мировой экономики наиболее предпочтительно сочетание регионального и многостороннего подходов к торговой либерализации.

Термин «регионализм» появился еще в XIX в. в Западной Европе. В зарубежной литературе также нет одинакового подхода к его определению. Чаще всего под регионализмом понимают политический курс, направленный на защиту интересов региона. В частности, по мнению американского профессора С. Тарроу, «налицо существенное отличие между регионализмом, понимаемым как политический курс, и регионализмом как идеологией государственного вмешательства, а также регионализмом как организационной основой для защиты периферийных территорий» [Tarrow, Katzenstein, Graziano 1978].

С экономической точки зрения Дж. Бхагвати понимает под регионализмом совокупность преференциальных торговых соглашений между отдельными нациями [Bhagwati 1992]. Такое понятие регионализма тесно связано с интеграционными процессами в мировой экономике. Аналогичного мнения придерживаются Х. Зиберт [Siebert 1998] и В. Кайзер [Kaiser 1999], которые считают, что регионализм связан с экономической интеграцией двух и более стран, подписавших интеграционное соглашение. Таким образом, с учетом мнения многих известных экономистов под регионализмом можно понимать политику (политический курс), направленную

на мотивированное участие страны в интеграционных соглашениях, призванных стимулировать либерализацию взаимных экономических связей между участвующими государствами и содействовать получению ими экономических преимуществ.

Если регионализм — политика, то регионализация — процесс объединения стран в более крупный регион с элементами свободного перемещения тех или иных факторов. С понятием регионализации часто связывают экономическую интеграцию как следствие углубления международного разделения труда, выхода производственных процессов за пределы национальных границ, роста роли внешних факторов.

Понятие «экономическая интеграция» изначально трактовалось упрощенно с точки зрения либерализации взаимной торговли, то есть интеграции внутренних рынков участвующих государств. В зарубежной литературе это получило название «начальной», или «теневого» интеграции (*shallow integration*) [Grossman, Helpman 1995].

По мере накопления интеграционного опыта (а его начало датируется первой половиной 1950-х гг., когда был подписан Парижский договор о формировании Европейского объединения угля и стали) происходило усложнение сущности экономической интеграции и ее эволюция от «начальной» к «глубокой» интеграции (*deep integration*). Автору наиболее импонирует определение, данное Ю.В. Шишковым: «Экономическая интеграция — наивысшая ступень интернационализации хозяйственной жизни, когда нарастающая экономическая взаимозависимость двух или более государств переходит в сращивание национальных рынков товаров, услуг, капиталов и рабочей силы и формирование целостного рыночного пространства с единой валютно-финансовой системой, с единой в основном правовой системой и теснейшей координацией внутри- и внешнеэкономической политики соответствующих государств» [Шишков 2001]. Приведенное понятие интеграции наиболее полно отражает суть современных интеграционных процессов в рамках модели «Север — Север», то есть между

экономически развитыми государствами. Что касается моделей «Юг — Юг» и «Север — Юг», то с учетом объективных предпосылок и субъективных факторов интеграция охватывает в основном сферу рынка, когда либерализуются взаимные экономические (главным образом торговые) связи и формируется общий более крупный внутренний рынок с большим количеством потребителей.

В соответствии с теорией интеграции, которую разработал американский экономист Б. Балашша, интеграция постепенно эволюционирует от низшей стадии к наивысшей в рамках последовательного перехода от зоны свободной торговли (ЗСТ) к таможенному союзу, затем к общему рынку, далее — к экономическому и валютному союзу и после этого — к полной интеграции [Balassa 1969]. Для объединений с участием развивающихся стран также была характерна стадия зоны преференциальной торговли (ЗПТ) как предшествующий интеграции формат, который был распространен до середины — конца 1980-х гг. Особенность ЗПТ состоит в том, что участвующие страны лишь снижают ставки таможенных пошлин во взаимной торговле. И сейчас можно встретить такую форму экономического взаимодействия, например, в Союзе Арабского Магриба (САМ)¹ или Латиноамериканской ассоциации интеграции (ЛАИ)².

На практике теория Б. Балашши была реализована в основном в рамках зон свободной торговли. Они представлены широким спектром — от классических ЗСТ, в рамках которых только ликвидированы таможенные пошлины во взаимной торговле (например, Панарабская зона свободной торговли (ПАФТА)) до комплексных ЗСТ по модели ВТО+ (например, Экономическое сообщество АСЕАН).

Реже в мировой практике можно встретить другие формы интеграции, такие как

¹ САМ создан в 1988 г. в составе Алжира, Ливии, Марокко, Туниса и Мавритании.

² ЛАИ (до 1980 г. — Латиноамериканская зона свободной торговли) сформирована в 1960 г. с участием Мексики, Аргентины, Боливии, Бразилии, Чили, Колумбии, Эквадора, Парагвая, Перу, Уругвая, Венесуэлы. Позднее присоединились Панама и Куба.

таможенный союз или общий рынок. Из группы таможенных союзов можно выделить: Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Южноафриканский таможенный союз³, МЕРКОСУР⁴.

Существуют и примеры общих рынков. Наиболее полнофункциональный общий рынок в формате единого внутреннего рынка функционирует с 1993 г. в рамках Европейского союза. Продолжается формирование общего рынка в рамках ЕАЭС. В развивающихся регионах мира данная форма интеграции существует в усеченном формате с большими исключениями. Из их числа следует выделить Восточноафриканское сообщество (ВАС)⁵ в Африке или Карибское сообщество (КАРИКОМ)⁶ в Латинской Америке.

Таким образом, подавляющая часть интеграционных соглашений не идет дальше формата зоны свободной торговли с учетом его преимуществ для участвующих государств. Главное из этих преимуществ — сохранение национального суверенитета стран и отсутствие взаимных обязательств при проведении торговой политики в отношении государств, не входящих в ЗСТ.

История развития и формы регионализма

В зарубежной литературе можно встретить понятие раннего регионализма, истоки которого уходят в XIX в., когда был сформирован Германский таможенный союз,

³ В соответствии с новым договором 1969 г. в него входят Южная Африка, Ботсвана, Лесото, Намибия, Свазиленд.

⁴ МЕРКОСУР действует с 1992 г. в составе Аргентины, Бразилии, Уругвая, Парагвая. В 2012 г. полноправным членом стала Венесуэла, но ее членство приостановлено вследствие невыполнения обязательств по либерализации.

⁵ ВАС действует с 1967 г. в составе Кении, Танзании, Уганды, Руанды, Бурунди и Южного Судана.

⁶ КАРИКОМ создан в 1973 г. Состоит из 15 государств: Антигуа и Барбуда, Багамские острова, Барбадос, Белиз, Доминика, Гайана, Гренада, Сент-Китс и Невис, Ямайка, Сент-Винсент и Гренадины, Тринидад и Тобаго, Монтсеррат (британская колония), Суринам и Гаити.

ставший основой единого государства. С 1910 г. действует старейшее африканское объединение — Южноафриканский таможенный союз, сформированный из числа на тот момент английских колоний. Спустя десятилетие были образованы таможенные территории между Люксембургом и Бельгией (1921 г.), между Лихтенштейном и Швейцарией (1923 г.), в 1943 г. — Ливано-Сирийский таможенный союз, а еще спустя несколько лет — таможенный союз Бенилюкс (1948 г.).

Общепринято выделять два этапа эволюции регионализма: старый и новый. Старый регионализм охватывал послевоенный период вплоть до начала — середины 1980-х гг. и отражал цели содействия росту международной торговли и обеспечению безопасности [Burfisher, Robinson, Thierfelder 2003]. Начало было положено подписанием в 1952 г. Парижского договора о Европейском объединении угля и стали шестью странами — Францией, Германией, Италией, Бельгией, Нидерландами и Люксембургом.

С 1960-х гг. старый регионализм получил импульс и в развивающихся регионах мира. Так, в 1960 г. в Латинской Америке была сформирована Латиноамериканская зона свободной торговли, переименованная в 1980 г. в Латиноамериканскую ассоциацию интеграции, которая, однако, сохранила формат зоны преференциальной торговли (ЗПТ). В Азии с 1967 г. стала действовать одна из наиболее успешных и стабильных интеграционных группировок — Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН), которая прошла путь от ЗПТ до экономического сообщества и расширила членский состав с пяти до десяти государств⁷.

Старый регионализм начал активно развиваться и на Африканском континенте благодаря формированию в 1963 г. Организации африканского единства, поставившей цель образования общафриканского союза. В этот период функционировали субрегиональные объединения, включая Южноафриканский

таможенный союз и Зону преференциальной торговли стран Восточной и Южной Африки⁸.

В целом, как уже было сказано, этапу старого регионализма соответствует понятие «начальной» интеграции, когда участвующие страны сокращают или отменяют таможенные пошлины во взаимной торговле, что было характерно для первых трех десятилетий после окончания Второй мировой войны.

Несмотря на выдвинутые интеграционные инициативы, в развивающемся мире реальных интеграционных процессов не было. Большинство объединений действовали в формате зон преференциальной торговли в силу низкого уровня экономического развития, слабой экономической взаимозависимости и взаимодополняемости, больших политических разногласий, территориальных споров, историко-культурных различий, исторически сложившейся направленности экономических связей на США, ЕС и Японию.

Новый регионализм стал результатом «комплексного подхода в развитии глобализации и многополярного мира» [Powell, Low 2011]. Он соответствует понятию «глубокой» интеграции с такими элементами, как гармонизация тех или иных направлений национальной политики и предоставление свободы перемещения не только товарам, но и услугам, капиталу и/или рабочей силе [Kang 2016].

По мнению экономистов Дж. Барбьери [Barbieri 2019] и Ф. Бергстена, одним из стимулов подписания интеграционных соглашений в мире стал фактор обострившейся конкурентной борьбы, что стимулировало правительства разных стран проводить торговую либерализацию как на многостороннем уровне в рамках ГАТТ — ВТО, так и на региональном и двустороннем уровнях в рамках интеграционных соглашений. Последние подписываются чаще всего между странами, являющимися существенными торговыми

⁸ ЗПТ стран Восточной и Южной Африки действовала с 1982 г. в составе Анголы, Бурунди, Коморских Островов, Джибути, Эритреи, Эфиопии, Кении, Лесото, Мадагаскара, Малави, Маврикия, Мозамбика, Намибии, Руанды, Сейшельских Островов, Сомали, Судана, Свазиленда, Танзании, Уганды, Замбии и Зимбабве.

⁷ В АСЕАН участвуют: Бруней, Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, Лаос, Малайзия, Мьянма, Сингапур, Таиланд, Филиппины.

партнерами друг для друга, что соответствует теории «конкурентной либерализации» Ф. Бергстена. Ее главный постулат заключается в «доминанте содействия росту экономического благосостояния населения как стимула политики регионализма» [Bergsten 1996].

Также различают понятия «открытого» регионализма и «закрытого» регионализма. Концепция «открытого» регионализма первоначально возникла и была утверждена в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Под «открытым» регионализмом, по мнению российского ученого Д.В. Стрельцова, понимают «региональное сотрудничество, которое необходимо осуществлять в целях предотвращения регионального сепаратизма, то есть с упором на интересы глобального экономического партнерства» [Стрельцов 2012].

«Открытому» регионализму предшествовал «закрытый» регионализм. Последний, по мнению российского экономиста В.В. Михеева, «является противником глобализации и нацелен на защиту региона от негативных последствий глобализации. Он основывается на принципе “опора на собственные силы”. Идея “закрытого” регионализма, по существу, есть идея протекционизма» [Михеев 2002]. Если «закрытый» протекционизм был отличительной тенденцией старого регионализма, то «открытый» — нового регионализма.

Регионализм и многосторонняя система торговли

В рамках системы ВТО интеграционные соглашения принято называть (1) региональными торговыми соглашениями (РТС; regional trade agreements, RTA), которые фиксируют создание зон свободной торговли и таможенных союзов и в основном регулируют торговлю товарами; (2) региональными интеграционными соглашениями (РИС; regional integration agreements, RIA), регулирующими торговлю товарами и услугами, и (3) преференциальными торговыми соглашениями (ПТС; preferential trade agreements, РТА) с частичной либерализацией взаимной торговли.

В основу системы ГАТТ — ВТО положен принцип наибольшего благоприятствования (РНБ). В соответствии с РНБ (ст. I ГАТТ 1947 г.) страны-члены обязаны предоставлять товарам и услугам одной страны режим не менее благоприятный, чем товарам и услугам другого государства, то есть предоставить равные конкурентные возможности для всех зарубежных товаров и услуг, а также их поставщикам. Следует согласиться с мнением А.П. Портанского, что «региональная интеграция неизбежно ведет к нарушению РНБ, ибо, отменяя пошлины во взаимной торговле, ее участники сохраняют их для импорта из других стран, что подпадает под исключение из РНБ» [Портанский 2011]. Это подтвердила и правоприменительная практика международных коммерческих судов по жалобам третьих стран на отказ предоставить такие же льготы, как и государствам — членам ВТО.

В рамках соглашения ГАТТ есть ст. XXIV, посвященная зонам свободной торговли и таможенным союзам. Ее нормы требуют: неповышения торговой защиты страны против товаров из не участвующих в интеграционном объединении государств; снижения ставок таможенных пошлин до нуля и ликвидации торговых ограничений, несовместимых с правилами ГАТТ; охвата либерализацией практически всей взаимной торговли⁹ (хотя в статье не определено, но подразумевается, что не менее 90 %).

Для интеграционных соглашений, регулирующих вопросы торговли услугами, применяется ст. V ГАТТ, в соответствии с которой участвующие государства обязаны не увеличивать уровень протекционизма в отношении услуг из неучаствующих в объединении стран; сократить или ликвидировать разные формы дискриминации в отношении сфер услуг, подпадающих под нормы соглашения; ввести запрет на введение новых и более жестких форм ограничений (оговорка

⁹ Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ 1947) от 30 октября 1947 г. // Информационно-правовая система Гарант. URL: <https://base.garant.ru/2560614/7b14d2c2dfc862f67bd2c3471bf87b3f/> (дата обращения: 03.10.2019).

«стендстил»); охватывать существенную часть сфер услуг взаимной торговли¹⁰.

Еще одно правило системы ГАТТ — так называемая разрешающая оговорка, в соответствии с которой происходит нотификация интеграционных соглашений с участием развивающихся стран. Она разрешает сохранять дискриминацию в торговле с не участвующими в объединении странами; не охватывать либерализацией практически всю взаимную торговлю (т.е. менее 90 %); не ликвидировать все таможенные пошлины и нетарифные ограничения во взаимной торговле¹¹.

С учетом соответствия перечисленным трем статьям происходит нотификация интеграционных соглашений в рамках системы ВТО.

Особенности регионализма в современной мировой экономике

С середины 1990-х гг. наблюдается динамичный рост количества РТС, что получило название интеграционного бума в современной мировой экономике, когда число соглашений возросло с 47 до 302, или в 6,4 раза за 1995—2019 гг. (рис. 1).

По формату преобладают ЗСТ — 84,4 %, на долю ЗПТ приходится 9,6 % и таможенных

¹⁰ Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ 1947) от 30 октября 1947 г. // Информационно-правовая система Гарант. URL: <https://base.garant.ru/2560614/7b14d2c2dfc862f67bd2c3471bf87b3f/> (дата обращения: 03.10.2019).

¹¹ Там же.

союзов — 6 %. Такой существенный вес зон свободной торговли легко объясним сохранением у участвующих государств национального суверенитета при проведении торговой политики в отношении третьих стран. В свою очередь, таможенный союз требует от стран-членов единой торговой политики, а значит, отказа от самостоятельного определения ставок таможенных пошлин, процедур лицензирования и квотирования и т.д., что существенно затрагивает суверенитет государств-членов.

Важным показателем интегрированности, экономической взаимозависимости и взаимодополняемости между странами — членами объединения является доля внутрирегионального экспорта в совокупном экспорте объединения. В объединениях с участием развитых стран такой показатель высокий и составляет не менее 50 %, тогда как в объединениях с участием развивающихся государств доля внутрирегионального экспорта в совокупном экспорте невысока и не превышает 25 % (табл. 1).

Одной из основных тенденций современного регионализма является преобладание ЗСТ двустороннего формата (80 %), что вызвано тем, что двум странам проще прийти к консенсусу по чувствительным вопросам торговой и инвестиционной либерализации. Чем больше состав интеграционного объединения, тем труднее им управлять.

В каждом регионе (субрегионе) мира можно встретить интеграционную модель

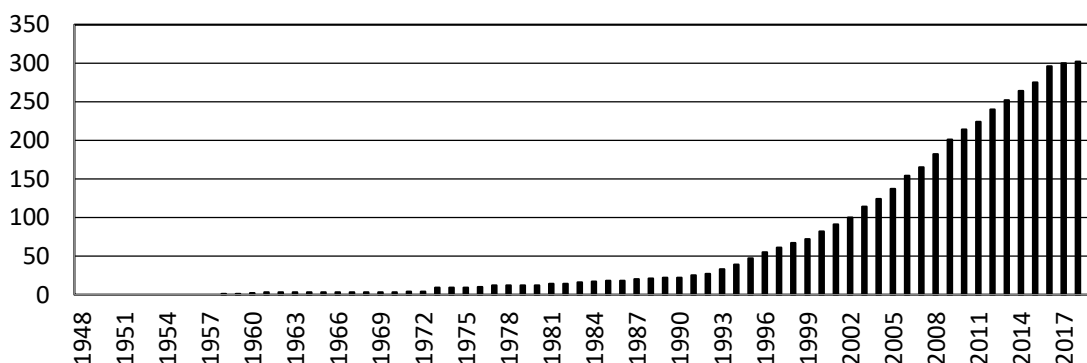

Рис. 1. Количество РТС в 1948—2019 гг. / Fig. 1. Number of RTAs in 1948—2019

Источник / Source: составлено автором по данным ВТО (Regional Trade Agreements Database // WTO official website. URL: <http://rtais.wto.org/UI/publicsummarytable.aspx> (accessed: 12.01.2020).

Таблица 1 / Table 1

Доля внутрирегионального экспорта в совокупном экспорте отдельных интеграционных объединений в 2000—2017 гг., % / Share of intraregional export in overall export of some integration agreements in 2000—2017, per cent

Интеграционное объединение / Integration agreement	2000	2005	2010	2017
ЕС / EU	68,2	68,0	65,3	64,1
НАФТА / NAFTA	55,5	55,9	48,7	50,0
АСЕАН / ASEAN	23,0	25,1	25,2	23,6
КОМЕСА / COMESA	3,9	3,8	5,3	6,4
ЭКОВАС / ECOWAS	9,1	8,7	5,8	10,1
МЕРКОСУР / MERCOSUR	17,3	10,5	13,3	13,1
Андское сообщество наций / Andean Community of Nations	7,7	8,8	7,9	7,0
СНГ / CIS	18,1	17,3	16,9	18,0

Источник / Source: рассчитано автором на основе данных ВТО (WTO official website. URL: <https://data.wto.org/> (accessed: 12.01.2020)).

«втулки и спицы» (hub & spokes) с ведущим интеграционным объединением (с точки зрения влияния и глубины интеграции), вокруг которого группируются другие объединения. В Европе — это Евросоюз, в Северной Америке — НАФТА¹², в Латинской Америке — МЕРКОСУР, в АТР — АСЕАН.

С 1990-х гг. начинается активизация участия развивающихся государств в мировых интеграционных процессах. Они по-прежнему активно используют разрешающую оговорку при нотификации своих соглашений. Если до 1995 г. 25 соглашений между развивающимися странами были нотифицированы по разрешающей оговорке, то с 1995 г. таких соглашений 28. На долю модели «Юг — Юг» приходится примерно 2/3 всех интеграционных соглашений мира, что связано с повышением уровня их экономического развития, ростом торговли и заинтересованности в открытии национальных внутренних рынков, включением в региональные и глобальные стоимостные цепочки, конкурентной борьбой за приток ПИИ, а также ростом платежеспособного спроса населения.

Следует выделить и эффект «спагетти» (spaghetti bowl), характерный для любого региона мира. Его суть состоит в том, что одна и та же страна одновременно участвует

в нескольких соглашениях, в которых действуют свои правила торговли и административные процедуры. Например, чтобы товар попал под преференциальный режим, он должен соответствовать установленным правилам страны происхождения. Поскольку в разных объединениях такие правила существенно различаются, это ведет к разночтению норм торгового законодательства, осложняет реализацию инструментов торговой политики, нарушает конкурентные условия на мировом рынке, а также увеличивает издержки производства продукции с учетом условий сбыта на том или ином рынке. Подобная ситуация негативно сказывается на основополагающих принципах многосторонней торговой системы ВТО, прежде всего на РНБ.

Еще одна из тенденций современного регионализма связана с повышением значения РТС в национальном экспорте той или иной страны. Так, по итогам 2017 г. их доля в экспорте Республики Корея составила 83 %, Австралии и Сингапура равна 50 %, США — 48 %, Китая — 45 %, Японии — 37 %¹³.

Мотивы участия стран в процессе регионализации

В основу регионализации первоначально был положен принцип географической

¹² Создана по договору 1992 г. в составе США, Канады и Мексики. На смену НАФТА пришло новое соглашение об Американско-мексиканско-канадской торговле.

¹³ Brock R.W. Bilateral and Regional Trade Agreements: Issues for Congress // CRS Report. May 17, 2018. P. 51, 54, 56.

близости, благодаря которому соглашения подписывались между соседними странами, которые отличались более тесными и исторически сложившимися экономическими и политическими связями (например, между странами Евросоюза, между странами Латинской Америки (МЕРКОСУР, Андское сообщество наций и др.) и т. д.). Впоследствии в силу расширения охвата стран разных регионов интеграционными соглашениями на первый план выдвинулись другие факторы подписания РТС, в частности стратегический, политический и экономический факторы.

В 2007 г. в США был опубликован Первый доклад комиссии Уорвика, в котором указаны мотивы, подталкивающие страны к подписанию интеграционных соглашений. Из их числа можно выделить экономические факторы: упрощение доступа на взаимные рынки; защиту более крупного рынка от внешних конкурентов; получение дополнительных преимуществ от открытой торговли, которые невозможно приобрести в рамках многосторонней торговой системы; более глубокие и широкие обязательства в сфере торговли в рамках ВТО+.

Из группы неэкономических факторов выделяются содействие развитию добрососедских связей между участвующими странами; содействие национальной внешней политике; влияние на внутреннюю (в том числе миграционную) политику участвующих государств; апробацию новых торговых правил и процедур среди ограниченного круга государств, и в случае успеха — их внедрение в мировую торговую систему (так называемый лабораторный эффект); получение краткосрочного эффекта, например, в плане роста торговли по сравнению с важностью самого соглашения для страны (например, когда партнером выступает государство, не играющее решающей роли во внешнеэкономических связях) (так называемый «эффект CNN»¹⁴) [The Multilateral Trade Regime... 2007].

При выборе страны-партнера важен и ресурсный фактор в обеспечении задачи энергетической и сырьевой безопасности государства

с малыми запасами природных ресурсов. В частности, роль этого фактора существенна для экономических отношений США с Чили (доля меди в американском импорте из этой страны — 24,7 %), Колумбией (доля минерального топлива — 59,4 %), Оманом (доля алюминия — 21,5 %), Перу (доля минерального топлива — 13,3 %) ¹⁵.

Что касается политических факторов, то к ним относятся наличие демократических режимов, фактическое отсутствие спорных военно-политических вопросов, общее колониальное прошлое, малый объем спорных проблем с третьими государствами и союзнические отношения в военно-политической сфере, что стимулирует страны к подписанию интеграционных соглашений, прежде всего, на двустороннем уровне [Baier, Bergstrand, Egger 2007].

В ряде стран утверждены критерии выбора страны — потенциального партнера для подписания РТС. Так, в основу китайской интеграционной политики положен принцип «мораль крупной державы» (大國道德) [Li 2015]. Преобладающее число стран — партнеров по РТС для Китая — это небольшие страны, которые не являются его ведущими торговыми партнерами. Это позволяет проводить ограниченную либерализацию торговли с учетом того, что КНР продолжает политику протекционизма, что, в частности, отражено в высоких средних ставках таможенных пошлин [He, Yang 2015]. Еще одна причина акцента на небольшие государства вызвана их большей сговорчивостью по вопросу признания рыночного статуса китайской экономики, а также возможностью накопления опыта переговорного процесса по структуре интеграционного соглашения [Костюнина, Баронов 2018].

В целом политика той или иной страны в отношении членства в РТС различна и зависит от преследуемых стратегических целей и интересов, экономических потребностей и возможностей.

¹⁵ Brock R.W. *Bilateral and Regional Trade Agreements: Issues for Congress* // CRS Report. May 17, 2018. P. 30—31.

¹⁴ CNN — известная медийная корпорация США.

Основные нормы интеграционных соглашений

Интеграционные соглашения различаются по степени охвата, структуре, правовым процедурам, важным условиям, правам и обязательствам стран-подписантов, по механизму разрешения споров. Это отражает растущую дифференциацию глобальной торговой системы и разнообразие двусторонних и многосторонних региональных торговых соглашений. Иными словами, рассмотрение любого РТС — многофакторный анализ.

В табл. 2 суммированы ведущие разделы РТС с участием США, Китая и Японии, подписавших существенное количество соглашений о зоне свободной торговли.

Как видно из данных табл. 2, в американской практике применяется широкая структура РТС, которая охватывает торговлю товарами, услугами, инвестиции, защиту ИПС, трудовые отношения, экологическое сотрудничество, госзакупки, механизм разрешения споров. Вместе с тем присутствуют и специфичные разделы, как, например, регулирование торговли фармацевтической и медицинской продукцией (в отношениях с Австралией и Республикой Корея), регулирование вопросов сельского хозяйства в РТС (с Марокко, Республикой Корея и Австралией), а также экономическое сотрудничество и техническая помощь (в соглашении с Иорданией).

Таблица 2 / Table 2

Структура РТС с участием США, Китая и Японии /
The structure of RTAs with participation of USA, China and Japan

Разделы соглашений / Sections of RTAs	США / USA	Китай / China	Япония / Japan
Всего РТС / Number of RTAs, overall	14	16	16
Доступ товаров на рынки / Market access	13	16	16
Правила страны происхождения / Country of origin regulations	13	15	16
Сельское хозяйство / Agriculture	3	-	-
Текстиль и одежда / Textile and garments	8	-	-
Фармацевтическая и медицинская продукция / Pharmaceutical and medical goods	2	-	-
Таможенное регулирование / Customs regulation	12		15
Санитарные и фитосанитарные меры / Sanitary and phytosanitary norms	10	12	11
Технические барьеры / Technical barriers	12	12	11
Защитные меры / Protective measures	12	14	14
Госзакупки / Government procurement	14	-	12
Инвестиции / Investments	11	10	14
Торговля услугами / Trade of services	13	13	16
Правила временного въезда бизнесменов / Movement of natural persons	4	3	12
Электронная коммерция / Electronic commerce	12	3	5
Конкуренционная политика / Competition policy	6	4	13
Права на интеллектуальную собственность (ИПС) / Intellectual property rights	14	9	14
Трудовые отношения / Trade relations	13	-	-
Экология / Ecology	13	3	2
Экономическое сотрудничество и техническая помощь / Economic cooperation and technical assistance	1	10	12
Механизм разрешения споров / Mechanism of dispute settlement	14	11	15

Источник / Source: Составлено автором на основе текстов соответствующих соглашений / Compiled by the author.

Одна из особенностей РТС с участием США состоит в высоком уровне либерализации торговли промышленными и аграрными товарами, когда лишь 0 и 1,8 % тарифных позиций соответственно сохраняют таможенные пошлины [Udbye 2017]. Для сравнения — в РТС с участием Китая эти показатели составляют 13,5 % позиций по промышленной продукции и 20,9 % — по аграрным товарам; с участием Японии — 2,8 % и 35 % соответственно¹⁶.

Что касается практики членства в РТС Китая, можно выделить следующие аспекты: 1) практика как теневого, так и ЗСТ высокого стандарта¹⁷; 2) отсутствие норм регулирования рынка государственных закупок, что связано с крупным объемом китайского рынка госзакупок и соответственно необходимостью ограничения допуска иностранных партнеров в целях защиты интересов национальных компаний; 3) широкая практика включения в договор раздела по экономическому сотрудничеству; 4) редкое включение таких разделов, как экологические нормы, нормы временного пребывания лиц одной страны на территории другого государства. Таким образом, «китайские интеграционные соглашения отличаются относительно узким охватом и невысокими стандартами» [Костюнина, Баронов 2018].

Региональные торговые соглашения с участием Японии характеризуются: 1) высоким уровнем либерализации торговли промышленными товарами (92—99,99 %); 2) низким уровнем либерализации торговли сельскохозяйственной продукцией и некоторыми чувствительными промышленными товарами (нефтехимической и кожевенной продукции); 3) большинство РТС включают

2—3 Сингапурских вопроса, то есть являются умеренными ЗСТ, и лишь соглашение со Швейцарией — ЗСТ высокого стандарта.

Мегапроекты

Идеи реализации интеграционных мегапроектов не новы. Так, еще в 1826 г. национальный герой Венесуэлы, генерал С. Боливар предлагал сформировать Панамериканский союз. В начале 1960-х гг. Организация африканского единства выступила с предложением о создании Африканского союза. В 1993 г. президент США Б. Клинтон выдвинул инициативу Тихоокеанского сообщества в составе стран Форума АТЭС, а в 1994 г. предложил создать Всеамериканскую зону свободной торговли (ФТАА) в составе 34 государств Западного полушария. В 2006 г. Германия предложила начать переговоры по Трансатлантическому торговому и инвестиционному партнерству между ЕС и США, однако процесс был заморожен по решению администрации президента США Д. Трампа. Ряд выдвинутых идей были реализованы. В частности, в 1960 г. в Латинской Америке была сформирована Латиноамериканская зона свободной торговли с участием 13 государств, на Ближнем Востоке в 2001 г. — Панарабская зона свободной торговли с участием 18 государств.

Одна из тенденций современного регионализма — рост числа мегапроектов, как кросс-региональных, так и региональных. Можно выделить три наиболее крупных и реальных интеграционных мегапроекта: соглашение о Транстихоокеанском партнерстве (ТТП), проект Регионального всеобъемлющего экономического партнерства (РВЭП) и Африканская континентальная зона свободной торговли (АфКЗСТ).

Первый проект, инициированный США, предлагал формирование зоны свободной торговли с 12 странами Тихоокеанского бассейна, участвующими в АТЭС (без России и Китая). Переговоры по данному проекту завершились подписанием соглашения в феврале 2016 г. Но новая администрация Д. Трампа объявила о выходе страны из согла-

¹⁶ Brock R.W. *Bilateral and Regional Trade Agreements: Issues for Congress* // CRS Report. May 17, 2018. P. 39—40.

¹⁷ По правилам ВТО, с учетом включения количества Сингапурских вопросов (инвестиции, госзакупки, содействие торговле, конкурентная политика) различают ЗСТ высокого стандарта, когда включены все четыре Сингапурских вопроса; умеренные ЗСТ, которые включают два—три Сингапурских вопроса, и теневые, или ограниченные ЗСТ, соглашения по которым включают один Сингапурский вопрос.

шения. После переговоров оставшимся странам удалось преодолеть противоречия, внести некоторые изменения в первоначальный текст соглашения и подписать его как Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о Транстихоокеанском партнерстве (Comprehensive and Progressive Trans-Pacific Partnership — CPTPP)¹⁸. В ТТП участвуют 11 стран: Австралия, Бруней, Вьетнам, Канада, Малайзия, Мексика, Новая Зеландия, Перу, Сингапур, Чили и Япония.

Экономический потенциал нового соглашения сравнительно невысокий и составляет 13,6 % мирового ВВП с численностью населения в 495 млн человек.

Торговая либерализация исходит из гарантирования национального режима товарам участвующих государств, устранения таможенных пошлин в 98 % торговли товарами в течение периода до 35 лет максимум; запрета на количественные ограничения; устранения экспортных таможенных пошлин. Согласован достаточно высокий уровень либерализации торговли аграрными товарами на основе устранения экспортных субсидий, ликвидации таможенных пошлин на подавляющую часть товаров в течение 6—13 лет, а также снижения ставок пошлин на чувствительную продукцию (свинину и говядину).

Другой интеграционный мегапроект находится в переговорной стадии. Это — Региональное всеобъемлющее экономическое партнерство (Regional Comprehensive Economic Partnership, RCEP), которое было предложено на 19-м саммите АСЕАН (2011 г.). РВЭП включает 16 государств: 10 стран АСЕАН, Китай, Японию, Республику Корея, Австралию, Новую Зеландию и Индию.

В 2019 г. премьер-министр Индии Н. Моди объявил о выходе страны из переговорного процесса. Главные причины связаны

с нормами по электронной коммерции и торговым дефицитом Индии с 11 из 15 участвующих стран.

Проект имеет крупный экономический потенциал в 40 % мирового ВВП, 25 % мирового экспорта и населением более 3 млрд человек.

Переговоры стартовали в 2012 г., и первоначально планировалось завершить их в 2015 г., но лишь в конце 2019 г. было объявлено о консенсусе между 15 странами и их намерении подписать соглашение в феврале — марте 2020 г.

Один из чувствительных вопросов — устранение таможенных пошлин. Если изначально планировалось это сделать в отношении 95 % взаимной торговли, то из-за оппозиции со стороны Индии процент охвата был снижен до 80 %. Правда, ее выход из переговоров позволит повысить уровень либерализации до 90—93 %¹⁹. Пока намечено начать с либерализации 65% товарооборота, а затем в течение 10 лет поднять этот уровень еще на 15 %. Важным представляется решение стран о едином стандарте и сертификате страны происхождения товара.

Предполагается, что реализация проекта начнется с 2021 г. после подписания и ратификации соглашения всеми странами-участницами.

В целом основное значение мегапроектов состоит: 1) в сокращении эффекта «спагетти» благодаря уменьшению количества двусторонних интеграционных соглашений между странами и выработке общих правил торговли; 2) в создании крупных проектов, что ведет к разработке и применению универсальных норм права регулирования торговли (и не только) и соответственно к замене коллизионных норм. Сказанное упрощает международные коммерческие споры, происходит постепенная унификация не только норм права, но и их толкования и применения.

¹⁸ Comprehensive and Progressive Agreement for Trans-Pacific Partnership Text and Resources // New Zealand Foreign Affairs and Trade official website. URL: <https://www.mfat.govt.nz/assets/CPTPP/Comprehensive-and-Progressive-Agreement-for-Trans-Pacific-Partnership-CPTPP-English.pdf> (accessed: 12.01.2020).

¹⁹ Reinsch W.A., Caporal J., Myrray L. At Last, An RCEP Deal // CSIS. December 3, 2019. <https://www.csis.org/analysis/last-rcep-deal> (accessed: 12.01.2020).

Заключение

Под регионализмом следует понимать политику, направленную на мотивированное участие страны в интеграционных соглашениях, призванных стимулировать либерализацию взаимных экономических связей между участвующими государствами и содействовать получению ими экономических преимуществ. Если регионализм — политика, то регионализация — процесс объединения стран в более крупный регион с элементами свободного перемещения тех или иных факторов, то есть развитие интеграционных процессов.

На практике теория экономической интеграции Б. Балашши реализуется не в полной мере в основном в рамках зон свободной торговли. Их преимущество для участвующих государств состоит в сохранении национального суверенитета стран при проведении торговой политики в отношении неучаствующих государств, когда участники ЗСТ не связаны взаимными обязательствами в этом вопросе.

Различают в основном два этапа эволюции регионализма: старый и новый. Старый регионализм охватывал послевоенный период вплоть до начала — середины 1980-х гг. и отражал цели содействия росту международной торговли и обеспечению безопасности. Ему соответствует понятие «начальной», или «теневой», интеграции, когда участвующие страны сокращают или отменяют таможенные пошлины во взаимной торговле. Новый регионализм стал результатом комплексного подхода в развитии глобализации и многополярного мира. Для него характерно понятие «глубокой» интеграции с более глубокими

интеграционными процессами и переходом на стадии таможенного союза, общего рынка и даже экономического и валютного союза.

Основными тенденциями современного регионализма являются: 1) интеграционный бум в современной мировой экономике с середины 1990-х гг.; 2) преобладание ЗСТ; 3) наличие в каждом регионе интеграционной модели «втулки и спиц»; 4) эффект «спагетти» в каждом регионе; 5) активизация участия развивающихся государств в мировых интеграционных процессах; 6) рост числа мегапроектов.

В основу регионализации первоначально был положен принцип географической близости. Впоследствии в силу расширения охвата интеграционными соглашениями стран разных регионов на первый план выдвинулись другие факторы подписания РТС, в частности стратегические, политические и экономические.

Интеграционные соглашения различаются по степени охвата и структуре. Это отражает растущую дифференциацию глобальной торговой системы и разнообразие двусторонних и многосторонних региональных торговых соглашений.

Ведущими интеграционными мегапроектами считаются три соглашения: Транстихоокеанское партнерство (вступило в силу в составе 11 государств), Региональное всеобъемлющее экономическое партнерство (на момент написания статьи ожидалось подписание 15 государствами) и Африканская континентальная зона свободной торговли (действует с 2019 г. в составе 54 государств).

Поступила в редакцию / Received: 12.02.2020

Принята к публикации / Accepted: 10.04.2020

Библиографический список

- Костюнина Г.М., Баронов В.И.* Особенности региональных интеграционных соглашений с участием Китая в рамках модели Юг—Юг // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 3. С. 612—627. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-3-612-627
- Михеев В.В.* Глобализация, регионализация и региональная интеграция // Восток — Запад: Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений / под ред. А.Д. Воскресенского. М.: РОССПЭН, 2002. С. 61—78.
- Портанский А.П.* Мировая тенденция регионализма и интеграция в СНГ // Российский внешнеэкономический вестник. 2011. № 11. С. 8—17.

- Стрельцов Д.В. Япония между восточноазиатским и транстихоокеанским регионализмом // Вестник Московского университета. Сер. 25, Международные отношения и мировая политика. 2012. № 3. С. 72—95.
- Шушков Ю.В. Интеграционные процессы на пороге XXI века. Почему не интегрируются страны СНГ. М.: III тысячелетие, 2001.
- Baier S., Bergstrand J., Egger P. The New Regionalism: Causes and Consequences // *Dans Économie internationale*. 2007. No. 1 (#109). P. 9—29.
- Balassa B. *The Theory of Economic Integration*. 3rd edition. London: George Allen & Unwin, 1969.
- Barbieri G. Regionalism, Globalism and Complexity: A Stimulus towards Global IR? // *Third World Thematics: A TWO Journal*. 2019. Vol. 4. No. 6. P. 424—441. DOI: <https://doi.org/10.1080/23802014.2019.1685406>
- Bergsten C.F. *Competitive Liberalization and Global Free Trade: A Vision for the Early 21st Century*. Working Paper No. 96—15. Washington, DC: Institute for International Economics, 1996.
- Bhagwati J. Regionalism versus Multilateralism // *World Economy*. 1992. No. 15. P. 535—556. DOI: 1111/j.1467-9701.1992.tb00536.x
- Bhagwati J., Panagariya A. *Preferential Trading Areas and Multilateralism: Strangers, Friends or Foes?* Cambridge, MA: MIT Press, 1995. DOI: 10.1142/9789812815330_0002
- Burfisher E., Robinson Sh., Thierfelder K. *Regionalism: Old and New, Theory and Practice*. The International Agricultural Trade Research Consortium (IATRC) Conference. Italy, June 2003. URL: <https://www.ictsd.org/sites/default/files/downloads/2008/04/burfisherrobinsonthierfelder.pdf> (accessed: 12.01.2020).
- Grossman G., Helpman E. The Politics of Free Trade Agreements // *American Economic Review*. 1995. No. 85 (4). P. 667—690.
- He F., Yang P. China's Role in Asia's Free Trade Agreements // *Asia and the Pacific Policy Studies*. 2015. Vol. 2. No. 2. P. 416—424. DOI: <https://doi.org/10.1002/app5.66>
- Kaiser W. *Using Europe, Abusing Europeans: Britain and European Unity, 1945—63*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 1999.
- Kang Y.-D. Development of Regionalism: New Criteria and Typology // *Journal of Economic Integration*. 2016. Vol. 31. No. 2. P. 234—274. DOI: <http://dx.doi.org/10.11130/jei.2016.31.2.2342016>
- Li Y. *China's Free Trade Agreement Diplomacy*. PhD Thesis. The University of Adelaide, School of Social Sciences, 2015. DOI: 10.4225/55/58af695f326d2. URL: <https://digital.library.adelaide.edu.au/dspace/handle/2440/103486> (accessed: 12.01.2020).
- Powell S., Low T. Is the WTO Quietly Fading Away? The New Regionalism and Global Trade Rules // *The Georgetown Journal of Law & Public Policy*. 2011. Vol. 9. P. 261—282.
- Siebert H. *What Does Globalization Mean for the World Trading System?* Kiel Working Paper, No. 856. 1998.
- Summers L. *Regionalism and the World Trading System* // *Policy Implications of Trade and Currency Zones*. Federal Reserve Bank of Kansas City, 1991.
- Tarrow S., Katzenstein P.J., Graziano L. *Territorial Politics in Industrial Nations*. N.Y., London: Praeger Publishers, 1978.
- The Multilateral Trade Regime: Which Way Forward?* The Report of the First Warwick Commission. The University of Warwick, 2007.
- Udbye A. The United States Free Trade Agreements. How Successful Have They Been? // *The International Trade Journal*. 2017. Vol. 31. No. 5. P. 457—758. DOI: doi.org/10.1080/08853908.2017.1362365

References

- Baier, S., Bergstrand, J. & Egger, P. (2007). The New Regionalism: Causes and consequences. *Dans Économie internationale*, 1 (#109), 9—29.
- Balassa, B. (1969). *The Theory of Economic Integration*. 3rd edition. London: George Allen & Unwin.
- Barbieri, G. (2019). Regionalism, Globalism and Complexity: A Stimulus towards Global IR? *Third World Thematics: A TWO Journal*, 4 (6), 424—441. DOI: <https://doi.org/10.1080/23802014.2019.1685406>
- Bergsten, C.F. (1995). *Competitive Liberalization and Global Free Trade: A Vision for the Early 21st Century*. Working Paper, 96—15. Washington, DC: Institute for International Economics.
- Bhagwati, J. & Panagariya, A. (Eds.). (1999). *Preferential Trading Areas and Multilateralism: Strangers, Friends or Foes?* Cambridge, MA: MIT Press. DOI: 10.1142/9789812815330_0002
- Burfisher, E., Robinson, Sh. & Thierfelder, K. (2003). *Regionalism: Old and New, Theory and Practice*. The International Agricultural Trade Research Consortium (IATRC) Conference. Italy, June. URL: <https://www.ictsd.org/sites/default/files/downloads/2008/04/burfisherrobinsonthierfelder.pdf> (accessed: 12.01.2020).

- Grossman, G. & Helpman, E. (1995). The Politics of Free Trade Agreements. *American Economic Review*, 85 (4), 667—690.
- He, F., Yang, P. (2015). China's Role in Asia's Free Trade Agreements. *Asia and the Pacific Policy Studies*, 2 (2), 416—424. DOI: <https://doi.org/10.1002/app5.66>
- Kaiser, W. (1999). *Using Europe, Abusing Europeans: Britain and European Unity, 1945—63*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Kang, Y.-D. (2016). Development of Regionalism: New Criteria and Typology. *Journal of Economic Integration*, 31 (2), 234—274. DOI: <http://dx.doi.org/10.11130/jei.2016.31.2.2342016>
- Kostyunina, G.M. & Baronov, V.I. (2018). China's Regional Integration Agreements in the Framework of Model "South—South". *Vestnik RUDN. International Relations*, 18 (3), 612— 627. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-3-612-627. (In Russian).
- Li, Y. (2015). *China's Free Trade Agreement Diplomacy*. PhD Thesis. The University of Adelaide, School of Social Sciences. DOI: 10.4225/55/58af695f326d2. URL: <https://digital.library.adelaide.edu.au/dspace/handle/2440/103486> (accessed: 12.01.2020).
- Mikheev, V.V. (2002). Globalization, Regionalization and Regional Integration. In: Voskressenski, A.D. (Eds.). *East — West: Regional Systems and Regional Problems of International Relations*. Moscow: ROSSPEN publ. P. 61—78. (In Russian).
- Portansky, A.P. (2011). Regionalism in the World and Integration in CIS. *Russian Foreign Economic Journal*, 11, 8—17. (In Russian).
- Powell, S. & Low, T. (2011). Is the WTO Quietly Fading Away? The New Regionalism and Global Trade Rules. *The Georgetown Journal of Law & Public Policy*, 9, 261—282.
- Shishkov, Yu.V. (2001). *Integration Processes on the Threshold of the 21st Century. Why CIS Countries Are Not Integrating?* Moscow: III tsysacheletie publ. (In Russian).
- Siebert, H. (2003). *What Does Globalization Mean for the World Trading System?* Kiel Working Paper, 856.
- Streltsov, D.V. (2012). Japan between East Asian and Trans-Pacific Regionalism. *Moscow University Bulletin of World Politics*, 3, 72—95. (In Russian).
- Summers, L. (1991). Regionalism and the World Trading System. *Policy Implications of Trade and Currency Zones*. Federal Reserve Bank of Kansas City.
- Tarrow, S., Katzenstein, P.J. & Graziano, L. (1978). *Territorial Politics in Industrial Nations*. N.Y., London: Praeger Publishers.
- The Report of the First Warwick Commission. (2007). *The Multilateral Trade Regime: Which Way Forward?* The University of Warwick.
- Udbye, A. (2017). The United States Free Trade Agreements. How Successful Have They Been? *The International Trade Journal*, 31 (5), 457—758. DOI: doi.org/10.1080/08853908.2017.1362365

Сведения об авторе: *Костюнина Галина Михайловна* — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры МЭО и ВЭС им. Н.Н. Ливенцева МГИМО МИД России (e-mail: galina_kostynina@yahoo.com).

About the author: *Kostyunina Galina Mikhailovna* — PhD in Economics, Dr. of Sc., Professor, Professor, the Department of International Economic Relations and Foreign Economic Relations, MGIMO University (e-mail: galina_kostynina@yahoo.com).

DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-2-318-332

Научная статья

Международные отношения в Большом Индийском океане через призму концепций геополитики и геостратегии

Н.Б. Лебедева

Институт востоковедения РАН, Москва, Российская Федерация

Статья посвящена анализу некоторых концепций и геополитических подходов к системе международных отношений в Индийском океане, позже — в Большом Индийском океане (БИО). Именно концептуальные подходы давали и дают возможность понять систему и структуру региона, проанализировать эволюцию, тренды и практику в этой системе. В последние десятилетия регион эволюционировал от мозаичности стран и хаотичности межгосударственных связей в первые постколониальные годы до качественно иной, чем прежде, расширенной и центральной роли в мировой политике и геостратегии в силу новых факторов XXI в., многие из которых так или иначе находили отражение в теоретических идеях международных отношений (МО), предлагаемых индийскими учеными. В статье проанализировано соотношение подходов индийских авторов с западными подходами, выявлены особенности индийских подходов в контексте особенностей системы международных отношений Индоокеанского региона, а также определены сходства с подходами специалистов других азиатских стран. Эволюция региона и, как следствие, концепций индийских ученых прошла в своем развитии три этапа. Первый этап — это постколониальный период до 1991 г., года краха биполярной системы МО. Для второго этапа было характерно становление системы в условиях выхода прибрежных стран на ее авансцену и начало активного проникновения Китая в Индийский океан. Суть третьего этапа заключается в перестройке МО в БИО в силу концепции «объединения с АТР» и формирования Индо-Тихоокеанского мегарегиона (ИТР).

Ключевые слова: Индийский океан, Большой Индийский океан, геополитика, геостратегия, теория международных отношений, индийская школа МО, АТР, ИТР

Для цитирования: Лебедева Н.Б. Международные отношения в Большом Индийском океане через призму концепций геополитики и геостратегии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20. № 2. С. 318—332. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-2-318-332

Research article

International Relations in the Great Indian Ocean through the Prism of Geopolitics and Geostrategy

N.B. Lebedeva

Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to an analysis of some concepts and geopolitical approaches towards the international relations in the Indian Ocean, later the Great Indian Ocean (GIO). It is the conceptual approaches that have given and give the opportunity to understand the system and structure of the IO region and to analyze the evolution, trends and practices in this system. In recent decades, the region has evolved from the mosaic of countries and the randomness of interstate relations in the first postcolonial years to a qualitatively different than before, expanded and central role in world politics and geostrategy due to new factors of the 21st century, many of which were somehow reflected in theoretical ideas of international relations (IO), proposed by Indian scholars. The article analyzes the correlation of

© Лебедева Н.Б., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

approaches of Indian authors with Western approaches, reveals the features of Indian approaches in the context of the characteristics of the IR system of the Indian Ocean region, and identifies similarities with approaches of specialists from other Asian countries. The evolution of the concepts of Indian scientists has gone through three stages in its development. The first one is a postcolonial period till 1991, the end of bipolarity. The second is characterized by forming of the IO system under conditions of littoral states entrance in the IO scene and China intrusion in the Indian Ocean region. The essence of the third period is in transformation of the GIO IR system in force of the concept of uniting with the Asia-Pacific Region (APR) and forming Indo-Pacific megaregion.

Key words: Indian Ocean, Great Indian Ocean, geopolitics, geostrategy, theory of international relations, Indian School of IR, Asia-Pacific, Indo-Pacific

For citation: Lebedeva, N.B. (2020). International Relations in the Great Indian Ocean through the Prism of Geopolitics and Geostrategy. *Vestnik RUDN. International Relations*, 20 (2), 318—332. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-2-318-332

Введение

Уже при первом взгляде на карту Индоокеанского региона бросается в глаза его природная очевидность: основой региона, на которой он держится, является водное пространство, объединяющее берега трех континентов, придающее ему своеобразную симметрию и законченную конфигурацию, особенно в сравнении с бесформенным огромным пространством Тихого океана или системой длинного коридора Атлантики. В целом регион выглядит как перевернутая английская буква W.

Концептуальные подходы давали и дают возможность понять систему и структуру Индоокеанского региона, проанализировать эволюцию, тренды и практику в этой системе, столь мозаичной по составу государств и хаотичной по характеру взаимосвязей между ними, аморфной и пестрой во многих отношениях (разные историческое прошлое, цивилизации, культуры, религии, людской и ресурсный потенциал, уровни экономического развития, политическое устройство и т. п.).

Профессор Университета им. Дж. Неру в Дели Сидхартх Маллаварупу справедливо отмечает, что на первом этапе развития теоретической мысли применительно к МО в Индийском океане индийские ученые исходили из западных посылов, позже начав применять их с учетом реалий Индии и Южной Азии, в большей мере касаясь вопросов безопасности [Mallavarapu 2009]. Затем они пошли по пути конкретизации отдельных направлений в рамках теории международных отношений (ТМО) — анализ конфликтов, проблема неустойчивости границ, взаимосвязи внутренней

и внешней политики государства, место Индии в Южной Азии и мире, внешняя политика Индии и т.п.

С. Маллаварупу, а вслед за ним целый ряд других экспертов, считает, что долгое время процесс развития ТМО в Индии был маргинален, но, тем не менее, активен: были организованы национальные центры изучения и обучения МО, к исследованиям привлекалось молодое поколение, расширялись горизонты индийской ТМО, её вклад в общемировой дискурс постепенно становился все значительнее [Mallavarapu 2009].

Особое место в теоретическом дискурсе заняли концепции по проблемам МО и безопасности в Индийском океане и роли в нем Индии после «ухода Британии к Востоку от Суэца». По мнению известного политолога С.Р. Мохана, одним из первых центров разработки указанных вопросов, как и исследований МО в целом, стал Институт оборонных исследований и анализа в Дели (IDSA). Он был создан по инициативе бывшего высокопоставленного и опытного государственно-чиновника К. Субрахманиама, который, отойдя от официальных должностей и практической деятельности в сфере внешней политики, в 1968 г. стал его директором. К. Субрахманиам лично занялся изучением ТМО, добился проведения в стенах Института независимых исследований (вне партий, вне госструктур, вне западных или восточных воззрений и т. п.) и привлек к работе широкий круг специалистов со свежими взглядами [Mohan 2011: 154—155].

Предлагаемая статья посвящена появлению новых и эволюции прежних концепций и

геополитических подходов в силу ключевых сдвигов в МО индоокеанской зоны на разных этапах. Первый этап продолжался до 1991 г., вплоть до распада биполярной системы МО, когда подъем прибрежных, в основном развивающихся, стран и постепенное осознание ими своей значимости в регионе происходили в условиях холодной войны и жесткого противостояния здесь двух сверхдержав — США и СССР. Для второго этапа были характерны формирование нового формата БИО — уход СССР из региона, активное проникновение Китая в Индийский океан, формирование «треугольника» Индия — США — Китай, поворот Индии на Восток. Наконец, суть третьего этапа заключается в заметной перестройке МО в БИО согласно новой концепции «объединения с АТР» и формирования Индо-Тихоокеанского региона (ИТР). В данном процессе Индия играет одну из ключевых ролей и занимает особые позиции.

Первый этап

Пионером индийской геополитики был историк, известный дипломат и влиятельный общественный деятель К.М. Паниккар. В контексте темы в первую очередь привлекают внимание его работы, непосредственно касающиеся МО в индоокеанской зоне. К.М. Паниккар первым заявил, что будущее Индии будет решаться на море и будет неразрывно связано с ее успехами в зоне Индийского океана. Он смело предугадал горячие точки в регионе и выдвинул ряд концептуальных гипотез, которые со временем оказались весьма востребованными.

Сразу после окончания Второй мировой войны К.М. Паниккар представил концепцию создания многостороннего механизма взаимодействия стран Индийского океана, предложив учредить «региональный совет», который работал бы под эгидой формировавшихся в те годы ООН и ее Совета Безопасности. Центром такого «совета» была бы Индия вместе с индоокеанскими странами, заинтересованными в мире и безопасности, а также в политическом и экономическом развитии региона [Panikkar 1945b: 251].

В 1947—1949 гг. К.М. Паниккар был одним из тех, кто призывал к созданию океанического флота Индии и активно выступал в поддержку идеи о превращении Индийского океана в «Индийское море». К.М. Паниккар стал первопроходцем и в оценке стратегической важности соседнего региона Юго-Восточной Азии (ЮВА), индийских Никобарского и Андаманского архипелагов в Бенгальском заливе в качестве форпостов наблюдения, например, за Малаккским проливом [Panikkar 1945a: 96]. Отдельно он выделял потенциал всего Бенгальского залива как основы для создания зоны безопасности Индии на стыке Индийского и Тихого океанов, а также подчеркивал необходимость строительства авианосцев, военно-морских и военно-воздушных баз в Сингапуре, на Шри-Ланке и на о. Сокотра [Panikkar 1945a: 116]. Однако ни индийское руководство, ни аналитики не обратили внимания на стратегическую значимость указанных территорий для национальной обороны Индии.

В этом отношении характерна точка зрения, например, сотрудника Института оборонных исследований и анализа в Дели, профессора Т.Т. Поулоза, который полагает, что мечта К.М. Паниккара об океаническом флоте в те годы была фактически нереализуемой. Ученый подчеркивает, что разного рода идеи, вынашиваемые в Индии относительно создания крупного флота, могли бы только многократно усилить подозрительность малых и довольно слабых прибрежных стран и привести к размежеванию в регионе, чрезвычайно опасному для стратегического баланса [Poulose 1974: 33—49, 177—189, 190—200]. К.М. Паниккар довольно долго оставался редким исключением в разработке морских концепций в научной среде страны [Куприянов 2019: 237—238].

Со временем индийские аналитики обратили внимание на геофизические особенности океана. Так, известные ученые Б. Сен Гупта, Т.Т. Поулоз и Х. Бхатиа поставили в центр своего анализа одну из стратегически важных черт геофизической структуры региона — узкие и сложные подходы к Индийскому океану. На примере Малаккского пролива

с его огромной стратегической, торговой и коммуникационной ролью они выстроили целостную концепцию, сфокусировав внимание на комплексе противоречий, новых по своему характеру, которые возникают, когда относительно слабые развивающиеся государства пытаются установить контроль над территориальными водами в ряде точек Индийского океана. Среди таких противоречий — расхождения между национальными интересами и националистическими амбициями некоторых прибрежных стран, между национализмом и глобальными интересами ведущих морских держав, а также принципами использования морских коммуникаций в широком смысле, стремлением отдельных групп государств общими усилиями защитить собственные национальные интересы и природные ресурсы [Sen Gupta, Poulouse, Bhatia 1974].

К числу тех, кто первым попытался выяснить, какие государства являются акторами МО в этой зоне, принадлежал индийский эксперт Р.С. Шарма. В своей концепции он исходил из социально-экономического анализа положения региональных государств, их места и роли прежде всего в экономической составляющей международных отношений, особенностей их взаимоотношений с бывшими метрополиями. На обширном статистическом материале он показал, что в странах Индоокеанского региона преобладал в целом аграрно-сырьевой тип экономики; производство машин, оборудования и технологий отсутствовало либо находилось на низком уровне; не хватало продовольствия и топлива при наличии больших запасов других ресурсов в регионе; развитие внутри региональных торгово-экономических связей было явно недостаточным [Sharma 1974: 433—450]. Время показало, что таких показателей было мало, чтобы судить о регионе как о более или менее целостной системе.

Зона Индийского океана — одна из самых конфликтных в мире. Здесь вдоль побережья расположены страны с ненадежными социальными и политическими структурами, большое число так называемых “failed states”, или несостоявшихся стран. Все

это действительно требовало концептуального осмысления индийскими конфликтологами. Рассматривая узлы военно-политической конфронтации на афро-азиатском побережье Индийского океана, профессор К. Мишра предложил свою классификацию конфликтов, выделив несколько общих типов: конфликты между Севером и Югом (к примеру, в Персидском заливе из-за цен на нефть), между традиционализмом и процессом модернизации и, наконец, в более широком плане — между Западом и Востоком [Misra, Naraganan 1981: 10—11].

В связи с повышением с 1980-х гг. конфликтного потенциала собственно в акватории океана в результате подписания в декабре 1982 г. Конвенции ООН по морскому праву (были введены 200-мильные экономические зоны, что создавало необходимость для государств обеспечивать их охрану) сотрудник Института оборонных исследований и анализа в Дели П.К.С. Намбудури выдвинул модифицированный вариант известной концепции «дуги кризисов» — «кольцо кризисов», имея в виду разгоравшийся очаг конфликтов в юго-западной части океана, где расположены островные страны (Союз Коморских Островов, Республика Сейшельские Острова и др.) [Namboodiri 1981: 198].

Определенный теоретический интерес представляли точки зрения индийских ученых на особенности формирования системы МО в регионе. Так, К. Субрахманиам считает, что этот объективный процесс подвергся значительной деформации по мере того, как начиная с 1970-х гг. Индийской океан становился одним из главных центров конфронтации двух социально-экономических систем, фокусом второго этапа холодной войны. Здесь началась интенсивная гонка вооружений двух противостоявших военно-политических блоков, затрагивающая в первую очередь именно военно-морскую составляющую [Subrahmanyam 1982: 10—11].

Вслед за некоторыми американскими политологами К. Субрахманиам обратил внимание на развитие процесса полицентризма в зоне Индийского океана, который привел к формированию здесь «мини-центров силы»:

Индии — в Южной Азии, Ирана — в Персидском Заливе, ЮАР — на юге Африки. Как отмечает индийский эксперт, такой крупнейший центр мировой политики, как бассейн Индийского океана, уже нельзя было рассматривать с учетом лишь двухполюсных отношений. В широком смысле прибрежные развивающиеся страны при всех их различиях и противоречиях стали самостоятельным элементом МО в регионе.

К. Субрахманиам приходит к выводу, что поскольку биполярная модель международных отношений на глобальном уровне длительное время базировалась так или иначе на «двусторонней игре», корни которой лежали в доктрине ядерного сдерживания, только США и СССР были по-настоящему независимы в принятии внешнеполитических решений. Остальные же страны, в том числе развивающиеся, вынуждены были опираться на поддержку и помощь той или иной сверхдержавы при проведении своего внешнеполитического курса.

Ученый проанализировал также механизм воздействия на индоокеанскую систему международных отношений — прежде всего советско-американских — на глобальном уровне. Для этого он использовал идеологизированную схему «игры с нулевым вариантом», или «нулевой суммой», разработанную американскими политологами, согласно которой любое неблагоприятное для интересов США событие как в мире в целом, так и в отдельном регионе в частности (например, в Индийском океане) автоматически зачислялось в актив СССР, и наоборот [Subrahmanyam 1982: 12—14].

Профессор Университета им. Дж. Неру К.П. Сингх, анализируя проблемы безопасности в Индийском океане, указывает на различия между развитыми и развивающимися государствами в этой сфере. По его мнению, гонка вооружений в развитых странах не всегда приводила к войнам или вооруженным конфликтам в тех частях земного шара, где они сами расположены. Но она приводила, как правило, к конфликтам или же интервенционистским войнам в развивающемся мире, включая регион Индийского океана. Если для

развитых стран конфликты выливались в эмбарго, всевозможные ограничения торговли и других связей, прекращение финансовой и иной помощи, то в развивающемся мире неизбежно возникала угроза ограниченной войны. В качестве примеров он приводит вооруженные конфликты между Ираном и Ираком, Сомали и Эфиопией и др. [Singh 1981: 21—25].

Несмотря на (а может быть скорее вопреки) разнообразные типы напряженности в ИО, в начале 1970-х гг. здесь родилась идея создания «зоны мира». Она наиболее полно отразила отношение прибрежных стран к проблемам мира, безопасности, гонке вооружений и конфликтам в регионе. Концепция «зоны мира» в Индийском океане (IOZOP) была выдвинута по инициативе Шри-Ланки на III Конференции неприсоединившихся стран в Лусаке в 1970 г., принята в 1971 г. на XXVI сессии ГА ООН и закреплена в резолюции № 2832¹. Однако со временем концепция претерпела сложную зигзагообразную эволюцию, что было обусловлено многими факторами, главным образом изменениями обстановки в Индийском океане и мире в целом.

После ухода Великобритании «к Востоку от Суэца» зона Индийского океана не стала «вакуумом силы», а превратилась в арену соперничества нескольких внерегиональных держав и крупных прибрежных государств, которые претендовали здесь на роль «центров силы» (Индия, Иран, Индонезия и др.). В связи с этим именно малые прибрежные и островные страны (Маврикий, Мадагаскар и др.), опасавшиеся всех претендентов на региональное лидерство, стали инициаторами создания «зоны мира» [Kaushik 1972]. Это была первая особенность данной концепции. Вторая состояла в том, что концепция предусматривала три уровня реализации — концептуальный, декларируемый и практический. Об этом

¹ Резолюция ГА ООН № 2832 (XXVI) «Объявление Индийского океана зоной мира» от 16 декабря 1971 г. // Официальный сайт Генеральной Ассамблеи ООН. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/2832%28XXVI%29> (дата обращения: 13.01.2020).

интересно писал в своих воспоминаниях Постоянный представитель Индии в Специальном комитете ООН по Индийскому океану Т.Р. Сринивасана².

Отношение Индии к концепции и общей ситуации в Индийском океане тоже менялось: от критики военно-морских курсов великих держав на основе принципа «равной удаленности» до признания военно-стратегической политики США главным препятствием на пути решения проблем безопасности в регионе и выступлений против иностранных военных баз, в первую очередь против базы на о. Диего-Гарсия, а также иностранного военного присутствия на постоянной основе.

Спустя годы К. Субрахманиам, ведущий индийский эксперт по безопасности, признавал, что Индия двигалась в фарватере концепции «зоны мира» в Индийском океане, но не была ее активным промоутером. К. Субрахманиам скептически относился как к инициативе Шри-Ланки и пониманию реальности региональной ситуации со стороны более радикально настроенного крыла Движения неприсоединения, так и к кампании, развернутой странами Запада против реализации данной концепции, противоречащей их интересам [Subrahmanyan 1989: 224—230]. Однако спустя 45 лет о концепции «зоны мира» вспомнили.

Второй этап

Второй этап открыл новую страницу в МО в Индийском океане в силу двух процессов глобального и регионального уровней.

На глобальном уровне: 1) произошло расширение функций Индийского океана как связующего пространства между Тихим и Атлантическим океаном³; 2) возросла

² Sreenivasan T.P. New wars on the Cold War relic // *The Hindu*. December 16, 2014. URL: <https://www.thehindu.com/opinion/lead/lead-article-new-wars-on-the-cold-war-relic/article6694860.ece>. (accessed: 13.01.2020).

³ В основном за счет: а) расширения дешевого транзита таких стратегически важных ресурсов, как нефть и газ, а также другого сырья и товаров; б) тенденции к созданию структур межгосударственного сотрудничества в разных областях; в) использования путей к Антарктиде, которая вызывает все больший стратегиче-

стратегическая роль водного пространства, то есть так называемого «морского фактора», морской безопасности и морской силы для обеспечения безопасности морских границ государств, усилилось стремление к расширению районов влияния, охраны ключевых морских коммуникаций (SLOC), проливов и «узких горлышек», произошло расширение борьбы с нетрадиционными угрозами безопасности и пиратством; 3) актуализировалась потребность во всесторонней модернизации военно-морских сил (ВМС) в прибрежных странах и разработке инновационных морских стратегий, в первую очередь в Индии и Китае, которые предприняли попытки активного продвижения к статусу глобальных и великих морских держав со всеми их атрибутами (в первую очередь океаническим флотом); 4) появились новые акторы в регионе Индийского океана — Япония, ФРГ, Республика Корея. Все это дало основание для утверждения новой, расширенной дефиниции региона — «Большой Индийский океан» (БИО), по аналогии с Большим Ближним Востоком, Большой Восточной Азией и т. д.

На втором этапе регион Индийского океана подвергся серьезным изменениям своей географической конфигурации: ушло в прошлое биполярное противостояние между СССР и США; Индия приступила к реализации «поворота на Восток», что отразилось на развитии ее морской политики; Китай начал проникновение в Индийский океан, в связи с чем обострились индийско-китайские отношения и стартовало формирование геополитического «треугольника» Индия — США — Китай. Одновременно шла структуризация других «треугольников» ad hoc: Китай — Индия — Япония в Аденском заливе для борьбы против пиратства или Китай — Пакистан — Индия из-за конфликта в Кашмире. Соответственно появились новые концепции

ский и ресурсный интерес мировых держав; г) наличия большого количества биоресурсов как на дне океана, так и в прибрежных водах; д) изучения космоса и океанских глубин, а также испытаний новых технологий для таких исследований, решения экологических проблем моря и т.п.

и геостратегии, которые предлагается объединить в несколько групп.

I группа. Рубежный 1991 г., год распада биполярной системы, ознаменовался инициативой премьер-министра Индии Н. Рао — объявлением курса на интенсификацию связей с АСЕАН. Данный курс имел несколько особенностей.

Во-первых, он не обрел впоследствии форму какой-либо законченной концепции — в 1994 г. на своем выступлении в Сингапуре Н. Рао обозначил концепт курса словами: «Смотри на Восток» (Look East Policy, LEP), но в официальных документах это название впервые было использовано лишь в 1996 г. в «Ежегодном докладе» МИД Индии⁴.

Во-вторых, реализация курса LEP началась раньше, чем КНР приняла стратегию создания цепи опорных точек в Индийском океане, то есть этот курс не являлся ответным шагом индийской стороны, как ошибочно считали и считают некоторые исследователи.

В-третьих, ключевое место в курсе LEP занимало обеспечение безопасности коммуникаций на стыке Индийского и Тихого океанов, в первую очередь, для противодействия роста влияния КНР в акватории индоокеанской зоны, развития морских связей с Юго-Восточной (ЮВА) и Северно-Восточной Азией (СВА), а также для борьбы с пиратством на восточном и западном флангах Индийского океана.

Наконец, новый курс способствовал ускорению модернизации ВМС Индии, разработке военно-морских стратегий (в 2004, 2007, 2009 и 2015 гг.) и общему повышению роли военно-морских сил на стыке двух океанов.

Руководители страны, не имея четкой концепции LEP, тем не менее, поставили во главу угла ряд концептуальных принципов — более глубокое осознание роли и места Индии в мире и меняющейся глобальной экономике с тем, чтобы наилучшим образом интегрироваться в нее, сделав ставку на экономический прагматизм. Расширение взаимодействия Индии с АСЕАН давало первой

возможность реализации широкомасштабных рыночных реформ в стране и углубления ее внешних стратегических связей с ЮВА, а позже и с СВА. Индия принимала во внимание давние и прочные культурно-цивилизационные и исторические связи с членами АСЕАН, их географическую близость и наличие индийского населения в регионе.

Благодаря этому новому подходу Индии удалось создать предпосылки для дальнейшего продвижения в АТР, освоить новое морское пространство, добиться статуса члена или наблюдателя в ключевых региональных структурах региона — ШОС, Восточно-Азиатском саммите (ВАС), многих институтах АСЕАН (Региональном форуме и др.), а также многосторонних форматах второго ряда — Западно-Тихоокеанском военно-морском симпозиуме (WPNS), Региональном соглашении о борьбе с пиратами и вооруженным разбоем против кораблей в Азии (ReCAAP) и др., то есть, по сути, стать не только индоокеанским, но и тихоокеанским игроком.

Незаконченность и нечеткость концепта LEP, отсутствие плана реализации курса давали поводы экспертам выдвигать свои концепции его особенностей и этапов реализации.

Профессор С.Д. Муни, приняв во внимание историческую ретроспективу отношений Индии со странами ЮВА, выдвинул идею четырех волн сближения со странами АСЕАН: 1) доколониальное прошлое; 2) колониальный период; 3) постколониальный этап; 4) современность он обозначил как четвертую волну. На разных этапах, по его мнению, существовали свои специфические особенности в силу, например, влияния в колониальную эпоху стратегического аспекта политики Британской империи, позже — воздействия императивов XX в. или внутриазиатских конфликтов. С.Д. Муни посчитал незаслуженно обойденными вниманием инициативы Р. Ганди, который в конце 1980-х гг. стремился к восстановлению отношений Индии с государствами ЮВА. По существу, эти инициативы стали предпосылкой курса LEP. Ученый выделил в концепте три фактора, от которых зависела, по его мнению, реализация

⁴ Ministry of External Affairs. New Delhi. 1996. No. 7. P. 118.

LEP: подъем Китая; динамика отношений в стратегическом «треугольнике» Индия — Китай — США; действия политического истеблишмента Индии [Muni 2012].

II группа. Морская тематика первого этапа, безусловно, оказалась в фокусе внимания индийских исследователей. Так, выпущенная в 2004 г. военно-морская доктрина Индии⁵ воодушевила С.Р. Мохана не только на проработку содержащихся в ней положений, но и на их увязывание с «большой стратегией» Индии по вопросам безопасности, что было инновационным по тем временам. Используя методы системного анализа, широко применяемого в ТМО, он спроецировал их на индийскую реальность и разделил поле «большой стратегии» на три концентрических круга, определив в их границах стратегические задачи, причем более четко, чем это было сделано в ряде официальных документов: первый круг — Индия и ее ближайшие соседи на субконтиненте; второй круг — так называемое «расширенное соседство» — другие части Азии и зона Индийского океана; третий круг — весь остальной мир [Winner 2008: 129—135].

В целом концепцию С.Р. Мохана можно охарактеризовать, по терминологии ТМО, как взгляды представителя школы реализма.

Исходя из морского контекста, в первом круге С.Р. Мохан определил две главные задачи: охрана побережья и способность противостоять наиболее сильным среди южноазиатских стран, в первую очередь — ВМС давнего соперника Индии — Пакистана, которому в течение длительного времени КНР оказывала разнообразную, в том числе военно-техническую помощь.

Во втором круге задачи индийских ВМС сводятся к охране торговых и особенно нефтяных потоков, идущих из Персидского залива, а также противодействию пиратам в Малаккском проливе и у берегов Африканского Рога. И если проведение операций в рамках первого круга на море возлагалось

на корабли индийского ВМФ и береговую охрану, то для второго требовалась определенная степень сотрудничества с соседями, чтобы совместно решать обе задачи.

Не следует оставлять без внимания еще одну задачу — проекцию передового присутствия Индии в Индоокеанском регионе с тем, чтобы обозначить в регионе свои политические интересы и сбалансировать растущее присутствие других азиатских морских держав, среди которых выделяется Китай.

В третьем круге ВМС Индии должны были осуществлять более сложные миссии, которые под силу именно великой морской державе и ключевому актору глобальных МО. Среди таких миссий, например, демонстрация морской мощи вне Индоокеанского региона [Winner 2008: 129—135].

Профессор К.Р. Сингх, возглавлявший несколько лет Отдел морских проблем в Калькутском университете, выдвинул концепцию необходимости ускоренного освоения морских пространств вокруг Индии в связи с появлением новых факторов: урбанизации береговой полосы, освоения потенциальных ресурсов, составляющего три четверти сухопутной территории страны морского дна не только в границах исключительной экономической зоны (ИЭЗ), но и шире — на так называемом «легальном континентальном шельфе» (LCS). Он простирается на 350 морских миль от берега и предоставляет дополнительно свыше 1,5 млн кв. км дна, что в итоге вместе с ИЭЗ составляет больше самой территории Индии. Эти факторы стимулировали интенсивное строительство новых портов, хранилищ, ремонтных доков, организацию институтов подготовки современных специалистов в области навигации, изучения биоресурсов, управления морской экономикой и т. п.

Что касается нетрадиционных проблем безопасности на море, К.Р. Сингх отметил целесообразность решать их комплексно, поскольку это не может быть сделано лишь за счет морских (флот и береговая охрана) или сухопутных (полиция и портовые власти) средств обороны. Поскольку зона, требующая обеспечения безопасности, распространяется

⁵ Indian Maritime Doctrine, Integrated Headquarters. 25.04.2004. New Delhi: Ministry of Defense (Navy), 2004. P. 21, 22, 63, 64.

на прибрежные и сухопутные территории страны, а также прилегающие морские пространства, контрмеры должны были включать в себя механизмы, которые координировали бы работу служб, обеспечивающих безопасность как на суше, так и на море [Singh 2008: 101].

По сути, и С.Р. Мохан, и К.Р. Сингх (каждый по-своему) с расчетом на перспективы суммировали неоднозначные и иногда противоречивые концептуальные взгляды ведущих индийских адмиралов — А. Пракаша, Р. Рой-Чаудхури, В.С. Шекхавата, П.В. Рао, С. Мехты, Х.С. Ахлувалиа и др., выражаемые в течение многих лет до или после принятия Морской доктрины 2004 г. Если С.Р. Мохан системно очертил три круга деятельности в морском пространстве и задачи ВМС для каждого из этих кругов, то К.Р. Сингх заострил внимание на конкретных деталях и необходимых направлениях в технологическом развитии индийских ВМС, сравнивая их с возможностями ВМС соседних и внерегиональных государств, а также выдвинул актуальную задачу освоения потенциала морских ресурсов в интересах экономического и оборонного развития страны.

III группа стратегий касается сложных отношений Индии с Китаем. В данном контексте любопытен и далеко не случаен концепт «азиатского парадокса», который с 2000-х гг. приобрел две формулировки — «сотрудничество — соперничество», а по мере их обострения — «сотрудничество — соперничество — конфликт» (3C's — cooperation — competition — conflict). Однако соперничество в стратегической сфере не мешало Китаю и Индии развивать двусторонние отношения в торгово-экономической, политической, культурной и даже в военной сферах, но по отдельным вопросам. В этом состоит суть «азиатского парадокса» — при развитии и углублении отношений в разных сферах, в стратегической, а нередко и политической области они остаются напряженными иходящими порой до открытого конфликта.

В эту схему вписываются оригинальные рассуждения индийского ученого С.С. Пармара о необходимости оценки преимуществ Индии и Китая не столько на том или ином

морском пространстве Индийского океана, сколько в их сочетании на море и на суше. С.С. Пармар справедливо принимает в расчет замеченную им закономерность: напряженность, возникавшая между странами на суше в пограничных районах, неминуемо проявлялась и на море или наоборот. В таком случае, по его мнению, важно следующее:

1) хотя КНР и помогала строить порты в Мьянме, Шри-Ланке и Пакистане, у Индии оставалась возможность противостоять китайским усилиям за счет географической близости и развития не менее эффективных отношений по другим каналам с этими странами;

2) в Китае осознавали, что уровень его морского присутствия в Индийском океане на первых порах не шел в сравнение с индийским, а потому время от времени разворачивались раздражавшие Индию кампании давления на суше — в пограничных районах или за счет предоставления военной помощи соседнему Пакистану [Parmar, Salil 2011].

Наибольшие опасения в Индии связывались с китайской стратегией создания цепи опорных точек вдоль побережья Индийского океана. Концепт этой стратегии не был как-то оформлен в Пекине, а появился под названием «Нить жемчуга» в ноябре 2004 г. в закрытом докладе Министерства обороны США «Будущее энергетики в Азии», подготовленном консалтинговой компанией BoozAllen Hamilton⁶. Название никогда не использовалось КНР официально, но приобрело популярность в политологической литературе и СМИ. При этом Китай наращивал свое военно-морское присутствие в акватории Индийского океана: поменял состав отрядов военных кораблей, участвующих в борьбе с пиратами в Аденском заливе, на крупные боевые суда, стал чаще направлять свои подводные лодки в Индийский океан и др. Кроме того, Пекин вел активные переговоры с островны-

⁶ Drun J. China's Maritime Ambitions: a Sinister String of Pearls or a Benevolent Silk Road (or Both)? // Center for Advanced China Research. December 6, 2017. URL: <https://www.ccpwatch.org/single-post/2017/12/05/China%E2%80%99s-Maritime-Ambitions-a-Sinister-String-of-Pearls-or-a-Benevolent-Silk-Road-or-Both> (accessed: 13.01.2020).

ми странами с целью получить доступ для создания новых баз.

В ответ Индия предприняла ряд ответных мер: начала укрепление партнерских отношений с Вьетнамом, Австралией, Японией; изменила концептуально отношение к обсуждению вопросов безопасности в формате Ассоциации регионального сотрудничества стран Индийского океана (АРСИО), от чего прежде отказывалась; инициировала создание Военно-морского симпозиума Индийского океана (IONS), а также проведение совместных многосторонних маневров с разными партнерами [Куприянов 2018]; реализовала концепцию «Индийский океан — 3» в формате трехстороннего сотрудничества с островными государствами (Шри-Ланка, Мальдивы), которая впоследствии трансформировалась в «Индийский океан — 5» (к сотрудничеству присоединились Сейшельские Острова и Маврикий). Таким образом, борьба за влияние в Индийском океане значительно обострилась, а проникновение в регион Пекина толкало Индию на сближение с США.

Третий этап

С начала 2010-х гг. БИО и АТР переживают невиданную прежде кардинальную перестройку, динамизм которой придает ряд факторов: угрозы, исходящие от действий Китая для США, их союзников и партнеров в данных регионах; необходимость поиска механизмов, сдерживающих рост военного потенциала Китая; рост взаимозависимости по разным, преимущественно экономическим, направлениям и др.

В конечном счете оба региона стали представлять не иначе как Indo-Pacific (Индо-Пасифик). Считается, что данный термин был выдвинут государственным секретарем США Х. Клинтон, которая в 2011 г. предложила концепцию Индо-Тихоокеанского региона (ИТР), согласно которой новая американская стратегическая активность распространялась от западных берегов США до Индостанского субконтинента⁷.

⁷ Clinton H.R. *America's Pacific Century* // Foreign Policy. October 11, 2011. URL: <https://foreignpolicy.com/2011/10/11/americas-pacific-century/> (accessed: 13.01.2020).

Однако появлению этой концепции предшествовала череда схожих идей. Первое упоминание о концепте Indo-Pacific (нем. *Indopazifischen Raum*) в геополитическом контексте принадлежало основателю немецкой школы геополитики К. Хаусхоферу и датируется 1920 г. Позже закрепилось более широкое геоэкономическое и геополитическое понятие «Азиатско-Тихоокеанский регион» (англ. *Asia-Pacific*). В научном обороте Indo-Pacific прозвучал снова в 1960-е гг. в Австралии в контексте анализа вопросов региональной безопасности или процессов регионализации глобальной экономики [Яник 2019: 64—83].

В конце 1990-х гг. и в Индии, и в Японии шло обсуждение идеи, которая предлагала рассматривать восточную зону Индийского океана как единое стратегическое пространство с Тихим океаном, где система безопасности рассматривалась в границах треугольника, углами которого были бы Индия, Австралия с Новой Зеландией и Китай с Японией. Эта конфигурация не включала США, и, по всей видимости, именно поэтому вопрос о построении нового геоэкономического, геополитического и геостратегического мегарегиона отпал.

В августе 2007 г. премьер-министр Японии Синдзо Абэ в индийском парламенте озвучил концепт вновь, представив Индийский и Тихий океаны как единое водное пространство, где коалиция в составе демократических Японии, Австралии, Индии и США выступает за свободную торговлю и защищает международный порядок, универсальные политические ценности и свободный доступ к морскому пространству от амбиций недемократического Китая⁸.

В этом же году индийский эксперт Г. Кхурана положил начало серии публикаций, в которых акцентировал внимание на формировании связки Индия — АСЕАН —

⁸ *Confluence of the Two Seas*. Speech by H.E. Mr. Shinzo Abe, Prime Minister of Japan at the Parliament of the Republic of India // Ministry of Foreign Affairs of Japan official website. August 22, 2007. URL: <https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/pmv0708/speech-2.html> (accessed: 13.01.2020).

Япония как основы нового мегарегиона. Особо он выделил японо-индийские связи по многим каналам, в которых для обеих сторон одинаково важны проблемы морских коммуникаций и их охраны. Концепт Г. Кхураны был еще одним подтверждением растущей роли Индии в качестве важного актора в АТР [Khurana 2018; 2019].

Индийский эксперт А. Панда, исследуя тренд к реинкарнации «Четырехстороннего диалога по безопасности» (Quad), который с момента своего возникновения в 2007 г. ограничивался лишь обсуждением вопросов безопасности в АТР и был пассивен в целом, указал на необходимость подключения подобного формата с целью укрепления позиций стран-участниц (США, Японии, Индии и Австралии) в формирующемся регионе. Для этого важен ряд условий: 1) центральное место АСЕАН; 2) несмотря на то, что ключевой задачей создания концепта Индо-Пасифики остается сдерживание Китая, следует избегать военного акцента в деятельности ее участников; 3) упор в сотрудничестве четырех стран должен делаться на геэкономике, поддержание свободы морских путей и порядка на море; 4) США уступают Китаю в борьбе за влияние в регионе, поэтому для сохранения баланса сил требуется более активная роль Индии, Австралии и Японии⁹.

В ноябре 2017 г. на саммите АТЭС в Дананге (Вьетнам) президент США Д. Трамп выдвинул собственную концепцию «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона». В ней под «свободой» подразумевалась способность стран региона защищать свой суверенитет, свободные гражданские общества, фундаментальные права человека, противодействие коррупции. «Открытость» региона также означала открытые морские и воздушные коммуникации, открытую инфраструктуру, способствующую региональной

⁹ Panda A. US, Japan, India, and Australia Hold Working-Level Quadrilateral Meeting on Regional Cooperation: The 'Quad' is back // The Diplomat. November 13, 2017. URL: <https://thediplomat.com/2017/11/us-japan-india-and-australia-hold-working-level-quadrilateral-meeting-on-regional-cooperation/> (accessed: 13.01.2020).

интеграции, открытый инвестиционный климат, открытую честную торговлю на основе взаимности¹⁰.

Однако в части экономического сдерживания Китая, похоже, таится концептуальный просчет Д. Трампа: отказавшись от участия в Транстихоокеанском партнерстве (ТТП), он объективно сузил американские возможности комплексной реализации проекта Индо-Пасифики. Вместе с тем, стремясь усилить курс на сдерживание Китая и оценивая возрастающую и более активную роль Индии в политических и экономических процессах далеко вне границ Южной Азии, Д. Трамп повысил уровень партнерства с Дели, которое становится в перспективе почти столь же приоритетным, как союз с Японией. Напомним, что в 2016 г. США наделили Индию статусом «основного партнера США по обороне», что открыло для Дели доступ к американской оборонной продукции и технологиям наравне с ближайшими союзниками и партнерами США. Кроме того, было подписано соглашение ЛЕМОА о военной логистике или военных базах, которое обсуждалось сторонами 12 лет и стало важным рубежом и еще одним подтверждением их значительного сближения [Stephen 2016: 599].

Последствия перестройки ИТР

А как на подобные шаги отвечает Китай? Осенью 2013 г. Пекин объявил о плане «Морской Шёлковый путь XXI века» (компонент концепта евразийской интеграции «Один пояс, один путь» (ОПОП)). Оба проекта были встречены Индией, по сути ключевым и центральным их звеном в Индийском океане, отрицательно ввиду прямой многоаспектной геополитической и военно-стратегической конкуренции Дели и Пекина в Южной Азии и БИО.

В 2018 г. китайские официальные власти объявили о своей готовности обеспечить

¹⁰ Remarks by President Trump at APEC CEO Summit, Da Nang, Vietnam // The White House. November 10, 2017. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-apec-ceo-summit-da-nang-vietnam/> (accessed: 13.01.2020).

гарантии безопасности проектам ОПОП и «Морской шелковый путь» за счет ряда мер: введения в эксплуатацию военно-морской базы в Джибути, которая дает возможность Китаю контролировать Баб-эль-Мандебский пролив; поэтапного плана трансформации пакистанского порта Гвадар в полноценную базу¹¹; создания экономического коридора между Китаем и Пакистаном в рамках ОПОП и формирования контингента в 30 000 военных для размещения вдоль него якобы для защиты; регулярного направления в индоокеанскую зону крупных современных кораблей (последнее состоялось в феврале 2018 г.). Все это делает КНР одним из ключевых акторов в Южной Азии и западной части Индийского океана.

В ответ Индия выступила с пакетом транснациональных инициатив: были озвучены проекты «Маусам» (Project Mausam), «Дорога специй» (Spice Route of India Project), «Сагар Мала» (Sagar Mala), разработанные на базе опыта древних торговых и культурных связей в регионе. Но, по большому счету, они остаются скорее «концептуальными планами» (кроме «Сагар Мала») из-за проблем финансирования, собственной недостаточно развитой логистики и других причин. Индийские проекты, в отличие от успешных китайских интеграционных инициатив, развиваются медленно.

Другой формой реакции на китайские меры стал индийско-японский проект — Азиатско-африканский морской коридор роста (AAGC), озвученный 23 мая 2017 г. и предусматривающий реализацию при финансовой поддержке Японии. Суть концепции AAGC заключается в том, что она позволит странам Азии и Африки в дальнейшем интегрироваться и коллективно выступать в качестве глобального конкурентоспособного экономического блока.

В связи с нарастанием соперничества между двумя странами Индию тревожили

¹¹ Pakistan's Belt and Road port has Singapore-size goal // Belt & Road News. March 3, 2020. URL: <https://www.beltandroad.news/2020/03/03/pakistans-belt-road-port-has-singapore-size-goal/> (accessed: 10.03.2020).

и иные вопросы: как можно сдержать рост влияния Китая в БИО? В чью пользу и каким образом меняется баланс сил в регионе между морскими акторами — США, Индией, Китаем? Какие мотивы толкают Индию на сближение с США? И чего можно ожидать в будущем? Аргументированные ответы на них дал Си Раджа Мохан в монографии «Самудра Мантхан. Китайско-индийское соперничество в Индо-Тихоокеанском регионе». Он выдвинул концепцию формирования «треугольника» Индия — США — Китай на основе детального анализа истории и сложных перипетий современной сопряженности двух азиатских держав. Они двигаются параллельно, чтобы завоевать новые пространства влияния на суше и на море, но в разных направлениях — Китай в основном к Югу, к Индийскому океану и далее, Индия — на Восток, к Тихому океану, по крайней мере, его западной части. С.Р. Мохан не без оснований вписал в возникающую между ними динамику отношений США, ведущую мировую морскую державу, по существу, господствующую в акватории БИО. Острое соперничество и одновременно взаимодействие трех стран, которые не волею судьбы, а в силу меняющегося баланса сил оказались в границах огромного треугольника, станет, по мнению автора, определять во многом будущее как БИО, так и формирующегося мегарегиона Индо-Пасифики [Mohan 2012: 63, 104—105, 141, 153, 255—256].

После прихода к власти в 2014 г. новый премьер-министр Нарендра Моди объявил о переходе к курсу «Действуй на Востоке». В нем он сделал концептуальные акценты на укрепление безопасности региона Индийского океана в условиях усиления конкуренции, совершенствование военно-морского присутствия, улучшение инфраструктуры, а также усиление лидерства Индии в регионе. Это было отражено в проекте Н. Моди «Безопасность и рост для всех в регионе» для Индийского океана (SAGAR). Кроме того, предполагалось ускорение дипломатической, экономической и особенно военной интеграции с ЮВА для сохранения стабильности и баланса сил в регионе; углубление стратегических партнерских отношений с другими странами,

которые разделяют озабоченность Индии по поводу подъема Китая; налаживание отношений с Китаем посредством снижения разногласия и поиска путей взаимодействия, когда это возможно [Вајрае 2017].

В складывающихся противоречивых обстоятельствах советник по национальной безопасности Индии Аджит Доваль на очередном «Галльском диалоге» в декабре 2014 г. на Шри-Ланке в присутствии 100 делегатов из 36 стран вновь призвал к реализации концепции «зоны мира» в БИО, снижению военно-морского присутствия внерегionalных стран, возвращению их флотилий на свои базы. Однако решение вопроса в той или иной форме концепции — прежней или обновленной — странами Индийского океана с их противоречивыми позициями по проблемам безопасности и межгосударственными трениями вряд ли может быть скорым, поскольку напрямую связано с двумя непростыми условиями: 1) сможет ли Индия быть организатором и проводником в жизнь обновленной концепции? Ведь в прошлом концепция в определенной мере была направлена против Индии как крупнейшего государства Индийского океана; 2) можно ли принять полностью (или с оговорками) существующий военно-морской тандем Индия — США в изменившихся условиях в БИО? Ответы даст время.

Вместо заключения

Во-первых, индийское руководство, в целом поддерживая американскую концепцию Индо-Пасифики, не желало бы формального вхождения в какой-либо военно-политический союз под эгидой США. Подобный шаг противоречил бы принципам автономности ее внешней политики, ограничивал

ее свободу и возможность маневра не только в отношениях с Китаем, но и с другими важными для Индии партнерами, в первую очередь РФ. Объясняя индийскую позицию по данной американской концепции, Н. Моди неоднократно подчеркивал (в частности, в выступлении на Диалоге Шангри-ла в 2018 г.) важность таких ключевых принципов во внешнеполитическом курсе Индии в ИТР, как инклюзивность, открытость, ее ненаправленность против других стран и центральное место АСЕАН в нем¹².

Во-вторых, в будущем, видимо, предстоит продолжение коренной перестройки МО и в БИО, и в АТР, сближение или взаимное переплетение их компонентов и структур на едином поле, хотя на этом пути существуют препятствия (столкновение межгосударственных интересов, конфликтная ситуация в Южно-Китайском море, разные экономические уровни стран регионов, гонка вооружений, особенно в военно-морской сфере, и т.п.). Естественно, возникают закономерные вопросы: как будет реализовываться концепт ИТР? Возможно ли в той или иной мере поглощение одной системы другой, пусть и в отдаленной перспективе? Что и как меняется или будет меняться в геостратегии США при президенте США Д. Трампе в случае его переизбрания в 2020 г. или при его преемнике? Каковы будут роль и место азиатских гигантов — Китая и Индии — в ИТР?

¹² Prime Minister's Keynote Address at Shangri La Dialogue // Ministry of External Affairs of India. June 01, 2018. URL: <https://www.mea.gov.in/Speeches-Statements.htm?dtl/29943/Prime+Ministers+Keynote+Address+at+Shangri+La+Dialogue+June+01+2018> (accessed: 10.02.2020).

Поступила в редакцию / Received: 15.03.2020
Принята к публикации / Accepted: 20.04.2020

Библиографический список

- Куприянов А.А. Геополитика моря: идея контроля над океаном в политическом дискурсе независимой Индии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 2. С. 234—246. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-234-246

- Куприянов А.А.* Учения IBSAMAR: императивы Индии и перспективы трансформации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 3. С. 628—641. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-3-628-641
- Яник А.А.* Продвижение концепции Indo-Pacific как механизм изменения регионального стратегического баланса: от Хаусхофера до Трампа // Конфликтология / Nota bene. 2019. № 4. С. 64—83. DOI: 10.7256/2454-0617.2019.4.31457
- Bajraee C.* Dephasing India's Look East / Act East Policy // *Contemporary Southeast Asia*. 2017. Vol. 39. No. 2. P. 348—372. DOI: 10.1355/cs39-2d
- Kaushik D.* *The Indian Ocean towards a Peace Zone*. New Delhi: Vikas Publication, 1972.
- Khurana G.K.* Trump's New Cold War Alliance in Asia Is Dangerous // *New Perspectives Quarterly*. 2018. Vol. 35. Iss. 1. P. 7—10. DOI: 10.1111/npqu.12114
- Khurana G.K.* What Is the Indo-Pacific? The New Geopolitics of the Asia-Centred Rim Land // *Geopolitics by Other Means. The Indo-Pacific Reality* / Ed. by A. Berkofski, S. Miracola. Milan: Ledizioni LediPublishing, 2019. P. 13—32.
- Mallavarapu S.* Development of International Relations Theory in India: Traditions, Contemporary Perspectives and Trajectories // *International Studies*. 2009. Vol. 46. No. 1—2. P. 165—183. DOI: 10.1177/002088171004600211
- Misra K.P., Naraganan K.R.* *Non-Alignment in Contemporary International Relations*. New Delhi: Vikas Publication, 1981.
- Mohan C.R.* *Samudra Manthan. Sino-Indian Rivalry in the Indo-Pacific*. Washington: United Book Press, 2012.
- Mohan C.R.* The Re-making of Indian Foreign Policy // *International Studies*. 2011. Vol. 46. No. 1—2. P. 147—163. DOI: 10.1177/002088171004600210
- Muni S.D.* India's 'Look East' Policy: The Strategic Dimensions // *Perspectives on South Asian Security* / Ed. by S.M. D'Souza, R. Jetly. Singapore: World Scientific Publishing Co., 2012. P. 67—99. DOI: 10.1142/9789814407366_0004
- Namboodiri P.K.S.* The Indian Ocean Front // *Strategic Analysis*. 1981. Vol. 5. No. 5—6. P. 196—205.
- Panikkar K.M.* *India and the Indian Ocean: An Essay on the Influence of Sea Power on Indian History*. New York: Macmillan Company, 1945a.
- Panikkar K.M.* Regional Organization for the Indian Ocean Area // *Pacific Affairs*. 1945b. Vol. 18. No. 3. P. 246—251.
- Parmar S.S., Salil S.* China and India: Maritime Commonalities and Divergences // *Journal of Defence Studies*. 2011. Vol. 5. Iss. 3. P. 144—150.
- Poulose T.T.* *Indian Ocean Power Rivalry: Analytical Study of the Littoral States Perspective*. New Delhi: Young Asia Publications, 1974.
- Sen Gupta Bh., Poulose T.T., Bhatia H.* *The Malacca Strait and the Indian Ocean: A Study of the Strategic and Legal Aspects of a Controversial Sea-Lane*. New Delhi: Macmillan, 1974.
- Sharma R.S.* The Indian Ocean and Its Community. A Geographical Approach // *Indian Ocean Power Rivalry: Analytical Study of the Littoral States Perspective* / Ed. by T.T. Poulose. New Delhi: Young Asia Publications, 1974. P. 433—450.
- Singh K.P.* The Subcontinent Differing Perceptions // *World Focus*. 1981. No. 13. P. 21—25.
- Singh K.R.* *Maritime Security for India. New Challenges and Responses*. New Delhi: New Century Publications, 2008.
- Stephen M.D.* India and BRICS: Global Bandwagoning and Regional Balancing // *Vestnik RUDN. International Relations*. 2016. Vol. 16. No. 4. P. 595—602. DOI: 10.22363/2313-0660-2016-16-4-595-602
- Subrahmanyam K.* Arms Limitation in the Indian Ocean: Retrospect and Prospect // *Superpower Rivalry in the Indian Ocean and American Perspectives* / Ed. by S.S. Harrison, K. Subrahmanyam. New York: Oxford University Press, 1989. P. 223—245.
- Subrahmanyam K.* *Indian Security Perspectives*. New Delhi: ABC Publishing House, 1982.
- Winner A.C.* India as a Maritime Power? // *Asia Looks Seaward. Power and Maritime Strategy* / Ed. by T. Yoshihara, J.R. Holmes. Washington: Praeger, 2008. P. 125—146.

References

- Bajraee, C. (2017). Dephasing India's Look East / Act East Policy. *Contemporary Southeast Asia*, 39 (2), 348—372. DOI: 10.1355/cs39-2d
- Kaushik, D. (1972). *The Indian Ocean towards a Peace Zone*. New Delhi: Vikas Publication.

- Khurana, G.K. (2018). Trump's New Cold War Alliance in Asia Is Dangerous. *New Perspectives Quarterly*, 35 (1), 7—10. DOI: 10.1111/npqu.12114
- Khurana, G.K. (2019). What Is the Indo-Pacific? The New Geopolitics of the Asia-Centred Rim Land. In: Berkofski, A. & Miracola, S. (Eds.). *Geopolitics by Other Means. The Indo-Pacific Reality*. Milan: Ledizioni LediPublishing. P. 13—32.
- Kupriyanov, A.V. (2018). IBSAMAR: India's Imperatives, Transformation Prospects. *Vestnik RUDN. International Relations*, 18 (3), 628—641. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-3-628-641. (In Russian).
- Kupriyanov, A.V. (2019). Geopolitics of the Sea: the Idea of Ocean Control in the Political Discourse of Independent India. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (2), 234—246. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-234-246. (In Russian).
- Mallavarapu, S. (2009). Development of International Relations Theory in India: Traditions, Contemporary Perspectives and Trajectories. *International Studies*, 46 (1—2), 165—183. DOI: 10.1177/002088171004600211
- Misra, K.P. & Naraganan, K.R. (1981). *Non-Alignment in Contemporary International Relations*. New Delhi: Vikas Publication.
- Mohan, C.R. (2011). The Re-making of Indian Foreign Policy. *International Studies*, 46 (1—2), 147—163. DOI: 10.1177/002088171004600210
- Mohan, C.R. (2012). *Samudra Manthan. Sino-Indian Rivalry in the Indo-Pacific*. Washington: United Book Press.
- Muni, S.D. (2012). India's 'Look East' Policy: The Strategic Dimensions. In: D'Souza, S.M. & Jetly, R. (Eds.). *Perspectives on South Asian Security*. Singapore: World Scientific Publishing Co. P. 67—99. DOI: 10.1142/9789814407366_0004
- Namoodiri, P.K.S. (1981). The Indian Ocean Front. *Strategic Analysis*, 5 (5—6), 196—205.
- Panikkar, K.M. (1945a). *India and the Indian Ocean: An Essay on the Influence of Sea Power on Indian History*. New York: Macmillan Company.
- Panikkar, K.M. (1945b). Regional Organization for the Indian Ocean Area. *Pacific Affairs*, 18 (3), 246—251.
- Parmar, S.S. & Salil, S. (2011). China and India: Maritime Commonalities and Divergences. *Journal of Defence Studies*, 5 (3), 144—150.
- Poulose, T.T. (1974). *Indian Ocean Power Rivalry: Analytical Study of the Littoral States Perspective*. New Delhi: Young Asia Publications.
- Sen Gupta, Bh., Poulose, T.T. & Bhatia, H. (1974). *The Malacca Strait and the Indian Ocean: A Study of the Strategic and Legal Aspects of a Controversial Sea-Lane*. New Delhi: Macmillan.
- Sharma, R.S. (1974). The Indian Ocean and Its Community. A Geographical Approach. In: Poulose, T.T. (Eds.). *Indian Ocean Power Rivalry: Analytical Study of the Littoral States Perspective*. New Delhi: Young Asia Publications. P. 433—450.
- Singh, K.P. (1981). The Subcontinent Differing Perceptions. *World Focus*, 13, 21—25.
- Singh, K.R. (2008). *Maritime Security for India. New Challenges and Responses*. New Delhi: New Century Publications.
- Stephen, M.D. (2016). India and BRICS: Global Bandwagoning and Regional Balancing. *Vestnik RUDN. International Relations*, 16 (4), 595—602. DOI: 10.22363/2313-0660-2016-16-4-595-602
- Subrahmanyam, K. (1982). *Indian Security Perspectives*. New Delhi: ABC Publishing House.
- Subrahmanyam, K. (1989). Arms Limitation in the Indian Ocean: Retrospect and Prospect. In: Harrison, S.S. & Subrahmanyam, K. (Eds.). *Superpower Rivalry in the Indian Ocean and American Perspectives*. New York: Oxford University Press. P. 223—245.
- Winner, A.C. (2008). India as a Maritime Power? In: Yoshihara, T. & Holmes, J.R. (Eds.). *Asia Looks Seaward. Power and Maritime Strategy*. Washington: Praeger. P. 125—146.
- Yanik, A.A. (2019). Advancement of the Indo-Pacific Concept as a Mechanism for Changing the Regional Strategic Balance: from Haushofer to Trump. *Conflictology / Nota bene*, 4, 64—83. DOI: 10.7256/2454-0617.2019.4.31457. (In Russian).

Сведения об авторе: Лебедева Нина Борисовна — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра индийских исследований Института востоковедения Российской академии наук (e-mail: indology@inbox.ru).

About the author: Lebedeva Nina Borisovna — PhD in History, Leading Researcher, Centre for Indian Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (e-mail: indology@inbox.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-2-333-346

Research article

Regional Economic Integration in the Southern African Development Community (SADC): Analysing the Dynamics and Performance

J. Muntschick

Johannes Gutenberg-University, Mainz, Germany

Abstract. This article analyses the dynamics and performance of regional economic integration in the Southern African Development Community (SADC). It proposes an innovative theoretical approach to the analysis of regionalism that refers to cooperation theory and takes the impact of external actors explicitly into account. The motivation for this research stems from the observation of a new wave of regionalism in the Global South. Many of these new or reformed regional integration organisations (RIOs) comprise of developing countries, particularly in Africa. In contrast to expectations of most mainstream integration theories, new regionalisms in the Southern Hemisphere have come into existence and show considerable degrees of dynamics and institutional performance. However, there is evidence that regionalisms in the Global South are less stable than in the North and not always entirely under control of regional actors only. This puzzling observation, of which the SADC gives an example, has motivated research for this article. Its central aim is to explain the recent integration dynamics and performance of the organisation in its key policy area, namely the economy. By applying a situation-structural approach to analyse and explain the development of institutionalised regional integration, the author argues that patterns of strong and asymmetric interdependence between regional and extra-regional actors may have an ambivalent impact on the genuine structure of regional cooperation problems, institution-building and institutional performance. The article illustrates and explains this on the example of SADC's key economic integration projects: the SADC Free Trade Area and the scheduled SADC Customs Union.

Key words: regionalism, regional integration, external influence, Southern African Development Community (SADC), European Union (EU), Africa, trade

Acknowledgements: No funding involved. Parts of the research in this article have been published by the author in other works.

For citation: Muntschick, J. (2020). Regional Economic Integration in the Southern African Development Community (SADC): Analysing the Dynamics and Performance. *Vestnik RUDN. International Relations*, 20 (2), 333—346. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-2-333-346

Научная статья

Региональная экономическая интеграция в Сообществе развития Юга Африки (САДК): анализ динамики и результатов

Й. Мунтшик

Майнцский университет им. Иоганна Гутенберга, Майнц, Германия

В статье анализируется динамика и показатели региональной экономической интеграции в Сообществе развития юга Африки (САДК). Предлагается инновационный теоретический подход к анализу регионализма, который основывается на теории сотрудничества и в полной мере учитывает влияние внешних акторов. Актуальность данного исследования обусловлена развитием новой волны регионализма на Глобальном Юге. Многие из этих

© Muntschick J., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

новых или реформированных региональных интеграционных организаций (РИО) включают развивающиеся страны, особенно в Африке. В отличие от ожиданий большинства основных интеграционных теорий в Южном полушарии появились новые региональные интеграционные группировки, которые демонстрируют значительную динамику и институциональную эффективность. Тем не менее есть свидетельства того, что регионализм на Глобальном Юге менее стабилен, чем на Севере, и не всегда полностью находится под контролем только региональных акторов. Это удивительное наблюдение, примером которого является САДК, послужило стимулом для написания данной статьи. Ее главная цель — объяснить недавнюю интеграционную динамику и эффективность организации в рамках ключевого направления деятельности, а именно в экономике. Применяя ситуационно-структурный подход для анализа динамики институтов региональной интеграции, автор утверждает, что существенная и асимметричная взаимозависимость между региональными и внерегиональными акторами оказывает двойственное влияние на архитектуру регионального сотрудничества и институциональную эффективность. В статье это иллюстрируется на примере ключевых проектов экономической интеграции САДК: зоны свободной торговли САДК и Южноафриканского таможенного союза.

Ключевые слова: регионализм, региональная интеграция, внешнее влияние, Сообщество развития Юга Африки (САДК), Европейский союз (ЕС), Африка, торговля

Благодарности: Финансирование не привлекалось. Части данной статьи ранее были опубликованы автором в других работах.

Для цитирования: *Muntschick J. Regional Economic Integration in the Southern African Development Community (SADC): Analysing the Dynamics and Performance // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20. № 2. С. 333—346. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-2-333-346*

Since the end of the Cold War a wave of new regionalism [Hettne, Söderbaum 1998] can be observed in various parts of the globe. Many of these new regional integration organisations (RIOs) were founded or reformed in the early 1990s and put a focus on economic block-building and security cooperation. Well-known examples include the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN), the Economic Community of West African States (ECOWAS), the Common Market of the South (MERCOSUR) and the Southern African Development Community (SADC). On the part of the member states, engaging in regional integration and joining RIOs can be a strategy to better cope with the challenges of globalisation, to reap benefits of intraregional economic interdependence, to respond to geopolitical insecurity, and to foster socioeconomic development and political stability [Mattli 1999]. The European Union (EU) is probably the best example, and for some a role model, of successful regionalism — despite the recent crises and Brexit [Börzel, Risse 2009].

From a plain politico-economic perspective, it is quite puzzling that many of these new regionalisms emerged in the Global South¹. In

¹ In a rather broad understanding, the *Global South* shall stand for the regions with mostly non-industrialised, developing countries in the Southern Hemisphere.

contrast to regions with economically highly interdependent and industrialised countries like Europe, North America and parts of Eurasia, regional integration organisations in the Southern Hemisphere comprise mostly of developing and economically less interdependent countries with comparably strong (economic) relations to extra-regional actors. For these reasons are the preconditions for successful integration dynamics and well-performing regionalisms for structural reasons allegedly rather unfavourable — at least according to mainstream integration theories [Haas 1958; Mattli 1999; Moravcsik 1998].

Nonetheless, regionalism in the Global South has come into existence and many RIOs have shown considerable integration dynamics in a variety of policy areas. However, empirical evidence suggests that the dynamics and performance of regionalism in the Global South are not sufficiently stable and not always entirely under control of regional actors only [Doidge 2011; Muntschick 2013]. This is particularly the case in SADC, which is one of the most realistic and promising RIOs in Africa and one of the eight officially recognised regional economic communities (RECs) that count as building-blocks for wider African integration². The

² Regional Economic Communities (RECs) // African Union. URL: <https://au.int/en/organs/recs> (accessed: 17.03.2020).

SADC's key objectives are to foster socio-economic development, peace and security and improve the living conditions of its peoples by means of regional cooperation in a broad range of policy areas, particularly the economy³. While there is evidence for institutional dynamics and success with regard to the SADC Free Trade Area (SADC FTA), there are also signs of failure as the envisaged SADC customs union exemplifies [Muntschick 2018].

This article aims to illustrate and explain the recent integration dynamics and performance of the organisation in its key policy area. Given the fact that South African counts as regional hegemon and that SADC as an organisation is heavily dependent on the EU as largest donor [Amos 2010; Stapel, Söderbaum 2019], scrutinising the role and impact of regional and extra-regional actors shall be part of the analysis. Since the SADC represents a prime example of the new regionalism in the Global South, insights on this illustrative single case study could contribute to a better understanding of integration dynamics and the performance of RIOs in the Southern Hemisphere and beyond.

So far, the scientific debate on how to analyse and explain regionalism, regional integration processes and outcomes is yet significantly influenced by research on the EU. Theory-driven and systematic empirical studies on similar phenomena and observations beyond Europe are yet rare to find. This implies that research on regionalism in the Global South is often inherently Euro-centric. Much of the research on regionalism outside Europe, including the SADC, is done by experts from the field of area studies. These works are in general very rich in empirical content but often not theory-informed and rather descriptive [Mair, Peters-Berries 2001]. Shortcomings are specifically evident with regard to the lack of literature on the performance of regionalism beyond the EU. Extra-regional relations and the influence of external actors on regional integration processes and institutional performance have only recently gained the attention of scholars doing research on regionalism [Muntschick 2018; Plank 2017].

The main part of this article starts with a theory-informed explanation of the logic of regional integration dynamics and provides a brief conceptualisation of institutional performance. Taken this into account, the empirical part will provide a theory-informed analysis of regionalism in the SADC, namely in the key policy area of the economy. Major insights and an overall assessment form the conclusion.

Theorising Regional Integration Dynamics and Institutional Performance

Scholars of international relations understand regions often as macro-regions that are supranational subsystems within the international system, whose constituents are states that are geographically close and share some degree of interdependence [Nye 1968: 7]. Following this view, regionalism can be conceptualised as planned, multilateral, and state-led organisation of interdependence within a confined regional space that manifests in various specific regional projects and accompanying institutions [Bach 2003: 22]. In other words, regionalism can be understood as cluster of various, multidimensional regional cooperation projects bounded by a territorial dimension confined by its member states.

The incentive for international cooperation originates from the structure of the international system and underlying cooperation and collective action problems, which emerge in the context of complex interdependence [Keohane 1984: 51]. If actors follow plainly egocentric and uncoordinated strategies, such a pattern of interdependence within any issue-area almost inevitably produces policy externalities for all others involved. Therefore, utility-maximising actors have incentives to seek mutual cooperation in specific problematic situations [Axelrod, Keohane 1985]. Policies aiming for coordination and cooperation — depending on the prevailing situation — may help to achieve Pareto-superior outcomes for all actors provided that the expected benefits surpass the payoffs of an uncoordinated status quo [Zürn 1987: 9—10].

To achieve this goal, states have incentives to institutionalise cooperation — even if that

³ SADC Objectives // SADC. URL: <https://www.sadc.int/about-sadc/overview/sadc-objectiv> (accessed: 17.03.2020).

involves certain financial or political costs. International institutions are so useful because they help to “lock-in” international cooperation. Their regulative and “civilising” elements facilitate not only international cooperation but increase collective and country-specific welfare and contribute to a stable and peaceful international environment. In the context of the Global South, functional and well-performing international — or regional — institutions may ideally contribute to sustainable development in a broader sense [Zürn 1987: 36, 44—45].

How can we explain regional integration dynamics, which shall be understood as the emergence and design of regional institutions, from a theoretical perspective? How can we explain the role and influence of powerful regional and extra-regional actors?

A cooperation problem on international and regional level can be modelled with the help of game theory [Oye 1985]. Zürn’s situation structural approach takes reference to this and distinguishes several ideal types of problematic situations that imply various degrees of conduciveness to cooperation and the formation of common regulative institutions: Cooperation is comparably easy to achieve in problematic situations corresponding to coordination and assurance games while it is more difficult in those resembling to the dilemma-type and most difficult to achieve in suasion games. Taking this theoretical perspective, it depends therefore primarily on the structure of a cooperation problem — or in other words: the type of “game” a problematic situation reminds of — as to what degree international cooperation is likely, how strong the demand for regulative institutions will be, and how relevant potential context factors will be [Zürn 1993].

Most scholars agree that the factor power is certainly a most relevant and pivotal context factor — not only in the context of analysing regional/international institutions but also with regard to e.g. bargaining theory and the study of international relations in general [Zürn 1993: 70—71]. A country’s power position, however, is not only based on its overall economic and military capacity but particularly on situation-specific determinants. According to

intergovernmental bargaining theory, a state’s (bargaining) power position depends on the character of overall — and particularly issue-area specific — asymmetric interdependence between all actors involved.

A country is in a weak power position if it appears to be very dependent on a cooperative agreement under negotiation and has limited alternative or exit options available. This could be because of strong preference intensity, high individual payoffs, and scarcity or lack of attractive unilateral policy alternatives. On the contrary, a strong or superior power position derives from a country’s autonomy or indifference regarding a cooperative agreement under negotiation. This could be because of low preference intensity, limited individual payoffs or the availability of attractive unilateral policy alternatives and plausible exit-options [Keohane, Nye 2001: 9—11; Moravcsik 1998: 60—67].

When it comes to interstate bargaining on regional level, states which are dependent on their counterparts in a certain issue-area and do not have credible exit-options available are likely to be in a comparably weak position. In contrast, states on which their regional counterparts are dependent on are in relatively strong power position. They can become agenda setters and drivers for regional integration dynamics and become thus mainly responsible for the performance of regionalism. Such powerful key countries can foster or inhibit the process of regional integration and may subject their engagement in regional cooperation projects on condition of their weaker regional partners’ willingness to compromise [Gehring 1994: 216].

The negotiation outcomes, e.g. the particularities of regional arrangements or the institutional design of regionalism in general, reflect therefore not only the structure of a cooperation problem and the preference constellation of the involved states but also the relative power-position of the negotiators. With power being a key context factor, hegemonic actors such as regional great powers play therefore a pivotal role. They can exert most influence on integration dynamics and the performance [Zürn 1993: 70].

One could argue that regional integration in the Global South basically follows the same logic as elsewhere, e.g. in Europe or North America. This is *ceteris paribus* principally true. However, there are structural differences. In many issue-areas, countries and RIOs in the Southern Hemisphere show substantial patterns of asymmetric extra-regional interdependence to external actors. This is most visible in trade relations but also regarding foreign direct investments (FDI) flows and official donor assistance (ODA). The relational aspect of this asymmetry reflects moreover in unidirectional military aid flows and the presence of external forces in some southern regions. Whether or not this is a legacy of colonialism, this shadow-structure of asymmetric extra-regional interdependence has a significant impact on the integration dynamics and the performance of regionalism in the Global South; and mainstream integration theories have ignored this important structural aspect so far [Young 1969: 727].

External influence by powerful extra-regional actors can be conceptualised as context factor similar to power. It can affect the inherent structure of a regional cooperation problem, the bargaining power of regional actors and therefore also the integration dynamics and performance of institutional arrangements in particular and regionalism in general. How can that happen?

Firstly, a shadow-structure of asymmetric interdependence between regional and extra-regional actors can shift the genuine structure inherent to a regional cooperation problem towards a more cooperation-averse situation and thus obstruct a solution. In terms of the situation structural approach, a genuine dilemma-type situation could be transformed into a suasion-type structure. This is the case if actors follow an uncooperative strategy on regional level because they have competing, more rewarding extra-regional policy alternatives. Or in other words: if states prefer to cooperate with promising external parties on the grounds of strong extra-regional relationships instead of engaging in (mutually exclusive) regional integration projects within their less promising regional counterparts [Axline 1994: 26; Muntschick 2012].

Alternatively, however, can extra-regional actors principally also become conducive to regional integration dynamics if they support the solution of regional cooperation problems by e.g. providing side payments, increasing cooperative payoffs etc. [Axline 1994: 24—25]. In terms of the situation structural approach, a genuine dilemma or even suasion-type situation could accordingly be transformed towards a more conducive situation. This can be the case if states outside a region (e.g. important donors) provide external support only on condition that the receiving partners foster regional integration and engage in regional institution building. In an extreme case, regional integration dynamics could thus be entirely fuelled from outside and thus driven by external influence.

Apart from the impact on the structure of regional cooperation problems, external actors may also unfold influence on regional actors' bargaining power in interstate negotiations. This is the case if external actors e.g. strengthen a country's position on regional level by means of direct support or by providing attractive alternative options that are not available to other countries in the region [Sebenius 1983]. Moreover, external actors may enhance the performance of regional institutions by e.g. supporting their capacity and effective functioning by financial or logistical means. This can indeed make a difference if regional actors are unsure about the benefits of regional integration and face initially high costs of regional institution building. In an extreme case, this could even lead to the emergence of façade institutions reminding of Potemkin villages whose sole purpose is to attract an inflow of external donor support [Söderbaum 2004].

As an interim conclusion, while regional hegemony play an important role as potential drivers for regional integration dynamics and certainly key countries for the performance of regionalism, powerful extra-regional actors may have an ambivalent influence in this respect. Since countries and RIOs in the Global South are for mainly economic reasons structurally more prone to external influence compared to their northern counterparts, the performance of regionalisms in the Southern Hemisphere

depends likewise more on actors and policies outside their own region.

Assessing the institutional performance of regionalism systematically is a fairly complex task. This begins with a debate about the meaning of performance. The international relations literature has a long tradition of studying the performance and effectiveness of international institutions, notably international (environmental) regimes [Underdal 1992; Young 1992]. Many scholars argue that the concept of effectiveness includes several dimensions such as e.g. output, outcome and impact. However, there exists no common understanding or definition of institutional effectiveness or performance yet. In a general and broad understanding, performance is about the fulfilment of tasks. Recent literature evaluating the performance of the EU in international relations referred to effectiveness as attainment of stated or unstated goals [Bergmann, Niemann 2015].

An outcome-oriented conceptualisation of effectiveness is a valuable tool to assess the institutional performance of an organisation (e.g. a RIO) when referring to its own goals. Certainly, this approach might be limited because it does not explicitly look at impact or because several factors might affect the degree of performance, e.g. the ambitiousness of stated goals. However, conceptualising institutional performance in terms of goal attainment seems to be a practical method to evaluate the success of regionalism — or specific projects thereof — due to its focus on the essential. An ordinal scale of institutional performance (e.g. high, medium and low) that refers to the level of goal attainment could be useful to refine and illustrate the empirical findings.

The Southern African Development Community (SADC)

Founded in 1992, the SADC is the successor of the Southern African Development Coordination Conference (SADCC), which was established by black majority-ruled countries in 1980 in response to destabilising politics by apartheid South Africa. Today, the SADC has 16 member states⁴, covers an area of almost

10 million km² with a population of about 345 million people⁵. Most member states are classified as low or lower middle-income countries⁶. South Africa counts as the only industrialised country of the SADC. It is an emerging economy and part of the so-called BRICS grouping [Yurtaev 2016]. According to scholars, the SADC is one of the most constant, realistic and promising regionalisms in Africa [Mair, Peters-Berries 2001; Weiland 2006].

The SADC Free Trade Area: Driven by South Africa and Performing Well

Since the mid-1990s, regional economic integration is a key area of the organisation's overall agenda as outlined in the SADC Treaty⁷ and the Regional Indicative Strategic Development Plan (RISDP)⁸. From a plain structural perspective, demand for market integration in SADC countries rooted in the pattern of intra-regional economic interdependence and the prospects for increasing intra-regional trade and, thus, generating absolute welfare gains.

Besides low intra-SADC trade volumes in the 1990s, countries saw a significant potential to increase trade amongst them because comparative cost advantages and informal trade flows existed in the region [Cleary 1999: 7]. Comparative cost advantages were particularly relevant with respect to various agricultural products and foodstuffs, such as e.g. beef (Botswana, Mozambique, and Namibia), beverages (Swaziland), tea and coffee (Malawi and Zimbabwe), tobacco (Angola, Malawi, Tanzania, Zambia, and Zimbabwe), sugar

---

Mauritius, Mozambique, Namibia, Seychelles, South Africa, United Republic of Tanzania, Zambia, Zimbabwe.

⁵ SADC Facts & Figures // SADC. URL: <https://www.sadc.int/about-sadc/overview/sadc-facts-figures> (accessed: 17.03.2020).

⁶ World Bank list of economies // The World Bank. June 2019. URL: <http://databank.worldbank.org/data/download/site-content/CLASS.xls> (accessed: 17.03.2020).

⁷ SADC Treaty // SADC. URL: <https://www.sadc.int/documents-publications/sadc-treaty> (accessed: 17.03.2020).

⁸ Regional Indicative Strategic Development Plan // SADC. URL: https://www.sadc.int/documents-publications/show/Regional_Indicative_Strategic_Development_Plan.pdf (accessed: 17.03.2020).

---

⁴ Angola, Botswana, Comoros, Democratic Republic of Congo, Eswatini (Swaziland), Madagascar, Malawi,

(Mauritius, South Africa, Swaziland) or cotton (Tanzania). Regarding light manufactures and semi-manufactured goods, Lesotho, Malawi, Mauritius, Mozambique and Zambia had comparative advantages in specific products such as textiles, clothing and furniture.

The only industrialised and diversified economy, South Africa, had much more potential for exploiting comparative cost advantages across various sectors, namely in mechanical engineering and the heavy industry [Valentine 1998: 15—16]. Globalisation fuelled additionally demand in SADC countries for regional economic block-building because a larger common market would attract more FDI from overseas. However, the biggest potential for increasing intra-regional trade was between the developing, agricultural SADC members with their labour-intensive products on the one hand and South Africa as developed, industrialised economy with its capital-intensive goods on the other hand [Qualmann 2003: 141—143].

Looking closer at intra-SADC trade relations reveals a distinct pattern of asymmetric interdependence which allows conclusions on the power structure among SADC members. In the mid-1990s, more than half of SADC members traded more with other SADC countries than external actors. The SADC market was a major or even the top trading destination for Botswana, Lesotho, Malawi, Mozambique, Namibia, Swaziland, Zambia and Zimbabwe in the year 1995. In terms of exports (as % of total exports), the SADC region was the top destination for Swaziland (53 %), Lesotho (45 %), Namibia (30 %), and very important for Mozambique (30 %), Zimbabwe (30 %) and Botswana (25 %) in the same year [Muntschick 2018: 109].

Moreover, most SADC member states were heavily dependent on South African FDI at that time [Grobbelaar 2004: 93—95]. This monocentric pattern of intra-regional economic relations put South Africa not only in the position of an economic hub on regional level but also in relative power position. This is because South Africa was not as heavily dependent on the SADC region as trade and particularly export destination compared to most of its regional counterparts. In 1995, only 10 %

of South Africa's total exports shipped to destinations within the SADC. Nevertheless, Pretoria valued the region as its "backyard" for selling much of those manufactured goods that could not compete in global markets [Muntschick 2018: 109].

The cooperation problem related to mutual trade liberalisation among states on a regional level can be interpreted as a dilemma-type situation. All SADC states could generate absolute welfare effects by mutual tariff reductions if everyone sticks to the rules and does not engage in free-riding. This resulted in the demand for institutionalised cooperation in form of a SADC Free Trade Area (FTA) and led to the negotiation and adoption of the SADC Protocol on Trade in 1996/2000⁹. Tough bargaining concerned the legislative design of the Protocol, notably the time schedule, the basket of goods, the Rules of Origin (RoO), and specifications on sensitive goods. South Africa played a key role in many respects. The country was not only the agenda-setter and most committed driver of the project but as well as the most assertive country in terms of drawing up rules and provisions [Muntschick 2017: 187]. This reflects particularly in the restrictive RoO which have not least been designed to protect the South African economy from intra-SADC competition as e.g. in the textile and garments sector [Flatters 2004: 55].

External actors did not unfold any significant impact on the institutionalisation of the SADC FTA. Certainly, the EU supported policies of regional economic integration in southern Africa with several million Euros via various policy instruments and mechanisms [Tjønneland 2006]. However, there is little concrete evidence whether and how this had any specific effects; if any, they were most likely supportive to the project.

The implementation of the SADC Protocol on Trade by most of the organisation's member states led to the creation of the SADC FTA in August 2008. This meant that 85 % of total intra-

⁹ Protocol on Trade in SADC Region 1996 // SADC. URL: https://www.sadc.int/files/4613/5292/8370/Protocol_on_Trade1996.pdf (accessed: 17.03.2020).

regional trade was officially free of customs. However, maximum tariff liberalisation was only attained by January 2012, when the tariff phase down process for sensitive products was completed¹⁰. This seems to be a big success — at least on paper. Looking closer on the performance of SADC’s flagship project in terms of goal attainment gives a slightly different picture. The key objective of the SADC FTA is to eliminate barriers to intra-regional trade as stated in articles 2 and 3 of the Protocol on Trade¹¹. This implies that increasing intra-SADC trade is not only the main goal of regional economic integration in SADC but also the main benchmark for assessing its success.

There is evidence that the regional trade liberalisation and the institutionalisation of the SADC FTA have contributed to increasing intra-regional trade. While the intra-regional trade-share oscillated only between 9—15 % in the mid- to late-1990s [Muntschick 2018: 131], it has grown to more than 20 % in the following two decades as the Figure 1 illustrates.

Most significant is the increase in intra-regional exports. While SADC member states exported only 14.1 % of their total exports to the SADC region in 2001, this figure rose to 23.8 % in 2019. This is an increase of almost 70 % in less than 20 years — and the overall trend seems to be promising despite some backlashes because of the global financial crisis 2007—2008. It indicates that the SADC region has increasingly become a more important export destination for SADC members over the years. The share of intra-SADC imports, in contrast, has not much changed throughout the past two decades. Additional research is needed to explain this very recent drop from 19.5 % to 12.5 % in 2019.

In general, intra-regional trade shares would possibly be much higher today if all member states adhered to the Protocol on Trade and their tariff commitments. Malawi, Tanzania and particularly Zimbabwe, however, fell behind the schedule in the past and experienced implementation problems — or showed reluctance — in phasing-down tariffs¹². This led

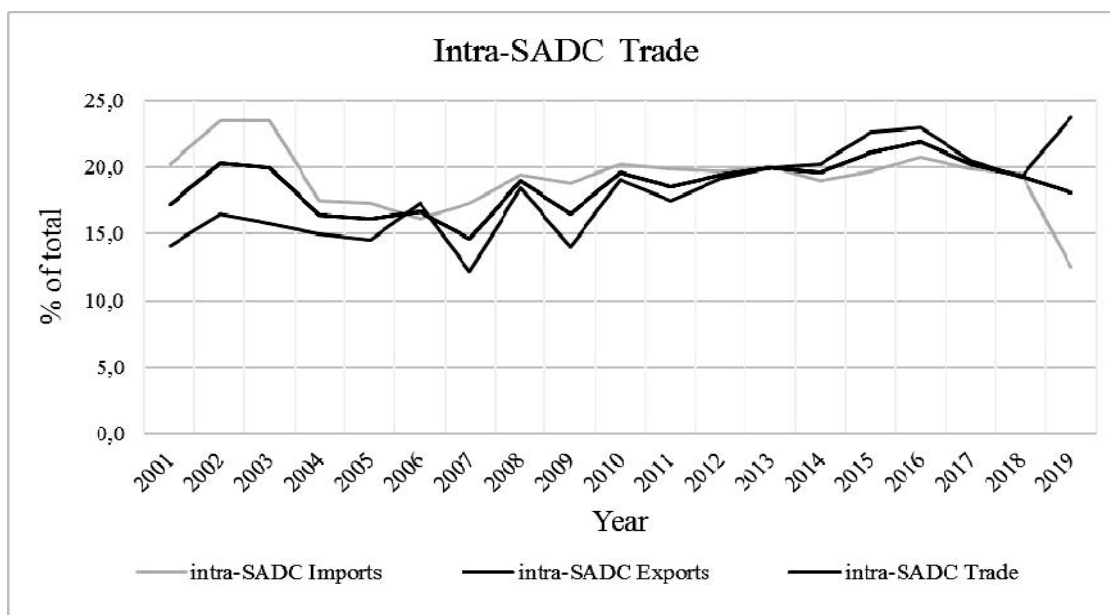

Fig. 1. Intra-regional Trade Shares in the SADC (2001—2019)¹³

Source: designed by the author.

¹⁰ Free Trade Area // SADC. URL: <https://www.sadc.int/about-sadc/integration-milestones/free-trade-area> (accessed: 17.03.2020).

¹¹ Protocol on Trade in SADC Region 1996 // SADC. URL: https://www.sadc.int/files/4613/5292/8370/Protocol_on_Trade1996.pdf (accessed: 17.03.2020).

¹² Free Trade Area // SADC. URL: <https://www.sadc.int/about-sadc/integration-milestones/free-trade-area> (accessed: 17.03.2020).

¹³ Intra-regional trade shares in the SADC (2001-2019) // TradeMap. URL <https://www.trademap.org> (accessed: 17.03.2020).

to several derogations and certainly impeded the overall performance of the SADC FTA. The same applies for non-tariff barriers to trade which include inter alia import quotas, customs delays, infrastructure or other technical barriers that put obstacles to free trade. The SADC introduced a mechanism for identifying, reporting and removing non-tariff barriers in 2005. This created certainly awareness of the problem and contributed to solutions in individual cases. However, sanitary and phyto-sanitary measures as well as technical barriers remain the most common non-tariff barriers to trade in the SADC region so far¹⁴.

The SADC Customs Union: Mission Impossible Undermined by the EU

As a next step to deepen regional economic integration, the SADC envisaged the creation of a customs union (CU). The RISDP mentioned this project explicitly and scheduled the formation of the SADC CU for the year 2010¹⁵. Member states leaders and SADC officials articulated repeatedly demand for a regional customs union as they shared the belief that such an institution would further increase intra-regional trade, attract more FDI inflows from overseas and contribute to socio-economic development on national and regional levels¹⁶.

At first sight, the regional cooperation problem was virtually the same as in the upfront of the creation of the SADC FTA. The pattern of intra-regional economic interdependence in the year 2007 was similar to the one in the mid-1990s: a “hub-and-spoke” pattern with South Africa — as regional economic powerhouse and most important regional trading partner — in the centre [Muntschick 2012]. The SADC member countries’ extra-regional trade

relations, which became a crucial factor for the future of the planned customs union, revealed a second pattern of asymmetric interdependence.

The EU was the most important trading partner for the SADC region and about half of the organisation’s member states. In terms of exports (as % of total exports), Botswana (68 %), the DRC (54 %), Madagascar (63 %), Mauritius (70 %), the Seychelles (54 %), South Africa (33 %) and even Namibia (45 %) traded more with the EU as an extra-regional actor than with their regional counter parts in 2007 [Muntschick 2018: 155]. The dependence of several SADC countries on the European market is clear; albeit the composition of the individual countries’ export baskets of commodities traded with the EU were different [Keck, Piermartini 2008: 92—94]. Since the SADC region was a rather negligible export destination for the EU’s overall exports (only about 3 % in 2007), Brussels was for structural reasons in a relative power position vis-à-vis the SADC countries — including South Africa — in this issue area.

For many years, the EU supported regional economic integration in SADC directly and lastingly with various financial instrument. The EU was the most important external donor to the organisation. The 10th European Development Fund (EDF), for example, provided 116 million EUR for the SADC region of which 85 million EUR were earmarked for regional economic integration¹⁷. However, there was not only support. The EU changed its trade policy towards SADC after the turn of the millennium. This was because Brussels had to adjust its trade relations with the group of African, Caribbean, and Pacific (ACP) countries after the non-reciprocal Lomé Convention had been replaced by the Cotonou Agreement in the year 2000. The latter was consistent with World Trade Organisation (WTO) standards which demanded that preferential market access may only be granted on the basis of reciprocity [Keck, Piermartini 2008: 86].

¹⁴ Non-Tariff Barriers // SADC. URL: <https://www.sadc.int/themes/economic-development/trade/non-tariff-barriers> (accessed: 17.03.2020).

¹⁵ Customs Union // SADC. URL: <https://www.sadc.int/about-sadc/integration-milestones/customs-union> (accessed: 17.03.2020).

¹⁶ SADC pushes towards Customs Union // SA News. August 18, 2010. URL: <https://www.sanews.gov.za/south-africa/sadc-pushes-towards-customs-union> (accessed: 17.03.2020).

¹⁷ Regional Strategy Paper and regional Indicative Programme 2008—2013 // EU. URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/rsp_and_rip_2008_2013_en.pdf (accessed: 17.03.2020).

Against this background, Brussels offered SADC countries to conclude so-called Economic Partnership Agreements (EPAs). These were mainly schemes for a free trade area. However, they also comprised significant developmental and aid-for-trade components. They were included to cushion potentially (negative) effects related to mutual trade liberalisation and adaptation in the southern countries. The embedded development aid component made the EPAs also financially very attractive from a developing country's point of view. More "persuasive", however, was the fact that Brussels ultimately demanded all SADC countries that did not qualify for trading under the duty- and quota-free conditions of the "Everything-But-Arms" (EBA) initiative to negotiate and conclude EPAs as soon as possible in order to maintain preferred access to the EU's common market [Bilal, Stevens 2009]. Brussels repeatedly set ultimatums for SADC countries to conclude full EPAs and threatened to exclude them from preferential market access, which would have caused devastating economic effects in several SADC countries due to their heavy export dependency on the EU¹⁸.

The EU's pressure on SADC countries to conclude the EPAs, which were in fact North-South trade regimes, regardless of SADC's agenda to establish a common customs union had an interfering effect on the organisation's economic integration dynamics. To form and implement a complete SADC CU, however, all member countries would firstly need to agree on a common external tariff, secondly implement this to institutionalise an operating customs union, and thirdly act towards third countries as one single actor (same as e.g. the EU did in the Brexit talks). However, none of this happened. Due to the pattern of extra-regional trade dependence of several SADC countries on the EU in combination with Brussels' pressure for concluding EPAs, the structure of the genuine regional cooperation problem of forming a

SADC customs union changed. External influence transformed it towards a cooperation-averse situation which reminded of a suasion game.

This is firstly because the EU did not show any consideration towards SADC's regional economic integration agenda and the scheduled SADC CU. Moreover, Brussels refused the idea to offer all SADC member countries a single and encompassing EPA with the same (favourable) EPA conditions. This is because the EU — notably some of its southern member states — feared competition from several SADC economies (notably South Africa), particularly in the agricultural sector, and wanted to frame the EPAs according to her own needs and the level of development in the partner countries. This led secondly to a fragmentation of SADC, meaning that several SADC countries joined together in different EPA-groupings in order to negotiate the best EPA-deal with the EU based on the composition of their export baskets and terms of trade. Thus, those SADC countries that needed/preferred to conclude EPAs for economic reasons and expected more benefits from extra-regional cooperation with the EU than from deepening economic integration towards a SADC CU became "regional Rambos" [Muntschick 2013: 700].

When Brussels raised diplomatic pressure in the mid-2000 years [Bilal, Stevens 2009], the SADC member states split into four different EPA-groupings. Besides the so-called SADC-EPA grouping (which in fact consisted then only of Angola, Botswana, Lesotho, Mozambique, Namibia, Swaziland and South Africa) did other SADC countries join together within the frameworks of the Eastern and Southern Africa (ESA)-EPA grouping (including Madagascar, Malawi, Mauritius, the Seychelles, Zambia and Zimbabwe), the East African Community (EAC)-EPA grouping (including Tanzania) and the Economic and Monetary Community of Central Africa (CEMAC)-EPA grouping (including the DR Congo). This, of course, put the plans for creating a SADC CU at risk because there can be no customs union where its members negotiate separate and implement

¹⁸ Pressure as EU issues new trade ultimatum // Bilaterals.org. September 8, 2014. URL: <https://bilaterals.org/?pressure-as-eu-issues-new-trade&lang=en> (accessed: 17.03.2020).

different trade regimes with external actors [Muntschick 2017: 196].

Even though many SADC officials and member states' leaders continued an obdurate strategy of upholding the plans to create the SADC CU in the near future¹⁹, the reality check talks a different language. With the stated goal to create a customs union by 2010, SADC's degree of goal attainment and the institutional performance in its second grand project of regional economic integration is non-existent.

This is because the divide of SADC became even more cemented when its member states in the different EPA-groupings made progress in the negotiations with the EU and started to initialise so-called interim-EPAs, which were labelled as of provisional character. But there is doubt: Brussels' carrot-and-stick policy was successful. This reflects in the fact that Madagascar, Mauritius, the Seychelles and Zimbabwe signed an interim ESA-EPA with the EU in August 2009. They have applied it provisionally since May 2012. The Comoros joined in July 2017 and started applying it since February 2019. After the European Parliament gave consent to the arrangement, negotiations to deepen the interim-ESA-EPA towards a full EPA have started in October 2013²⁰. The EAC-EPA grouping, which includes Tanzania, finalised its negotiations with the EU in October 2014. Some countries have signed the EPA in September 2016 but Tanzania, which enjoys duty- and quota-free EU access under the EU's EBA scheme, has not done so yet²¹. The same applies for the DR Congo as member of the CEMAC-EPA grouping where negotiations on an interim-EPA concluded in December 2007²².

The SADC EPA, which includes Botswana, Eswatini (formerly known as Swaziland), Namibia, Lesotho, South Africa and Angola (with an option to join), was signed in June 2016 and became fully operational in February 2018²³. It was subject to particularly long and tough negotiations between Brussels and the SADC partner countries. This is because initially the EU refused to grant South Africa the same beneficial trading terms as the rest of the (less developed) countries in the SADC EPA grouping. Brussels argued that South Africa already enjoyed a privileged market access to the EU under the Trade, Development and Cooperation Agreement (TDCA) and should therefore — as emerging economy — not enjoy the trade benefits designated for its economically much weaker neighbouring states.

This policy raised sharp protest in southern Africa, particularly among the members of the centennial Southern African Customs Union (SACU)²⁴. They feared the break-up of the age-old SACU if South Africa on the one hand and the rest of SACU-members on the other hand initialised two different trade regimes with the EU [Draper, Khumalo 2009]. Fortunately, particularly from the SACU member states' perspective, this "horror scenario" did not occur. Despite being in a relative power position, Brussels mend its ways and offered the entire SADC grouping one single EPA with harmonised rules, thereby repealing the trade component of the TDCA²⁵. This saved the SACU — but was probably the final coffin nail for the scheduled SADC CU.

¹⁹ SADC pushes towards Customs Union // SA News. August 18, 2010. URL: <https://www.sanews.gov.za/south-africa/sadc-pushes-towards-customs-union> (accessed: 17.03.2020).

²⁰ Eastern and Southern Africa (ESA) // European Commission. URL: <https://ec.europa.eu/trade/policy/countries-and-regions/regions/esa> (accessed: 17.03.2020).

²¹ East African Community (EAC) // European Commission. URL: <https://ec.europa.eu/trade/policy/countries-and-regions/regions/eac> (accessed: 17.03.2020).

²² Central Africa // European Commission. URL: <https://ec.europa.eu/trade/policy/countries-and-regions/regions/central-africa> (accessed: 17.03.2020).

²³ Southern African Development Community (SADC) // European Commission. URL: <https://ec.europa.eu/trade/policy/countries-and-regions/regions/sadc> (accessed: 17.03.2020).

²⁴ The SACU was founded in 1910 and is the oldest operating customs union in the world. Its members comprise of Botswana, Eswatini (formerly Swaziland), Lesotho, Namibia and South Africa.

²⁵ Southern African Development Community (SADC) // European Commission. URL: <https://ec.europa.eu/trade/policy/countries-and-regions/regions/sadc> (accessed: 17.03.2020).

Concluding Remarks

The SADC is one of the most prominent and promising new regionalisms in Africa and the Global South. Its regional integration agenda is ambitious and has a focus on the key areas of the economy, security and infrastructure. In order to foster socio-economic development and overall welfare in the region, member states demanded further steps towards deepening regional economic integration and increasing intra-regional trade flows in the mid-1990s. The main objectives were to create a free trade area and thereafter a customs union by the year 2010.

Economic relations and trade patterns in the SADC region indicate a moderate potential for increasing intra-regional trade flows and revealed that South Africa is a regional hegemon in economic terms. The Cape Republic used its relative power position in the regional negotiations on the Protocol on Trade that led to the institutionalisation of the SADC FTA. Pretoria was particularly assertive regarding the adoption of strict RoO. The latter protect market players in the SADC FTA to a certain degree from the import of goods originating outside the region; which is mainly a protective measure against the mass inflow of cheap products from China that could damage the South African light manufacturing industry.

Thus, the SADC FTA is not only of benefit for the small economies in the SADC region but mainly for South Africa that gained better market access to its “SADC hinterland” and more opportunities to sell there industrial products that are not very competitive on global markets. The performance of the SADC FTA shows rather promising results. Despite the existence of considerable non-tariff barriers to trade, formal intra-regional trade has grown in absolute and relative terms over the past two decades. This applies particularly to the share of intra-SADC exports and shows that the SADC region is increasingly an export destination for the regional market players. Whether this has an impact on socio-economic development, however, is a different question and deserves further research.

The SADC was not successful in further deepening regional economic integration towards the institutionalisation of a common customs union. The structural reason for this failure roots in the pattern of SADC member states’ extra-regional economic relations. Several SADC countries are heavily depended on the EU as their (most) important export destination. This structural dependency puts the EU, which is also an economic giant on global level, in a relative power position towards the SADC and its member countries. When Brussels changed its trade policy towards the ACP countries and demanded SADC countries to negotiate new trade regimes in form of the EPAs, it was both the inherent development aid component and the threat of exclusion from preferential access to the common EU market that convinced SADC members to engage in EPA talks.

The EU as an external actor had therefore an interfering influence on regional cooperation efforts towards building the SADC CU because several SADC countries joined together in different EPA groupings and started to negotiate different EPAs with Brussels. In other words: the genuine regional cooperation problem transformed into a suasion game because several regional actors saw more benefits in institutionalising extra-regional cooperation with the EU than in further developing an incompatible and possibly less promising SADC CU. With the adoption and implementation of several different EPAs in the past years, the SADC is well-advised to face reality and the fact that it has failed to institutionalise a SADC CU.

The empirical analysis has shown that powerful external actors may have an ambivalent effect on regionalism and regional integration projects in the Global South. Member states in RIOs that show patterns of strong (economic) dependence on extra-regional actor are prone to external influence because they might face incentives to prefer extra-regional cooperation over regional cooperation. This may lead to regional fragmentation if both of such policies are not compatible. The example of the Ukraine, which has been virtually torn between the EU and the Eurasian Economic Union (EEC) over

preferential trade regimes, is another example of this dilemma — and possibly also of the sometimes ill-considered and uncompromising policies of external actors in powerful positions. The rise of China and its foreign policy and

action towards African RIOs and their member states will possibly lead to similar problems and should therefore deserve the attention of political science and academic research in the future.

Received / Поступила в редакцию: 26.03.2020

Accepted / Принята к публикации: 06.05.2020

References / Библиографический список

- Amos, S. (2010). The Role of South Africa in SADC Regional Integration: the Making or Breaking of the Organization. *Journal of International Commercial Law and Technology*, 5 (03), 124—131.
- Axelrod, R. & Keohane, R.O. (1985). Achieving Cooperation under Anarchy: Strategies and Institutions. *World Politics*, 38 (1), 226—254. DOI: 10.2307/2010357
- Axline, W.A. (1994). *The Political Economy of Regional Cooperation. Comparative Case Studies*. London: Pinter Publishers and Associated University Press.
- Bach, D. (2003). New Regionalism as an Alias: Regionalisation through Trans-State Networks. In: Grant, J.A. & Söderbaum, F. (Eds.). *New Regionalism in Africa*. Aldershot: Ashgate. P. 21—30.
- Bergmann, J. & Niemann, A. (2015). Mediating International Conflicts: The European Union as an Effective Peacemaker? *Journal of Common Market Studies*, 53 (05), 957—975. DOI: 10.1111/jcms.12254
- Bilal, S. & Stevens, C. (2009). *The Interim Economic Partnership Agreements between the EU and African States. Contents, Challenges and Prospects*. Maastricht: European Centre for Development Policy Management (ECDPM).
- Börzel, T.A. & Risse, T. (2009). *Diffusing (Inter-)Regionalism. The EU as a Model of Regional Integration*. KFG Working Paper. Berlin: KFG “The Transformative Power of Europe”.
- Cleary, S. (1999). Regional Integration and the Southern African Development Community. *Journal of Public and International Affairs*, 10 (01), 1—15.
- Dojge, M. (2011). *The European Union and Interregionalism*. Farnham: Ashgate.
- Draper, P. & Khumalo, N. (2009). The Future of the Southern African Customs Union. *Trade Negotiations Insights*, 8 (06), 4—5.
- Flatters, F. (2004). SADC Rules of Origin in Textiles and Garments: Barriers to Regional Trade and Global Integration. In: Commonwealth Secretariat. *The Impact of Preferential Rules of Origin in the Textile and Clothing Sector in Africa*. London: Commonwealth Secretariat. P. 41—66. DOI: 10.14217/9781848598454-3-en
- Gehring, T. (1994). Der Beitrag von Institutionen zur Förderung der internationalen Zusammenarbeit. Lehren aus der institutionellen Struktur der Europäischen Gemeinschaft. *Zeitschrift für Internationale Beziehungen*, 1 (02), 211—242.
- Grobelaar, N. (2004). Can South African Business Drive Regional Integration on the Continent? *South African Journal of International Affairs*, 11 (02), 91—106. DOI: 10.1080/10220460409545469
- Haas, E.B. (1958). *The Uniting of Europe: Political, Social, and Economic Forces 1950—1957*. Stanford: Stanford University Press.
- Hettne, B. & Söderbaum, F. (1998). The New Regionalism Approach. *Politeia: Journal for Political Science and Public Administration*, 17 (03), 5—19.
- Keck, A. & Piermartini, R. (2008). The Impact of Economic Partnership Agreements in Countries of the Southern African Development Community. *Journal of African Economies*, 17 (01), 85—130. DOI: 10.1093/jae/ejm006
- Keohane, R.O. & Nye, J.S. (2001). *Power and Interdependence*. New York, London: Longman.
- Keohane, R.O. (1984). *After Hegemony. Cooperation and Discord in the World Political Economy*. Princeton: Princeton University Press.
- Mair, S. & Peters-Berries, C. (2001). *Regionale Integration und Kooperation in Afrika südlich der Sahara. EAC, ECOWAS und SADC im Vergleich*. Bonn, München: Weltforum Verlag.
- Mattli, W. (1999). *The Logic of Regional Integration: Europe and Beyond*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Moravcsik, A. (1998). *The Choice for Europe: Social Purpose and State Power from Messina to Maastricht*. Ithaca: Cornell University Press.

- Muntschick, J. (2012). Theorising Regionalism and External Influence: A Situation-structural Approach. *Mainz Papers on International and European Politics*, 02, 1—29.
- Muntschick, J. (2013). Regionalismus und Externer Einfluss: Stört die Europäische Union die Regionale Marktintegration im südlichen Afrika? *Politische Vierteljahresschrift*, 54 (04), 686—713.
- Muntschick, J. (2017). SADC. Extra-regional Trade Relations Constrain Deeper Market Integration. In: Krapohl, S. (Eds.). *Regional Integration in the Global South. External Influence on Economic Cooperation in ASEAN, MERCOSUR and SADC*. Cham: Palgrave Macmillan. P. 179—207. DOI: 10.1007/978-3-319-38895-3
- Muntschick, J. (2018). *Regionalism and External Influence: The Southern African Development Community (SADC) and the ambivalent Impact of the EU on Regional Integration*. Cham: Palgrave Macmillan. DOI: 10.1007/978-3-319-45330-9
- Nye, J.S. (1968). *International Regionalism*. Boston: Brown and Company.
- Oye, K.A. (1985). Explaining Cooperation under Anarchy: Hypotheses and Strategies. *World Politics*, 38 (01), 1—24. DOI: 10.2307/2010349
- Plank, F. (2017). The Effectiveness of Interregional Security Cooperation: Evaluating the Joint Engagement of the EU and the AU in Response to the 2013 Crisis in the Central African Republic. *European Security*, 26 (04), 485—506. DOI: 10.1080/09662839.2017.1327849
- Qualmann, R. (2003). *South Africa's Reintegration Into World and Regional Markets. Trade Liberalisation and Emerging Patterns of Specialisation in the Post-Apartheid Era*. Leipzig: Universität Leipzig.
- Sebenius, J.K. (1983). Negotiation Arithmetic: Adding and Subtracting Issues and Parties. *International Organization*, 37 (02), 281—316. DOI: 10.1017/S002081830003438X
- Söderbaum, F. (2004). Modes of Regional Governance in Africa: Neoliberalism, Sovereignty Boosting, and Shadow Networks. *Global Governance*, 10 (04), 419—436. DOI: 10.1163/19426720-01004004
- Stapel, S. & Söderbaum, F. (2019). Mapping and Problematizing External Funding to the AU and the RECs. In: Engel, U. & Mattheis, F. (Eds.). *The Finances of Regional Organisations in the Global South*. London: Routledge.
- Tjønneland, E.N. (2006). *SADC and Donors — Ideals and Practices. From Gaborone to Paris and Back*. Gaborone: Botswana Institute for Development Policy Analysis.
- Underdal, A. (1992). The Concept of Regime “Effectiveness”. *Cooperation and Conflict*, 27 (03), 227—240. DOI: 10.1177/0010836792027003001
- Valentine, N. (1998). *The SADC's Revealed Comparative Advantage in Regional and International Trade*. Cape Town: Development Policy Research Unit.
- Weiland, H. (2006). The European Union and Southern Africa. Interregionalism between vision and reality. *Interregionalism and International Relations*. London, New York: Routledge.
- Young, O.R. (1969). Interdependencies in World Politics. *International Journal*, 24 (04), 726—750. DOI: 10.1177/002070206902400407
- Young, O.R. (1992). The Effectiveness of International Institutions: Hard Cases and Critical Variables. In: Rosenau, J.N., Czempiel, E.-O. & Smith, S. (Eds.). *Governance without Government: Order and Change in World Politics*. Cambridge, New York: Cambridge University Press. P. 160—194.
- Yurtaev, V.I. (2016). BRICS: Challenges of Cooperation on the African Continent. *Vestnik RUDN. International Relations*, 16 (02), 191—202.
- Zürn, M. (1987). *Gerechte internationale Regime. Bedingungen und Restriktionen der Entstehung nicht-hegemonialer internationaler Regime untersucht am Beispiel der Weltkommunikationsordnung*. Frankfurt am Main: Haag Herchen.
- Zürn, M. (1993). Problematic Social Situations and International Institutions: On the Use of Game Theory in International Politics. In: Pfetsch, F.R. (Eds.). *International Relations and Pan-Europe: Theoretical Approaches and Empirical Findings*. Münster: Lit-Verlag. P. 63—84.

About the author: *Muntschick Johannes* — PhD (Political Science), Postdoc Research Fellow and Lecturer, Department of Political Science (International Relations Unit), Johannes Gutenberg-Universität Mainz, Germany (e-mail: muntschick@uni-mainz.de).

Сведения об авторе: *Мунтшик Йоханнес* — кандидат политических наук, научный сотрудник и профессор департамента политической науки (секция международных отношений) Майнцкого университета им. Иоганна Гутенберга, Германия (e-mail: muntschick@uni-mainz.de).

DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-2-347-355

Research article

Visegrad Group and Relations with Russia

R. Višňovský

Saint-Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation

Abstract. This article refers to the Central European countries by meaning the Visegrad Group countries (V4) — Hungary, Czech Republic, Poland, and Slovakia. The development of the Visegrad Group aimed on integration to the Euro-Atlantic structures fulfilled its promise, nevertheless, the membership in Western structures does not necessarily mean the loss of Russian influence in the region of Central Europe. On the contrary, the region's connection to Russia developed in the past remained to some extent even after the process of political transition in particular countries. Such connections are responsible for foreign policy discourse with a plethora of questions and misunderstandings on issues related to the political attitudes of Visegrad members towards Russia and some contradictory stances of the V4 countries among themselves as well with respect to Brussels. The EU's politics of sanctions towards Russia is having a direct, counterproductive effect in Visegrad, what is resulting in undermined relations and weakened coherence inside the EU with the emergence of anti-Western and pro-Russian political parties that creates the space for Russian foreign policy to achieve more influence in the region. This article is analyzing the background of such discourse and some of the reasons behind the pro-Russian sentiment or discrepancies and non-coherence of the EU members' opinions on Russia. At the same time, the awareness of the outcomes of this article can be relevant in analyzing the possibilities to avoid the deepening of the conflictual foreign policy between the EU and Russia, or the Visegrad and Russia, respectively. The research is built on both, primary and secondary sources, related mainly to the evolution of relations in specific areas between both sides. The mentioned historical perspective creates the basis of the analysis and is further put into contemporary discourse to find the answers on the question: what are the reasons for non-coherence of the EU and Visegrad towards the policy against Russia? To achieve the above-mentioned results, the analysis is provided in chronological perspective using the mixed methods by exploring the official documents, scholarly articles published on the topic, and public polls as well.

Key words: Visegrad Group, Central Europe, Russia, European Union, foreign policy, influence, non-coherence

For citation: Višňovský, R. (2020). Visegrad Group and Relations with Russia. *Vestnik RUDN, International Relations*, 20 (2), 347—355. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-2-347-355

Научная статья

Вышеградская группа и отношения с Россией

Р. Вишнёвский

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Объединение стран Центральной Европы в Вышеградскую четверку (в составе Венгрии, Чехии, Польши и Словакии) после распада социалистического блока, нацеленное на дальнейшую интеграцию в евроатлантические структуры, оправдало ожидания, в то же время вступление этих стран в западные военно-политические структуры необязательно означает потерю влияния России в данном регионе. Напротив, созданная в прошлом связь региона с Россией в некоторой степени сохранилась и после процесса политического перехода в отдельных странах. Такого рода связь определяет наличие множества вопросов и недоразумений во внешнеполитическом дискурсе

© Višňovský R., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

как в отношении политики стран Вышеградской группы (V4) к России, так и в случае взаимодействия стран V4 между собой или же в отношении Брюсселя. Политика санкций, проводимая ЕС в отношении России, имеет контрпродуктивный эффект в случае стран Вышеградской четверки, что приводит к ослаблению согласованности внутри Европейского союза, а также появлению антизападных и пророссийских политических партий, создавая пространство для достижения большего влияния России в регионе. В статье анализируются предпосылки появления подобного политического дискурса, а также некоторые причины, лежащие в основе пророссийских настроений, расхождений и несогласованности мнений членов ЕС в отношении России. В то же время выводы, сформулированные по итогам данного исследования, могут быть актуальны при анализе возможностей избежать усугубления конфликтов во внешней политике между ЕС и Россией или стран Вышеградской группы и Россией. В исследовании были использованы как первичные, так и вторичные источники, касающиеся главным образом эволюции отношений в конкретных областях между сторонами. Упомянутый исторический подход создает основу для анализа, который в дальнейшем рассматривается в рамках современных реалий с целью поиска ответов на вопрос о причинах несогласованности позиций ЕС и стран Вышеградской четверки относительно России. С целью достижения вышеуказанных результатов анализ представлен в хронологическом порядке с использованием различных методов путем изучения официальных документов, научных статей, опубликованных по этой теме, а также социальных опросов общественного мнения.

Ключевые слова: Вышеградская группа, Центральная Европа, Россия, Европейский союз, внешняя политика, влияние, несогласованность

Для цитирования: *Višňovský R. Visegrad Group and Relations with Russia // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20. № 2. С. 347—355. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-2-347-355*

Historical Perspective on Russia — Visegrad Relations

To understand the nature of relations between Russia and Visegrad countries, it is inevitable to take a look at the historical background of the two's affiliation. The common experience of the Visegrad Group countries with their communist past and their existence under the influence of the USSR since the end of the Second World War until late 1989 has left huge "heritage" and interconnections on the post-Soviet regions including the leading successor of the USSR — the Russian Federation. To overcome the negatives and to adapt on a new, democratic political system in association with Western Europe [Marušiak 2013b: 31] more smoothly, Czechoslovakia, Hungary, and Poland decided in 1991 to establish the Visegrad Group, however, its formation was "particularly influenced by Austria's lack of interest in developing of a partnership with the democratizing post-Communist states of Central Europe" [Cabada 2018: 170]. This coalition, since the split of Czechoslovakia also known as the V4, was important not only for a transition process of the political system in the member countries but its foundation was aimed also to become beneficial for integration into the Euro-Atlantic structures

like NATO and the European Union¹. Restitution of democratic system, acquiring the economic and political relations with the West and diversifying the energy sources from Russia can be assumed as a political "restart" aimed to begin a new chapter without the influence of Russia; nevertheless, it was not as obvious. Mentioned processes were not in every V4 country as smooth as one would depict, mainly due to the different ideas of political representatives on further development mainly in regard to foreign policy and relations with Russia.

This is related primarily to the case of Slovakia and the ideas of its prime ministers until 1998. During the short period of the federative state of Czechs and Slovaks (1990—1992), the Prime Minister of Slovakia Ján Čarnogurský (1991—1992) was not a strict proponent of Western integration mainly in terms of NATO membership, rather, his view was linked with the idea of bridge between East and West with Slovak EU membership and closer cooperation

¹ Unofficial translation of Declaration on Cooperation between the Czech and Slovak Federal Republic, the Republic of Poland and the Republic of Hungary in Striving for European Integration, 1991 // Visegrad group. URL: <http://www.visegradgroup.eu/documents/visegrad-declarations/visegrad-declaration-110412> (accessed: 20.11.2019).

of “Slavic Europe” and Russian Federation [Marušiak 2015: 32]. Such an identity-oriented idea of political cooperation with Russia was later partly followed by Čarnogursky’s successor Vladimir Mečiar, the Slovak head of government until 1998. Nevertheless, the foreign policy of Slovakia during Mečiar’s rule had among the key points the EU and NATO accession [Marušiak 2013a: 45], however, the prime minister was not eager enough to find the way of Slovakia from the Russian — mainly economic dependence, furthermore, he rather became inspired by non-transparent privatization and undemocratic tendencies as strong state control of the mass-media or using of power structures for his political aims — authoritarian tendencies that were prevalent in post-communist space with Russian influence [Cameron, Orenstein 2013: 2]. Thus, thanks to Mečiar’s government Slovakia earned the status of “deviant country in Central Europe” [Szomolányi 2004: 149] and his foreign policy orientation was in a part responsible for the shifting of Slovakia closer towards Russia [Dangerfield 2012: 961].

The Soviet and Russian Foreign Policy towards Visegrad Group Countries after 1989

In fact, the mentioned “development” in Slovakia until the end of Mečiar’s government in 1998 was in a part successful foreign policy of the USSR, and later of Russia as its successor state after the fall of the Soviet Union in 1991. This assumption is connected partially to the “Kvitsinsky doctrine”² at the beginning of the 1990s which was aimed at foreign and security policy of the former Soviet satellite states of Central Europe to prevent their membership in security alliance of the West after the dissolution of Warsaw Treaty, and so they should create a buffer zone between the NATO and the USSR, Russia respectively [Duleba 1998: 24].

² Kvitsinsky doctrine named after the Deputy Minister of Foreign Affairs of the USSR Yuliy Kvitsinsky. According to Duleba [1998: 24] this policy can be summed as: the countries of Central Europe cease to be Soviet satellites, and as sovereign actors of international relations should agree with the status of a buffer zone between NATO and USSR.

However, the Visegrad countries — Czechoslovakia, Hungary, and Poland signed new treaties with Russia as a successor of the USSR in 1992, but they refused to include such security provisions in the new bilateral treaties and prevented the implementation of the “Kvitsinsky doctrine” in practice. Nevertheless, the new political situation after the split of Czechoslovakia in 1993 allowed Russian foreign policy to follow some patterns similar to the “Kvitsinsky doctrine” mainly in Slovakia. These patterns are referring more precisely to the “Kozyrev doctrine”³ adopted by Russia in 1992—1993, which aimed on same security issues of Central European countries intending to prevent of expelling Russia’s interests from region, and in contrary to “Kvitsinsky’s”, the “Kozyrev’s doctrine” should avoid of creating of buffer zone in Central Europe that would isolate Russia from the West.

The new treaty that Slovakia signed with Russia lacked the coordination with its Visegrad partners what compelled Slovakia to “accept the Russian ideas on the way of building up the European security architecture” and make it more difficult for Slovakia to try and accede to the Western security structures [Duleba 1998: 30—31].

Moreover, there was also another economic instrument of Russia’s foreign policy to influence some developments in Central Europe. This is connected to unresolved economic issues like Soviet financial debt to the V4 countries stemming from The Council for Mutual Economic Assistance (COMECON) cooperation which was after the split of the USSR transferred on Russia. The debt consisted of around 3.5 billion USD to the Czech Republic, 1.7 billion USD to Hungary, and 1.6 billion USD to Slovakia, while Russia offered to pay it by deliveries of military components [Duleba 1998: 92]. The Czech Republic has refused to sign such compensation of the Soviet debt keeping in mind its future in NATO, while Hungary agreed, and

³ Kozyrev doctrine named after Russian Foreign Minister Andrei Kozyrev, promoted a pro-Western approach, expecting Western assistance in Russia’s transition to democracy, its development of market economy and treating Russia as an equal partner by the West [Sangtu 2006: 149].

its dual armaments supplies, both, from the West and Russia was acceptable for NATO membership. On the contrary, Slovakia, during Mečiar's government accepted Russia's offer for refunding its debt by military deliveries, however, under very obscure circumstances, as Duleba states: "The debt is paying off by the Russian government to Russian business companies in the Slovak Republic" [Duleba 1998: 93]. Nevertheless, the rest of the debts owed to Visegrad countries from Soviet era were refunded by Russia until the end of 2013⁴, and as it was outlined, a part of the debt to Slovakia was returned in various commodities among which were also military supplies or upgrades of the MiG-29 jet fighters⁵.

The government of Vladimir Mečiar together with accepting the "Kozyrev's doctrine" led to the fact that Slovakia did not join the NATO in 1999 in contrary to its Visegrad partners which were in the signing of bilateral agreements with Russia more cautious. The foreign policy under the "Kozyrev's doctrine" clearly illustrates Russia's security issues and its opposition towards the possibility of NATO enlargement in Central Europe [Racz 2014: 65] as well it indicates the patterns of Russia's European policy [Póti 2006: 117].

Visegrad Towards the Joining of the EU and NATO

The results of Slovak parliamentary elections in 1998 has brought a new government composed of democratically oriented political parties [Szomolányi 2000: 77] that were more inclined towards the EU and NATO membership, hence its foreign politics was oriented primarily on the West. Slovak aspiration for membership in Euro-Atlantic structures was supported also by the rest of its partners in the V4 (mainly by Poland) whose membership at that time was just a question of a formal act and

their support of Slovakia as the wish for revitalizing the Visegrad cooperation [Marušiak 2015: 33]. However, the Washington Summit in 1999 granted the NATO membership only to the rest of Visegrad Group and Slovakia obtained only the aspirant status — as it had just a very little period to provide changes in its politics after Mečiar's government.

After the NATO enlargement by the Czech Republic, Hungary and Poland in 1999, Russian foreign policy experts understood that this process is irreversible and that the new way of cooperation strategy in the region of Central Europe is needed. Despite the establishment of Russia's quasi-member status created by the 1997 *NATO — Russia Founding Act on Mutual Relations, Cooperation and Security* have renewed Russia's place on the security constellation in Europe, however, it does not granted Russia any veto power [Blank 1998: 118] what has been demonstrated by 1999 Kosovo crisis. Furthermore, even granted the veto power of Russia in the UN's Security Council did not prevent the military action of NATO in Kosovo what meant Russia's deeper isolation from the development of security in Europe. NATO's eastward expansion has brought direct opposition from the Russian side as it existentially concerned its security issues. This assumption is developed on the content of *The Basic Provisions of the Military Doctrine of the Russian Federation* approved by Boris Yeltsin in 1993 that is referring to the list of "key external military dangers to Russia, the expansion of military blocks and alliances" [Fedorov 2013: 319].

The period until 2000 was significant for the struggle of foreign policy dominance between Russia and Euro-Atlantic structures to establish their ideas on security policy in the European, post-Soviet region [Gerasymchuk 2014: 44]. The success of NATO enlargement indicates the loss of Russian dominance in the region, and according to this, the relations between Russia and the V4 after 2000 could be understood more or less only in pragmatic, and economic means with Russia's intentions to attain more influence on the energy market of Visegrad countries.

⁴ Russia Pays Off \$2B Soviet Debt to Serbia, Slovakia // Sputniknews. 18.06.2013. URL: <https://sputniknews.com/world/20130618181739594-Russia-Pays-Off-2B-Soviet-Debt-to-Serbia-Slovakia/> (accessed: 22.11.2019).

⁵ Money from Russian debt to upgrade Slovak MiG-29s // The Slovak Spectator. 13.02.2004. URL: <https://spectator.sme.sk/c/20021558/money-from-russian-debt-to-upgrade-slovak-mig-29s.html> (accessed: 22.11.2019).

Russia and Visegrad's Energy Market

Since it was clearly sure that Slovakia will join its Visegrad partners in NATO in next enlargement in 2004, and accordingly, Russia has lost in this perspective its effect on security issues and military export even more with regards to fact that the V4 countries and its armed forces will sooner or later rearm its equipment on Western, NATO-compatible units. Therefore, enhancing the influence on the energy market together with the economic sector of Central Europe remained the most vital objective for Russia in order to maintain its presence in the Central European region.

Thanks to the Soviet development of energy infrastructure in the Central European countries during the communist period, it was not a very hard task for Russia to achieve influence on the V4 countries' energy markets even after the post-communist political transition. The existence of the "Yamal" gas-pipeline in Poland and the "Brotherhood" gas-pipeline in the Czech Republic and Slovakia, both stemming in Russia, is crucial for gas deliveries not only for the Central European region but for the other European countries as well. Together with the "Družba" (Friendship) oil-pipeline crossing through all Visegrad countries it makes a very vulnerable tool of Russian foreign policy in the region, with the effect on the whole EU, thus, the energy security is a major theme of the Visegrad Group [Fawn 2014: 12]. However, each of the V4 countries is dependent on these deliveries to a different extent⁶ the existence of such energy interconnections is creating space for Russian foreign policy having an impact on the countries in the region by bargaining through Russian energy companies.

This has been proved for instance during the 2009 gas crisis when Russia stopped deliveries of natural gas to Ukraine [Mišík 2012: 69]. The

disruption meant that no gas from Russia was further delivered to Europe via Ukraine for 11 days, as a result of disagreement over the gas prices between Russia and Ukraine. Among the Visegrad countries, this crisis harmed the most to Slovak economy, which lost around 1 billion EUR subsequently to limited or halted production in factories [Tarnawski 2015: 132], while Slovak prime minister, Robert Fico accused the Ukrainian side from responsibility of such situation and called for drawing of political consequences with regards to Slovak support of Ukrainian ambitions to Euro-Atlantic integration [Duleba 2009: 5]. This allowed to Russian companies to dictate the conditions about the gas deliveries, thus to shape and influence the politics in the region of Central Europe and to some extent with outcomes towards the whole EU.

Nevertheless, the gas crisis has forced the V4 countries to find the possibilities of re-shaping its energy security policy and to develop alternative sources of energy deliveries, less dependent on Russia. Despite the establishing of various policies for this purpose like *Energy infrastructure priorities for 2020 and beyond*, or *Central and South-Eastern Europe Energy Connectivity* (CESEC) as well developing several projects like *Nabucco pipeline* or *Eastring pipeline*, and *Trans Anatolian Gas Pipeline* (TANAP) or *Trans Adriatic Pipeline* (TAP) with various degree of success, it does not allow the Visegrad Group and the whole EU, in general, to become sufficiently independent on the energy sources from Russia. While the crude oil deliveries from Russia have decreased, however, not very significantly⁷, yet, the effectiveness of these policies is doubtful, as some Visegrad countries became even more dependent on Russian natural gas⁸. The period

⁶ Czech Republic — 99.2 %; Hungary — 95.0 %; Slovakia — 84.6 %; Poland — 65.6 % from Natural gas imports from Russia in 2017 // EUROSTAT. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/cache/infographs/energy/bloc-2c.html> (accessed: 25.11.2019); Slovakia — 74.0 %; Poland — 68.5 %; Hungary — 42.7 %; Czech Republic — 35.2 % from Imports of crude oil from Russia in 2017 // EUROSTAT. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/cache/infographs/energy/bloc-2c.html> (accessed: 25.11.2019).

⁷ For comparison, match the numbers from previous page with — Imports of crude oil from Russia according to EUROSTAT 2009: Slovakia — 81.9 %; Hungary — 78.0 %; Poland — 74.6 %; Czech Republic — 49.8 % // EUROSTAT. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/cache/infographs/energy/bloc-2c.html> (accessed: 25.11.2019).

⁸ Natural gas imports from Russia according to EUROSTAT 2009: Slovakia — 99.3 %; Hungary — 82.7 %; Poland — 82.0 %; Czech Republic — 65.4 % //

after the gas crisis and the EU's extensive search for alternative sources of energy has brought also addressing attention away from significant issues in relations between the EU/Visegrad and Russia — the development of EU's Eastern Partnership, described by Russia as an unfriendly gesture [Shishelina 2015: 72].

Russian Political Discourse in Visegrad Countries after the Ukrainian Crisis

The crisis in relations between the EU and Russia after the Ukrainian president Yanukovich refused to sign the Association Agreement with the EU in 2013 has brought some questions on the level of EU's cohesion. The representatives of some EU member states reflected contradictory stances on the Ukrainian crisis and different levels of support towards the anti-Russian sanctions, while the same applies to the case of Visegrad Group which was among the EU's regional factions the most skeptical to the political solution of crisis adopted by the EU. Except for Poland, the rest of the V4 members were reluctant to agree with Brussels on politics towards Russia what led into polarization of society [Stojarová 2018: 42] and misusing of political campaigns by various domestic political parties and movements of particular states to spread their pro-Russian, anti-Western ideologies [Gressel 2017: 3], with perception to achieve the sympathies of potential voters and to legitimize their actions [Sydoruk, Tyshchenko 2016: 25].

Finally, the governments of the Visegrad countries agreed on sanctions since 2014, however, each round of new sanctions has brought more objections from the representatives of the Czech Republic, Hungary, and Slovakia [Kucharczyk, Mesežnikov 2015: 12]. For instance, Czech President, Miloš Zeman stated that “sanctions are an expression of helplessness”⁹, or Hungarian Prime Minister Viktor Orbán evaluated the sanctions in 2014 as “In politics, this is called shooting oneself in the

foot”¹⁰, while the Slovak Prime Minister (until 2018) Róbert Fico has repeatedly called for stop of the sanctions, for example with the statement like “nonsensical and harmful”¹¹. The main reasons behind such statements of three Visegrad countries are certainly in economic and energy issues, and it illustrates that some Visegrad representatives are ambitious for pragmatic and efficient cooperation with Russia [Dangerfield 2012: 971]. After all, in a long-term historical perspective of cooperation, such opinions of Central European leaders on anti-Russian sanctions should be viewed as a natural and predictable outcome [Dangerfield 2015: 3]. Nonetheless, the next paragraph will illustrate another interesting phenomenon related to civic society that is affecting the distinct or specific affiliation of Central European countries towards Russia, an aspect that cannot be overlooked by politicians of particular governments, thus it is shaping their foreign policies as well.

Public Opinion on Russia among the Visegrad Member States

The most comprehensive public opinion poll up to date, realized by the Visegrad countries for the purpose of highlighting its administration after twenty-five years of cooperation¹², will help us to understand some foreign policy trends of Central European countries towards Russia. Supplemented with the poll called “*Trends of Visegrad Foreign Policy*”¹³ conducted in 2015,

¹⁰ Hungary PM Orban condemns EU sanctions on Russia // BBC News. URL: <https://www.bbc.com/news/world-europe-28801353> (accessed: 02.12.2019).

¹¹ Fico: If USA Scraps Russia Sanctions, EU Might Pluck Up Courage // NewsNow, The News Agency of the Slovak Republic. URL: <https://newsnow.tasr.sk/foreign/fico-if-usa-scraps-russia-sanctions-eu-might-pluck-up-courage/> (accessed: 02.12.2019).

¹² 25 Years of the V4 as Seen by the Public — Project coordinated by the Institute for Public Affairs in Bratislava, analyzed the data from a representative sample of adult population of the four countries, gathered by following research agencies: STEM (Czech Republic), Társi (Hungary), Stratega Market Research (Poland) and Focus (Slovakia). URL: <http://www.visegradgroup.eu/documents/essays-articles/25-years-of-the-v4-as> (accessed: 04.12.2019).

¹³ Trends of Visegrad Foreign Policy — Project supported by the Konrad Adenauer Foundation, the Ministry of Foreign Affairs of the Czech Republic and the

EUROSTAT. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/cache/infographs/energy/bloc-2c.html> (accessed: 25.11.2019).

⁹ The V4 Will Never Agree on Russia // EURACTIV. URL: <https://www.euractiv.com/section/central-europe/news/the-v4-will-never-agree-on-russia/> (accessed: 02.12.2019).

the poll “*25 Years of the V4 as Seen by the Public*” has questioned citizens of the four countries not only about their awareness of domestic and inter-Visegrad issues but it also conducted research about foreign issues of the V4 with respect to organizations like NATO, the EU or other partners and allies outside the Visegrad and Euro-Atlantic structures. However, for the purpose of this analysis, we will use only data that are related to Russia.

According to the research, citizens of Slovakia (as a most strongly integrated Visegrad country with the EU in the institutional dimension [Pakulski 2016: 80]) expressed the highest level of trust towards Russia among the Visegrad countries. Answering the question: “To what extent can we trust and rely on the following nations?” (responses “definitely trust + rather trust” and “rather distrust + definitely distrust” are merged, without neutral responses “neither trust nor distrust” and “don’t know”, in %, expressing the trust to the V4 countries + Austria, Croatia, England, France, Germany, Russia, Slovenia, and Ukraine [Gyárfášová, Mesežnikov 2016: 20]) as much as 31 % of Slovaks expressed their trust towards to Russia, achieving the 8th place in their rankings, with Czech Republic on the first place, obtaining 78 %. What is more interesting on these results is the fact that Russia earned more trust than the V4 member — Hungary (30 %) and more than one of the NATO establishment initiator — the USA (27 %), or Slovakia’s neighbour — Ukraine (17 %). Evaluation of trust towards the Russia by the other V4 countries was quite different, whereas, except for the Poland where Russia obtained the last place with only 9 % of trust following the Ukraine (29 %), in Hungary with 16 % and in the Czech Republic 17 % of citizen’s trust, Russia achieved the 11th place, in both cases before Ukraine (14 and 13 % respectively).

With respect to the poll “*Trends of Visegrad Foreign Policy*” provided on civil servants,

---

Open Society Foundations. It has been carried out in cooperation with the Center for EU Enlargement Studies — CENS (Hungary), the Central European Policy Institute — CEPI (Slovakia) and the Institute of Public Affairs — IPA (Poland). Via questionnaire, the project approached civil servants, experts, researchers, journalists, business and political representatives from Visegrad Group countries. URL: <https://trendyv4.amo.cz/> (accessed: 04.12.2019).

political representatives, etc., the findings are more remarkable. For example, on the question “*Which countries are the 5 most important partners for your country’s foreign policy?*” [Dostal 2015: 22] — for Visegrad Group in general, Russia achieved sixth place with 39.1 %, while for Hungary itself it occupied a significant third place with 73.3 % behind Germany and the USA. With the task to evaluate the importance of the countries from the list (the V4 + Austria, China, France, Germany, Israel, Lithuania, Romania, Russia, Serbia, Sweden, Turkey, Ukraine, and United Kingdom) with respect to particular Visegrad members, in general, the V4 evaluated the importance of Russia on the 4th place with 67.1 % in average, with the biggest significance in Hungary (81.4 %). However, to evaluate the quality of the V4 countries’ relations with the countries from the mentioned list, Russia achieved the worst mark on a scale of 1 to 5 (1 for very good and 5 for very bad) with 3.3 in average, with the best result in Slovakia (2.7).

Keeping in mind the dependence on energy security policy of the Visegrad Group from Russia, altogether with possible eagerness of the representatives of the V4 (except Poland) to cooperate with Russia in pragmatic, efficient way as indicated in previous paragraph, it is no surprise that energy security is going to be the issue No.1 for their countries in the next five years — what is demonstrated in the poll by achieving the first place (on the question — How important will the following issue be for your country’s foreign policy in the next 5 years?) with 86.3 % for the Visegrad in general, while in Poland it achieved the highest value (90,4 %) [Dostal 2015: 28].

Conclusion

There is no common political stance or integrated foreign policy that reflects the substantial relations of the Visegrad Group towards Russia unanimously from Brussels, and which is similar for instance to the policy within the EU related to anti-Russian sanctions. The analysis proved that there are specific relations and opinions of single Visegrad countries that are different from the official EU-Russian discourse. These principles are built in most cases on pragmatic political issues and developed throughout the historical interconnections with

contemporary effects and relations mainly in economic terms. Analysis showed that there are positive tendencies among the citizens and representatives of Visegrad, that are calling for cooperation with Russia what can be assumed as a source of EU's non-coherence, however, the lack of consensus on Russia and deficient of common foreign policy of the V4, together with prioritization of the Brussels' decisions above national — foreign policies in particular Visegrad countries makes it difficult to achieve full potential from this cooperation.

With exception of Poland, as the only Visegrad country which probably (and the most certainly) did not overcome the historical animosities with Russia, the polls have discovered the reasons (and potential) behind the “struggle” between domestic political parties of particular states, from leftist, nationalistic, anti-Western and conservative political spectre that manifests more sympathies towards Russia. These parties, stimulated by the principles of dissatisfaction towards the foreign policy of Brussels, nourished on anti-migration and pro-Russian discourse are standing against central-right, (neo)-liberal, West-oriented political spectre that is more or less anti-Russian adapted. Therefore, the context and course of the foreign policies of the both, the West, and the Russian Federation will be instrumental for shaping of the political discourse in the region of Central Europe that will influence the public opinion, the campaigns of the political parties, potential voters, and last but not least, the governments. Positive stances on Russia by the Hungarian president Viktor Orbán, pro-Russian sentiment of

the Czech president Miloš Zeman, or negative attitudes towards anti-Russian sanctions of leading Slovak political parties like *the Direction-Social Democracy* (SMER-SD) or *Slovak National Party* (SNS) together with the rising popularity of populist, anti-Western party like “*Kotleba-People's party our Slovakia*” (Kotleba-ĽSNS) can lead Poland to exit the cooperation within the Visegrad, and at the same time, the course of national, anti-Western and pro-Russian politics or anti-Russian, pro-Western campaigning will have a crucial effect on the future development of relations between the Visegrad and the EU, the Visegrad and Russia, or between EU and Russia. Thus, prevention of EU's conflictual foreign policy discourse with Russia would be essential to alleviate tensions inside the EU, and to achieve more pragmatic relations with Russia, enabling the prospects for a win-win scenario.

Nevertheless, there is still Russian foreign policy with its specific instruments to play in the region of Central Europe but more importantly in the region of the EU's Eastern Partnership (EaP) as it is not fully integrated into the Euro-Atlantic structures yet. In shaping of its foreign policy in the EaP region, it can overcome its faults from past, however, space for manoeuvring and cooperation is by deepening of Russian isolation in context of sanctions shrinking, thus it depends only on calculations of Russian foreign experts how the country would use its inventory and whether there are any other possibilities to prevent unwanted scenario — Russia's loss of the influence in the region and even more isolation from the West.

Received / Поступила в редакцию: 18.02.2020

Accepted / Принята к публикации: 15.04.2020

References / Библиографический список

- Blank, S. (1998). Russia, NATO Enlargement, and the Baltic States. *World Affairs*, 160 (3), 115—125.
- Cabada, L. (2018). The Visegrad Cooperation in the Context of Other Central European Cooperation Formats. *Politics in Central Europe*, 14 (2), 165—179. DOI: 10.2478/pce-2018-0014
- Cameron, D. & Orenstein, M. (2013). Post-Soviet Authoritarianism: The Influence of Russia in Its “Near Abroad”. *Post-Soviet Affairs*, 28 (1), 1—44. DOI: 10.2747/1060-586X.28.1.1
- Dangerfield, M. (2012). Visegrad Co-operation and Russia. *Journal of Common Market Studies*, 50 (6), 958—974. DOI: 10.1111/j.1468-5965.2012.02295.x
- Dangerfield, M. (2015). Economic Relations between Visegrad Group Countries and Russia: How Much Has Changed? *EUSA Fourteenth Biennial Conference*, 5—7 March. URL: https://pdfs.semanticscholar.org/3c4a/b82c63fa56f9719920f995e7f463c6cf566e.pdf?_ga=2.83412502.182790737.1581971339-1630200980.1581971339 (accessed: 25.11.2019).

- Dostal, V. (2015). Trends of Visegrad Foreign Policy. Prague: Association for International Affairs. P. 1—69. URL: <http://www.amo.cz/wp-content/uploads/2015/11/Trends-of-Visegrad-foreign-policy.pdf> (accessed: 25.11.2019).
- Duleba, A. (1998). *From Domination to Partnership: The Perspectives of Russian — Central-East European Relations*. Final Report to the NATO Research Fellowship Program, 1996—1998, 1—118.
- Duleba, A. (2009). *Poučenia z plynovej krízy v januári 2009. Analýza príčin vzniku, pravdepodobnosti opakovania a návrhy opatrení na zvýšenie energetickej bezpečnosti SR v oblasti dodávok zemného plynu*. The Slovak Foreign Policy Association, 1—42.
- Fawn, R. (2014). Visegrad's Place in the EU since Accession in 2004: "Western" Perceptions. *International Issues & Slovak Foreign Policy Affairs*, 23 (1—2), 3—24.
- Fedorov, Y.E. (2013). Continuity and Change in Russia's Policy toward Central and Eastern Europe. *Communist and Post-Communist Studies*, 46 (3), 315—326. DOI: 10.1016/j.postcomstud.2013.06.003
- Gerasymchuk, S. (2014). Visegrad Group's Solidarity in 2004—2014: Tested by Ukrainian Crisis. *International Issues & Slovak Foreign Policy Affairs*, 23 (1—2), 42—54.
- Gressel, G. (2017). Fellow Travellers: Russia, anti-Westernism, and Europe's Political Parties. *European Council on Foreign Relations Brief Policy*, 225, 1—16. URL: https://www.ecfr.eu/page/-/ECFR225_-_FELLOW_TRAVELLERS1.pdf (accessed: 25.11.2019).
- Gyárfášová, O. & Mesežnikov, G. (2016). *25 Years of the V4 as Seen by the Public*. Bratislava.
- Kucharczyk, J. & Mesežnikov, G. (Eds.). (2015). *Diverging Voices, Converging Policies: The Visegrad States' Reactions to the Russia-Ukraine Conflict*. Warsaw: Heinrich-Böll-Stiftung.
- Marušiak, J. (2015). Russia and the Visegrad Group — More Than a Foreign Policy Issue. *International Issues & Slovak Foreign Policy Affairs*, 24 (1—2), 28—46.
- Marušiak, J. (2013a). Slovakia's Eastern Policy — from the Trojan Horse of Russia to Eastern Multivectoralism. *International Issues & Slovak Foreign Policy Affairs*, 22 (1—2), 42—70.
- Marušiak, J. (Eds.). (2013b). *Internal Cohesion of the Visegrad Group*. Bratislava: Veda, Publishing house of the Slovak Academy of Sciences.
- Mišík, M. (2012). Crisis as Remedy? The 2009 Gas Crisis and Its Influence on the Increase of Energy Security within Visegrad Group Countries. *International Issues & Slovak Foreign Policy Affairs*, 21 (1—2), 56—72.
- Pakulski, J. (Eds.). (2016). *The Visegrad Countries in Crisis*. Warsaw: Collegium Civitas.
- Póti, L. (2006). The Rediscovered Backyard: Central Europe in Russian Foreign Policy. *Eager Eyes Fixed on Eurasia. 21st Century COE Program Slavic Eurasian Studies*. July 6—7. Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University. P. 113—133.
- Racz, A. (2014). The Visegrad Cooperation: Central Europe Divided over Russia. *L'Europe en Formation*, 374 (4), 61—76. DOI:10.3917/eufor.374.0061
- Sangtu, K. (2006). Russia's Choice of Alliance: Balancing or Bandwagoning. *Eager Eyes Fixed on Eurasia. 21st Century COE Program Slavic Eurasian Studies*. July 6—7. Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University. P. 149—161.
- Shishelina, N.L. (2015). Russia's View of Relations with European Union and the Visegrad Group. *International Issues & Slovak Foreign Policy Affairs*, 24 (1—2), 66—83.
- Stojarová, V. (2018). Populist, Radical and Extremist Political Parties in Visegrad Countries Vis a Vis the Migration Crisis. In the Name of the People and the Nation in Central Europe. *Open Political Science*, 1 (1), 32—45. DOI: 10.1515/openps-2018-0001
- Sydoruk, T. & Tyshchenko, D. (2016). Positions of the Visegrad Four Countries and the Baltic States on the Russian-Ukrainian Conflict. *Toruńskie Studia Międzynarodowe*, 9 (1), 17—30.
- Szomolányi, S. (2004). From a Difficult Case of Transition to a Consolidated Central European Democracy. *Democracy and Market Economics in Central and Eastern Europe: Are New Institutions Being Consolidated*. Slavic Research Center, Hokkaido University. P. 149—188.
- Szomolányi, S. (2000). Why Slovakia's Transition Trajectory Has Been so Difficult? *Társadalom és gazdaság Közép- és Kelet-Európában / Society and Economy in Central and Eastern Europe*, 22 (1), 60—86. DOI: 10.2307/41468455
- Tarnawski, M. (2015). Security of Gas Supply in the Countries of the Visegrád Group. *Securitologia*, 21 (1), 127—142.

About the author: *Višňovský Radovan* — PhD student, International Relations and World Politics programme, Saint-Petersburg State University (e-mail: visnovskyr@gmail.com).

Сведения об авторе: *Вишинёвский Радован* — аспирант, программа «Международные отношения и мировая политика» Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ) (e-mail: visnovskyr@gmail.com).

НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ SCIENTIFIC SCHOOLS

DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-2-356-366

Научная статья

Мировое комплексное регионоведение как исследовательский подход и научная школа

*Интервью с АЛЕКСЕЕМ ДМИТРИЕВИЧЕМ ВОСКРЕСЕНСКИМ,
доктором политических наук, директором Центра комплексного
китаеведения и региональных проектов МГИМО,
главным редактором журнала «Сравнительная политика», профессором
кафедры востоковедения МГИМО МИД России*

Профессор А.Д. Воскресенский — ведущий российский специалист-востоковед, синолог и основатель научной школы мирового комплексного регионоведения. А.Д. Воскресенский закончил историко-филологическое отделение ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова в 1982 г. В последующие годы получил образование в Сингапурском национальном университете (1983 г.), Фуданьском университете (Шанхай) (1986 г.), Пекинском лингвистическом университете (1987 г.), работал приглашенным исследователем во Франции, Великобритании, Нидерландах, Японии и США, защитил кандидатскую и докторскую диссертации в ИДВ РАН (1989 г., 1998 г.) и диссертацию на соискание ученой степени PhD в Манчестерском университете (1997 г.).

В качестве заведующего кафедрой востоковедения МГИМО (1999—2007 гг.) и декана факультета политологии МГИМО (2008—2017 гг.) принимал участие в создании и концептуализации образовательных программ по регионоведению, сравнительной политологии, внешней политике, истории и современным проблемам АТР. Автор более 500 научных работ, среди которых англоязычные книги, опубликованные в ведущих западных издательствах (Cambridge University Press, Palgrave Macmillan, Rowman & Littlefield / Lexington Books и др.). Профессор А.Д. Воскресенский — член редколлегии научных журналов: «Проблемы Дальнего Востока», «Ценности и смыслы», «Вестник РГГУ», «Международные процессы», «Вестник ЗабГУ» и нашего журнала, а также международных журналов «俄罗斯学刊» (Изучение России), «International Journal of Russian Studies».

В своем интервью А.Д. Воскресенский рассказывает об истории становления и преимуществах мирового комплексного регионоведения как современного подхода для анализа международных процессов, о состоянии

© Воскресенский А.Д., Куклин Н.С., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

научного знания в социальных науках, проводит сравнение ведущих российских научных школ региональных исследований и анализирует положительные и отрицательные стороны методологии западных, незападных и отечественных научных школ. Интервью содержит теоретический анализ и осмысление концептуального содержания научного знания в сфере международных отношений, гуманитарных и социальных наук в целом.

Ключевые слова: мировое комплексное регионоведение, теории международных отношений, политическая регионалистика, незападные теории международных отношений, востоковедение, история, Азия, КНР, США, российские научные школы

Для цитирования: Мировое комплексное регионоведение как исследовательский подход и научная школа. Интервью с Алексеем Дмитриевичем Воскресенским, профессором МГИМО МИД России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20. № 2. С. 356—366. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-2-356-366

Research article

World Regional Studies as a Research Approach and Scientific School

*Interview with ALEXEI D. VOSKRESSENSKI, PhD, Dr. of Sc. (Political Science),
Director of the MGIMO Centre for Comprehensive Chinese Studies
and Regional Projects, Editor-in-Chief and Founder
of the «Comparative Politics Russia» journal,
Professor, the Department of Asian and African Studies, MGIMO University*

Abstract. Professor Alexei D. Voskressenski is a leading Russian expert in Asian Studies, IR and Politics, a famous sinologist and founder of scientific school of World Regional Studies. Alexei D. Voskressenski graduated from MSU Institute of Asian and African Studies in 1982, in the following years continued his education at Singapore National University (1983), Fudan University (1986), Beijing Linguistic University (1987). He worked as a guest researcher in France, Great Britain, the Netherlands, Japan and the USA, defended his PhD and senior doctorate at the RAS Institute of Far Eastern Studies (1989, 1998) and the PhD thesis at the University of Manchester (1997).

As the head of the Department of Asian and African Studies at MGIMO University (1999—2007) and the dean of the MGIMO College of Political Affairs and World Politics (2008—2017), he actively participated in the creation and conceptualization of educational programs in Regional Studies, Comparative Political Science, foreign policy analyses, history and contemporary issues of the Asia-Pacific region. Professor Voskressenski is the author of more than 500 academic works, including books published by Palgrave Macmillan, Rowman & Littlefield / Lexington Books, Cambridge University Press, etc. Professor Voskressenski is a member of the editorial boards of academic peer-reviewed journals: «Problems of the Far East», «Values and Meanings», «RSUH Bulletin», «International Trends», «Transbaikalian State University Journal» and our journal (Vestnik RUDN), and some international journals «俄罗斯学刊» (Russian Studies), «International Journal of Russian Studies».

In the interview, Alexei D. Voskressenski speaks about the history of formation and advantages of the World Regional Studies as a research platform, other approaches in Social Sciences, compares approaches of the leading Russian academic schools of Regional Studies and analyzes the positive and negative aspects of the Western, Non-Western and national academic schools. The interview contains a theoretical analysis and understanding of the conceptual content of scientific knowledge in the field of international relations theory, humanities and social sciences in general.

Key words: World Regional Studies, theories of international relations, regional studies, Non-Western IR, Asian Studies, History, Asia, China, USA, Russian academic schools

For citation: World Regional Studies as a Research Approach and Scientific School. Interview with Alexei D. Voskressenski, Professor, MGIMO University. (2020). *Vestnik RUDN. International Relations*, 20 (2), 356—366. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-2-356-366

Интервью с А.Д. Воскресенским было проведено в МГИМО МИД России 16 марта 2020 г., за день до перехода университета на дистанционный режим работы.

— Алексей Дмитриевич, какова роль зарубежного регионоведения и востоковедения в современной системе знаний?

— Востоковедение и регионоведение хорошо разработаны как учебные и научные

направления историко-гуманитарного профиля в рамках «отдельных» макрорегиональных отраслей знания («азиатские», «исламские», «центральноазиатские» и другие исследования), где можно искать закономерности, не теряя научности. Примечательно, что Институт востоковедения относится не к Отделению глобальных проблем РАН, а к Отделению историко-филологических наук. Соответственно мы как бы признаем, что, к примеру, «мир ислама» (и шире «Восток», причем не в географическом смысле этого понятия, а скорее в ментальном) не познаваем классической теорией международных отношений (ТМО), а нуждается в ином методологическом инструментарии, который может предоставить востоковедение.

Но «интерпретация» или «конструирование» Востока в целостности в рамках историко-филологической парадигмы методологически затруднительно — невозможно дать своеобразие Востока убедительного структурного объяснения, не привлекая общественные науки. Поэтому в Отделении глобальных проблем РАН тоже есть востоковеды. Мировое комплексное регионоведение решает эту проблему, объясняя и прогнозируя социокультурные процессы «совместно» с их политико-экономической составляющей.

Эта научная школа родилась в МГИМО «на стыке» востоковедения, зарубежного регионоведения, международных отношений, в том числе и ТМО (ее мирополитической части) и политической науки (в части, касающейся специфики незападных политических культур и процессов).

Необходимость концептуализации регионального уровня исследований как фактически самостоятельного, но «увязанного» с другими уровнями в ТМО элегантно и убедительно показали Б. Бузан и О. Уэвер — лидеры британской и скандинавской школ международных отношений — в своей ставшей классической книге [Buzan, Waever 2003]. Они утверждали, что понятие глобального уровня можно понимать как сконструированное, а анализ только на национальном уровне уже не позволяет решать насущные вопросы международных отношений, в том числе

безопасности и развития (теория региональных комплексов безопасности). Публикация книги Б. Бузана и О. Уэвера в издательстве Кембриджского университета в серии книг по ТМО интеллектуально «легализовала» это направление и в нашей стране, дав возможность открывать образовательные программы, а мне и моим ученикам публиковаться в высокорейтинговых отечественных и зарубежных издательствах.

— Как соотносятся региональные исследования с теорией международных отношений?

— ТМО претендует на то, чтобы объяснить все, что происходит в мире. Но теперь только ленивый не говорит, что ТМО — западноцентричная дисциплина, созданная в англосаксонской культурно-исторической традиции, а подавляющая часть кейсов по ТМО разработана на основе истории западных стран и западной проблематики [Turton 2016]. Даже если считать такую точку зрения преувеличением, следует признать, что в ТМО есть очевидные «разломы» и «провалы».

Б. Бузан и О. Уэвер показали, как можно достроить ТМО, «легализовав» региональный уровень, отсекая крайности и концентрируясь на практически выполнимых задачах, и тем самым определили основу для нового направления в рамках международных исследований. Б. Бузан и А. Ачарья [Acharya, Buzan 2010], а еще позже уже один А. Ачарья сумели инициировать мировую дискуссию по поводу путей формирования «глобальной» ТМО [Acharya 2014]. Я тоже в своих англоязычных книгах подключился к этой мировой дискуссии в самом ее начале [Voskressenski 2003].

Однако оценка востребованности национальных достижений ТМО пока не выходит за рамки накопления, осмысления и переосмысления материала. Примечательно, что ТМО в МГИМО поначалу вообще не читалась, а потом преподавалось параллельно две «версии» — М.А. Хрусталева [Антюхина-Московченко, Злобин, Хрусталева 1988] и П.А. Цыганкова [Цыганков 2007], причем одна исходила из практики национально ориентированного политического анализа,

а другая опиралась «на всю интернациональную мощь» прежде всего «западной» ТМО. Такое кажущееся «локальным» содержательное противоречие обострилось, когда в мировой экономике возникли явления кризисного порядка. По сути, это противоречие не преодолено вплоть до сегодняшнего времени: есть, к примеру, две версии учебника по мегатрендам — один под редакцией Т.А. Шапклинной [Мегатренды... 2014], а другой — М.М. Лебедевой [Мегатренды мировой политики и их развитие в XXI веке... 2019].

Глобальные проблемы интернациональны, для их понимания и решения достаточно интернационального знания. Понимание региональной и национальной специфики кажется избыточным, но комплексное регионоведение убедительно вскрывает и объясняет не менее важную, имеющую глобальный и универсальный характер проблему взаимосвязанности и сочетания «общего», «универсального» и «специфического», «частного» в реальной жизни, на теоретическом уровне обосновывая механизмы формирования «глокального» как нового феномена современного глобального мира.

Теоретический аппарат «классических» ТМО возможно расширять за счет понятийного аппарата и концепций мирового комплексного регионоведения. Параллельно востоковедение должно стать «востоковедением XXI века» и приобрести комплексный характер, а его методологическая база должна включать не только историко-филологический аппарат, но и научный аппарат общественных наук. Однако при этом встает следующий вопрос: достаточно ли эклектичного сочетания «классического» востоковедения с новыми «дисциплинарными» направлениями — политическим, экономическим, социологическим, но все же с большей ориентацией на цивилизационные (интерпретационные) особенности? Или же возможно сформулировать научные теоретические положения и теории «среднего» уровня, исходя из региональной и макрорегиональной, то есть как бы «усредненной», «универсализированной» специфики? Эта проблема, собственно, и является центральной для мирового комплексного регионоведения.

— **То есть речь идет о том, чтобы дополнить классический подход, как в свое время структурные реалисты попытались придать «научность» политической версии реализма? О своеобразном транзите от «классического востоковедения» к мировому комплексному регионоведению?**

— «Классическое» востоковедение, до этого вымиравшее в условиях форсированной глобализации, к счастью, теперь чувствует себя весьма комфортно в рамках историко-филологического направления. Одновременно постулируемое в качестве необходимого из-за своей практической востребованности «новое востоковедение XXI века», ориентированное на нужное стране решение реальных практических задач мировой политики, международных отношений и экономического развития, никогда не сможет обрести методологической самостоятельности, эта задача невыполнима. А если оно позаимствует теоретическую и методологическую базу мирового комплексного регионоведения, то его «обществоведческая составляющая» полностью сольется с мировым комплексным регионоведением без необходимости отрицания структурной специфики регионов мира.

Важно выявлять на основе реальных тенденций — повышения роли Востока в мировой экономике и мировой политике — закономерности «глокального характера». Так, в «классическом» востоковедении повышение роли Востока часто трактуется как «возвышение», возможность простой «замены» в мировой системе Западом Востоком, полного изменения экономических, культурных и военных «командных позиций» в мире. Тем самым по большей части отрицается возможность Запада трансформироваться так же быстро или даже быстрее, чем Восток. В мировом комплексном регионоведении эти процессы трактуются с точки зрения формулирования как раз теорий «среднего» уровня, то есть комплексного инструментария для решения практических задач (объяснять, сравнивать и прогнозировать).

— **Как вы пришли к созданию теории мирового комплексного регионоведения?**

— После окончания ИСАА МГУ и учебы в ведущих восточных (Сингапурский, Фунданский и Пекинский лингвистический университеты) и западных вузах (New School, Мэрилендский и Манчестерский университеты), работы в ИСАА, ИВ РАН, ИДВ РАН и в разное время в исследовательских институтах и университетах США, Франции, Великобритании, Нидерландов, Японии я вернулся в Россию, работал в Методологическом университете конвертируемого образования (МОНФ) директором, а потом через какое-то время стал заведовать кафедрой востоковедения МГИМО. В центре моего профессионального интереса оказался весь Восток, и даже шире, чем Восток, — Не-Запад в целом, но теперь уже с точки зрения структурно-политических характеристик, которые определялись в том числе историей, культурой и их международно-политическими составляющими. Затем уже в качестве декана факультета политологии МГИМО МИД России я «достраивал» сравнительную политологию, которая была во многих отношениях «западной» дисциплиной, до «глобальной» или «мировой» сравнительной политологии «через» объяснения «незападной» / «восточной» структурной специфики.

Мой интерес подкреплялся объективным усилением структурной роли Востока в мирополитических процессах в контексте «Большой Восточной Азии» и, в частности, в связи с перспективами комплексной трансформации Китая. Я был одним из первых, кто писал об этом одновременно на русском и английском языках, имея многолетний опыт концептуализации китайского и азиатского феноменов в дискуссиях с профессорами европейских, американских, японских и китайских университетов.

В то время на базе порученной мне магистерской программы «Политика и экономика регионов мира» — первой в России магистерской программы по комплексному регионоведению — я стал разрабатывать эту тему в рамках тогда недостаточно развитого направления «Регионоведение». Потом это

направление стало развиваться все более динамично, получило «более конкурентное» название — «зарубежное регионоведение», а затем, в ходе своего развития, стало еще и комплексным, что потребовало создания учебной «мета-дисциплины», которая получила название «мировое комплексное регионоведение».

— **Можно ли выделить специфику других российских школ зарубежного регионоведения?**

— Подход традиционной школы регионоведения ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова состоит в следующем: выпускник должен изучить всю историю и философию страны, знать все архетипы, их эволюцию и поэтому может ментально реконструировать, как мыслит тот или иной народ. Однако подготовленные таким образом в целом очень грамотные специалисты часто избыточно перегружены философскими подходами и историческими реалиями, что делает их погруженными в себя («научными интровертами»). Это важно для гуманитарных и обществоведческих исследований фундаментальной направленности — без этого наука не может развиваться дальше, а также для преподавания дисциплин гуманитарного классического или фундаментального профиля. Однако этот подход не находит одобрения практиков и особенно лиц, принимающих решения, которые ждут простого ответа на самые сложные вопросы здесь и сейчас, и, желательно, со 100-процентно предсказанной вероятностью.

На факультете иностранных языков МГУ им. М.В. Ломоносова в регионоведении акцентируется его филологическая составляющая. Ясно, что это только часть комплексного регионоведения, которая не поможет объяснить, к примеру, экономические успехи Китая, который из бедной страны с огромным неграмотным населением превратился во вторую экономику мира, поскольку китайские политики как раз максимально учитывали универсальные закономерности, но преломляли их к специфике своей страны. Кстати, знание китайского языка не гарантирует успехов в бизнесе, науке и т.д., хотя

в некоторых областях отсутствие или присутствие знания языка страны может оказаться критическим условием для успешности / неуспешности проектов.

Подход МГЛУ (координатора Университета Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) по зарубежному регионоведению) также состоит в том, чтобы сделать акцент на лингвокультурологию: знание языка и культуры «вокруг» языка. В то же время сегодня в МГЛУ создана кафедра теории регионоведения, которой нет ни в одном вузе страны, в рамках которой формируются свои подходы к пониманию специфики региональных исследований [Макаренко 2019].

Регионоведческий подход РУДН основан на междисциплинарности — сочетании истории, политологии, экономики и права изучаемой страны. В чем-то он близок к тому, что был раньше на «истфиле» (с уклоном в гуманитарное направление подготовки) и на «соцэке» (с упором на социально-экономическую подготовку) в ИСАА МГУ.

— Сколько процентов политологии, истории, экономики, этнопсихологии должно быть в мировом комплексном регионоведении? Можно ли вычислить «идеальную формулу специальности»?

— По комплексному регионоведению небольшим коллективом, с которым я работаю уже много лет, издано 9 книг под заголовком «Мировое комплексное регионоведение», из них 7 — в России [Мировое комплексное регионоведение 2014, 2015, 2016, 2017, 2018, 2019, 2020; Мировое комплексное регионоведение. Введение в специальность 2015, 2016, 2017, 2018, 2019, 2020; Мировое комплексное регионоведение в педагогической практике 2018; Практика зарубежного регионоведения 2014, 2015, 2016, 2017, 2018, 2020], в Китае, а также на английском языке на платформе одного из престижных глобальных издательств, распространяющих свою издательскую продукцию во всех англоязычных странах мира [Is Non-Western Democracy Possible... 2017; Voskressenski 2017; The Regional World Order... 2019], то есть уже более 20 фундаментальных

монографий, научно- и учебно-методических комплексов, учебников и учебных пособий. На подходе еще две книги на китайском и английском языках. В Китае интерес к этому направлению очень велик, поскольку, сформулировав китайскую специфику в целом западной ТМО, китайцы «уперлись» в проблему научной оригинальности. Решить эту проблему в рамках национальной ТМО никому пока не удается, хотя такие попытки были не только в Китае, но и в России / США [Цыганков 2018]. Но дальнейшая национализация ТМО приводит не только к осмыслению проблемы вторичности интеллектуального продукта, но и, к сожалению, к появлению ненаучных теорий типа «четвертой теории» А. Дугина [2009] или гениальной, но не подтвержденной научными данными гуманитарно-интерпретационной теории Л.Н. Гумилева [2019].

Ни о каких «процентах» дисциплин в комплексном регионоведении, естественно, речь не идет и не может идти. Можно говорить только о необходимости стержневой «мета-дисциплины», адаптированной к конкретным потребностям образовательных программ конкретных вузов. Такой образовательный курс «мета-дисциплинарного» характера, основанный на знании научно-синтетического типа, должен сочетаться с сопутствующими и тесно увязанными в соответствии с целями самой образовательной программы обязательными «общими» дисциплинами, а также блоками дисциплин региональной и страновой специализации, которые расширяют, углубляют, объясняют историческими, культурными, кросс-региональными примерами основные положения «мета-дисциплинарного» курса.

Номенклатура этих дисциплин должна пересматриваться в соответствии с изменением характера мировых, региональных и национальных процессов, как и содержание самого «мета-дисциплинарного» курса в зависимости от мировых экономических, социальных, политических изменений. Таким образом в учебном процессе в области региональных исследований можно дать «общее» и «универсальное» знание, но «преломленное»

к регионально-национальному уровню, то есть к конкретным проблемам. Нужно не только учить «теории», но и показать необходимость «теорий среднего уровня», то есть как на практике глобальные закономерности преломляются на региональном уровне и как на этом уровне появляется «сплав» универсализированной локальной специфики, которая может иметь в том числе и мирополитическое значение, то есть «выйти» на глобальный уровень взаимодействия. «Мета-дисциплинарный» курс образовательной части комплексного регионоведения состоит в настоящее время в МГИМО из двух основных частей — «мирового комплексного регионоведения» и «методологии регионального анализа».

— Помимо ваших англоязычных книг, классических работ Луиз Фосетт [Fawcett 1995], Майкла Китинга [Keating 2004] и Руна Фитжара [Fitjar 2009] существует не так много известных в мире книг по теории регионализма. Каких авторов (школы) вы можете порекомендовать нашим читателям?

— Вы назвали авторов по теории регионализма, но регионализм уже не синоним региональных исследований, а только частный случай теорий мирового комплексного регионоведения. Школы комплексного регионоведения (англ. *World Regional Studies*, *Comprehensive Regional Studies*) сложились в ряде стран мира, в том числе в России, Китае, Франции, Японии, Германии и США. Очень интересные наработки на бакалаврском уровне образования есть в некоторых университетах США, в Европе больше успехов на магистерском уровне образования.

Я бы назвал такую цепочку имен: Л. Пай [Pye 1958], Р. Инглхардт [Inglehart 1997], К. Вельцель [Inglehart, Welzel 2005], Б. Бузан, О. Уэвер [Buzan, Waever 2003], а последнее время еще и А. Ачарья [Acharya 2013]. Есть, конечно, и другие, и их теперь достаточно много для целого большого научного направления. Но в западных университетах нет такой жесткой бюрократической номенклатуры направлений, как в российских. Даже

профессиональная научная степень называется PhD — «доктор философии», она дает право преподавать в университетах и проводить самостоятельные научные исследования. Поэтому отклонение научной диссертации может быть только на основе ее несоответствия научным критериям в рамках общих дисциплин (истории, политологии, экономики, социологии и т.д.) и анализа конкретики профильными специалистами. «Внутридисциплинарная» специализация определяется не строгим соответствием «номенклатурным спискам направлений», а решением вполне конкретных специалистов, которые выбираются на основе их подтвержденной индивидуальными научными трудами квалификации.

— Сторонники основных ТМО часто не разделяют страны по особым цивилизационным признакам. Действительно ли мы можем обойтись политикой и экономикой, оценивая Китай, Индонезию, Вьетнам и другие высококонтекстные культуры с самобытным сознанием и мировосприятием?

— Разделять страны по «особым цивилизационным признакам» я бы не стал, хотя говорить о странах, к примеру, «исламского» или «конфуцианского» ареала вполне возможно. Однако степень влияния исламского или, к примеру, конфуцианского наследия в самих странах «конфуцианского ареала» разная: одна — в Китае, другая во Вьетнаме, Сингапуре, Республике Корея и т. д.

Курсы по этнопсихологии политики и бизнеса в ходе обучения по программам комплексного регионоведения читаются. В них есть небольшая теоретическая и достаточно большая практическая компоненты. По этой теме есть и более специализированные работы уже исследовательского уровня (к примеру, по этнокультурной специфике китайской диаспоры в странах Восточной Азии или по проблематике исламского мира), которые готовятся в рамках исследовательских центров не исторической или политологической направленности, а стратегического характера. Они востребованы для ведения международно-региональной деятельности дипломатического

или экономического характера, так как написаны высококвалифицированными страновыми и региональными специалистами, часто определенного этнического происхождения, которое позволяет обобщать этнокультурную проблематику, понимаемую интуитивно с детства, и вписывать ее в глобальный контекст.

— Как учитывается феномен западных подходов развития в мировом комплексном регионоведении?

— Мировое комплексное регионоведение «не вмещается» в прокрустово ложе «правил» «западноцентричной» политологии и глобально западноцентричной ТМО, видящих в Востоке в основном только архаику и экзотику, которых в реальной жизни там становится все меньше и меньше. Западноцентричные политические теории испытывают трудности обоснования и построения на практике со странами Востока взаимовыгодных, равноправных политико-экономических отношений конструктивного типа и стратегического характера.

«Чудо» успешной модели национального развития де-факто уникально, но оно осуществляется на основе как минимум региональных или макрорегиональных рецептов развития и включает в себя концепцию международной кооперации и передачи новых технологий на основе глубоко продуманной политики взаимовыгодного сотрудничества. Пример «больших» стран и успешность китайской модели только подтверждает эти умозаключения.

Предыдущие же попытки выработать «мета-теории» в рамках одного из вариантов западной теории — марксизма — на основе концепции коммунизма как «будущего всего человечества» и «азиатского» способа производства как «отклонения» от строгой стадильности или же в рамках «культурной теории» специфики на основе выявления «генома» Востока не увенчались успехом. Ближе всех подобрался к решению этой проблемы в современных международных исследованиях И. Валлерстайн с его «мир-системным подходом», но и ему не удалось преодолеть

иллюзию возможности создания универсальной модели объяснения всемирно-исторического процесса, поскольку для этого требуется в принципе другой подход [Wallerstein 2004].

Эта проблема не решается тем более в русле «классического» востоковедения, поскольку требует определения «предмета» исследования, который не может быть определен географически или только культурно-исторически со всеми его структурно-историческими / политическими / социокультурными характеристиками. А вот объяснение Востока через понятие Не-Запада, то есть выявление отличных от западного мира структурно-политических и структурно-исторических характеристик других макрорегионов, вполне возможно в том числе и через определение в мировом комплексном регионоведении той его части, которая должна войти в «широко» понимаемую, истинно глобальную ТМО и синтезировать все знания о международных отношениях, чтобы понять и объяснить, как они протекают в реальной жизни.

— Каким образом связаны региональный и глобальный контексты?

— Некоторые специалисты постулируют появление «глобальных регионов» [Лагутина 2015] и функциональных регионов (шире формальных географических границ), однако говорить об этом можно не в прямом их географическом качестве, а пока только как о конструктах ограниченно-конструктивистского характера. Такие регионы испытывают влияние и живут в соответствии с глобальными закономерностями, но в силу этого имеют возможность форматировать макрорегиональный и даже — в ограниченных пределах — глобальный уровень. Это хорошо видно на примере Японии, которой удалось в некоторых культурных областях превратить свой национальный продукт и даже целые бренды в глобальные (к примеру, рестораны), максимально возможно открыв свое национальное к восприятию идущего извне. Сейчас это делает Китай, но уже на грани переформатирования существенной части глобальной

системы в соответствии со своими национальными представлениями. Попытка создания Китаем китаизированной национальной ТМО [Грачиков 2019] как раз из этой области — объяснить свое международное поведение с точки зрения своей национальной школы, но на «понятном» другим «теоретическом» языке.

Китай поставил также цель — сформировать глобальный макрорегион развития из «Большого Китая» по периметру страны в рамках инициативы «Один пояс, один путь». Это формирует новые связи, экономические и производственные цепочки на пространствах шире, чем границы своего национального государства. В перспективе китайские макрорегиональные проекты могут стать глобальным общественным благом в сфере международного развития, но при условии, что «правом голоса» при принятии решений в них будут обладать все участники, а не только Китай.

Я убежден, что истинно конкурентное и значимое «национальное» может стать неотъемлемой частью «мирового», потому что позволяет на основе собственного оригинального и мирового передового научного знания форматировать в том числе и региональный, и мировой процесс, а не только переформатировать национальное, нередко даже насильственным образом, на основе глобального «универсального», возникшего изначально

в других национальных культурах и, возможно, в иных исторических обстоятельствах.

— Какие основные региональные и трансрегиональные тенденции вы можете назвать? Мир закрывается или становится все более взаимосвязанным?

— Мир становится более взаимосвязанным, в этом нет сомнения, но глобализация идет теперь совсем не так, как она виделась, к примеру, в 1990-х гг., и в этом смысле «западная политология» и «западные ТМО» если не исчерпаны, то уже сильно ограничены в применении на практике, по крайней мере, в «Большой Евразии». Это теперь тоже все осознают. Нет пока только единства в понимании того, каков может быть методологический и теоретический ответ на этот вызов и как оформить это «идеологически». Взаимосвязанность — часть глобализации, но взаимосвязанность и глобализация — это не тождественные явления, даже не явления одного порядка.

Регионализация и трансрегионализация — тоже части глобализации. Они могут сопутствовать, а могут и препятствовать ей. То есть глобализация в действительности — гораздо более сложное и комплексное явление, чем это казалось всем нам в 1990-е гг. Но об этом я уже довольно много написал и собираюсь написать еще.

Интервью провел Куклин Н.С. / Interviewed by N.S. Kuklin

Поступила в редакцию / Received: 24.03.2020

Библиографический список

- Антюхина-Московченко В.И., Злобин А.А., Хрусталева М.А. Основы теории международных отношений: учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: МГИМО, 1988.
- Грачиков Е.Н. Становление китайской школы международных отношений: аналитические подходы и методы исследований // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 2. С. 187—200.
- Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. М.: АСТ, 2019.
- Дугин А.Г. Четвертая политическая теория. Россия и политические идеи XXI века. СПб.: Амфора, 2009.
- Лагутина М.Л. Глобальный регион как элемент мировой политической системы XXI века // Сравнительная политика. 2015. № 2. С. 16—21. DOI: 10.18611/2221-3279-2015-6-2(19)-16-21
- Макаренко В.В. Об объектно-предметном поле регионоведения и его месте в ряду других наук // Сравнительная политика. 2019. № 4. С. 12—33. DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10039
- Мегатренды мировой политики и их развитие в XXI веке: учебное пособие для студентов вузов / под ред. М.М. Лебедевой. М.: Аспект Пресс, 2019.

- Мегатренды. Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке: учебник* / под ред. Т.А. Шаклеиной, А.А. Байкова. М.: Аспект Пресс, 2014.
- Мировое комплексное регионоведение* / под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Магистр: ИНФРА-М, 2014, 2015, 2016, 2017, 2018, 2019, 2020.
- Мировое комплексное регионоведение в педагогической практике: учебно-методический комплекс для обучения, проверки остаточных знаний, подготовки и проведения государственных испытаний* / под ред. А.Д. Воскресенского. В 2-х т. М.: МГИМО-Университет, 2018.
- Мировое комплексное регионоведение. Введение в специальность: учебник* / под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Магистр: ИНФРА-М, 2015, 2016, 2017, 2018, 2019, 2020.
- Практика зарубежного регионоведения и мировой политики* / под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Магистр: ИНФРА-М, 2014, 2015, 2016, 2017, 2018, 2020.
- Цыганков А.П.* Русская международная теория: три традиции. М: Русайнс, 2018.
- Цыганков П.А.* Теория международных отношений. М.: Гардарики, 2007.
- Acharya A.* Global International Relations (IR) and Regional Worlds: A New Agenda for International Studies // *International Studies Quarterly*. 2014. Vol. 58. No. 4. P. 647—659. DOI: 10.1111/isqu.12171
- Acharya A.* The Making of Southeast Asia: International Relations of a Region. Ithaca: Cornell University Press, 2013.
- Acharya A., Buzan B.* Non-Western International Relations Theory: Perspectives on and Beyond Asia. London: Routledge, 2010.
- Buzan B., Wæver O.* Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge University Press, 2003.
- Fawcett L.* Regionalism in World Politics: Regional Organization and International Order. Oxford: Oxford University Press, 1995.
- Fitjar R.D.* The Rise of Regionalism. Causes of Regional Mobilization in Western Europe. London: Routledge, 2009.
- Inglehart R.* Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1997.
- Inglehart R., Welzel C.* Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
- Is Non-Western Democracy Possible? A Russian Perspective* / Ed. by A. Voskressenski. Singapore: World Scientific, 2017.
- Keating M.* The Political Economy of Regionalism. London and New York: Routledge, 2004.
- Pye L.W.* The Non-Western Political Process // *The Journal of Politics*. 1958. Vol. 20. No. 3. P. 468—486. DOI: 10.1017/s0022381600033739
- The Regional World Order. Transregionalism, Regional Integration, and Regional Projects across Europe and Asia* / Ed. by A. Voskressenski, B. Koller B. Langham, Boulder, New York, London: Rowman & Littlefield / Lexington Books, 2019.
- Turton H.* International Relations and American Dominance. Sheffield: Sheffield University Press, 2016.
- Voskressenski A.* Non-Western International Relations Theories: Conceptualizing World Regional Studies. Springer Global: Palgrave Macmillan, 2017.
- Voskressenski A.* Russia and China: A Theory of Inter-State Relations. London: RoutledgeCurzon, 2003.
- Wallerstein I.* World-Systems Analysis. Durham and London: Duke University Press, 2004.

References

- Acharya, A. & Buzan, B. (2010). *Non-Western International Relations Theory: Perspectives on and Beyond Asia*. London: Routledge.
- Acharya, A. (2013). *The Making of Southeast Asia: International Relations of a Region*. Ithaca: Cornell University Press.
- Acharya, A. (2014). Global International Relations (IR) and Regional Worlds: A New Agenda for International Studies. *International Studies Quarterly*, 58 (4), 647—659. DOI: 10.1111/isqu.12171
- Antyukhina-Moskovchenko, V.I., Zlobin, A.A. & Khrustalev, M.A. (1988). *Fundamentals of the Theory of International Relations: A Textbook*. 2nd ed., revised. and add. Moscow: MGIMO Universitet publ. (In Russian).

- Buzan, B. & Waever, O. (2013). *Regions and Powers: the Structure of International Security*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Dugin, A.G. (2009). *The Fourth Political Theory. Russia and the Political Ideas of the 21st Century*. St. Petersburg: Amphora publ. (In Russian).
- Fawcett, L. (1995). *Regionalism in World Politics: Regional Organization and International Order*. Oxford: Oxford University Press.
- Fitjar, R.D. (2009). *The Rise of Regionalism: Causes of Regional Mobilization in Western Europe*. London: Routledge.
- Grachikov, E.N. (2019). Formation of the Chinese School of International Relations: Analytical Approaches and Research Methods. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (2), 187—200. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-187-200. (In Russian).
- Gumilev, L.N. (2019). *Ethnogenesis and Biosphere of the Earth*. Moscow: AST publ. (In Russian).
- Inglehart, R. & Welzel, C. (2005). *Modernization, Cultural Change, and Democracy: the Human Development Sequence*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Inglehart, R. (1997). *Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Keating, M. (2004). *The Political Economy of Regionalism*. London and New York: Routledge.
- Lagutina, M.L. (2015). Global Region as a Unit of World Political System of the XXI Century. *Comparative Politics Russia*, 6 (02), 16—21. DOI: 10.18611/2221-3279-2015-6-2(19)-16-21. (In Russian).
- Lebedeva, M.M (Eds.). (2019). *Megatrends of World Politics and Their Development in the 21st Century*. Moscow: Aspect Press publ. (In Russian).
- Makarenko, V.V. (2019). On the Object-Subject Field of Regional Studies and Its Place among Other Sciences. *Comparative Politics Russia*, 10 (04), 12—33. DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10039. (In Russian).
- Pye, L.W. (1958). The Non-Western Political Process. *The Journal of Politics*, 20 (3), 468—486. DOI: 10.1017/s0022381600033739.
- Shakleina, T.A. & Baykov, A.A. (Eds.). (2014). *Megatrends. The Main Trajectories of the World Order Evolution in the 21st Century*. Moscow: Aspect Press publ. (In Russian).
- Tsygankov, A.P. (2018). *Russian International Theory: Three Traditions*. Moscow: RuScience publ. (In Russian).
- Tsygankov, P.A. (2007). *Theory of International Relations*. Moscow: Gardariki publ. (In Russian).
- Turton, H. (2016). *International Relations and American Dominance*. Sheffield: Sheffield University Press.
- Voskressenski, A.D. & Koller, B. (Eds.). (2019). *The Regional World Order: Transregionalism, Regional Integration, and Regional Projects across Europe and Asia*. Langham, Boulder, New York, London: Rowman & Littlefield / Lexington Books.
- Voskressenski, A.D. (2003). *Russia and China: A Theory of Inter-State Relations*. London: RoutledgeCurzon.
- Voskressenski, A.D. (2017a). *Non-Western International Relations Theories: Conceptualizing World Regional Studies*. Springer Global: Palgrave Macmillan.
- Voskressenski, A.D. (Eds.). (2014, 2015, 2016, 2017, 2018, 2020). *Praxis of World Regional Studies and World Politics*. Moscow: Magistr: INFRA-M publ. (In Russian).
- Voskressenski, A.D. (Eds.). (2014, 2015, 2016, 2017, 2018, 2019, 2020). *World Regional Studies*. Moscow: Magistr: INFRA-M publ. (In Russian).
- Voskressenski, A.D. (Eds.). (2015, 2016, 2017, 2018, 2019, 2020). *World Comprehensive Regional Studies: Introduction into the Professional Field: A Course Book*. Moscow: Magistr: INFRA-M publ. (In Russian).
- Voskressenski, A.D. (Eds.). (2017b). *Is Non-Western Democracy Possible? A Russian Perspective*. Singapore: World Scientific.
- Voskressenski, A.D. (Eds.). (2018). *World Regional Studies in Pedagogical Practice*. In 2 volumes. Moscow: MGIMO Universitet publ. (In Russian).
- Wallerstein, I. (2004). *World-Systems Analysis*. Durham and London: Duke University Press.

МИР И БЕЗОПАСНОСТЬ PEACE AND SECURITY

DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-2-367-381

Research article

African International Relations, Genocidal Histories and the Emancipatory Project Part 2

H.G. Campbell

Syracuse University, Syracuse, USA

Abstract. Silences in the discipline of International Relations on genocide amount to a form of genocide denial, which is one of the foundations of future genocide. The paper posits that in the era of militarized global apartheid, progressive scholars are challenged to critique and expose the past and current crimes against humanity that are occurring in Africa. Drawing from the consolidation of an alternative analysis in the context of the Bandung Project, the paper analyzed the contributions of the ideas that emerged out of the anti-apartheid struggles and the struggles for reparative justice. Struggles from the Global South had culminated in the World Conference against Racism (WCAR) process, elevating the anti-racist battles as a core challenge of Africa's International Relations. This rejuvenation and energies coming out of the protracted struggle for bread, peace and justice took the form of the transition to the African Union leaving behind the concept of the noninterference in the internal affairs of states. The paper analyzed the ways in which afro-pessimism was being reinforced by the constructivist path in African International Relations. The contributions of radical African feminists are presented as one new direction where there is the coalescence of the progressive anti-imperialist intellectual traditions with radical feminisms. These two traditions open possibilities for an emancipatory project. This project has taken on extra importance in the period of the fragility of global capital when the precariousness of capitalism threatens new and endless wars and destabilization in Africa. Modern humanitarianism forms one component of the weaponization of everything and it is within this ensemble of ideas that scholars need to deconstruct the discussion of 'failed states' in Africa.

Key words: Bandung Project, Africa, anti-Imperialism, Non-Western IR Theories, genocidal histories, radical feminism, reparative justice, emancipatory project

For citation: Campbell, H.G. (2020). African International Relations, Genocidal Histories and the Emancipatory Project. Part 2. *Vestnik RUDN. International Relations*, 20 (2), 367—381. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-2-367-381

© Campbell H.G., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Международные отношения в Африке, истории геноцида и эмансипации Часть 2

Х. Кэмпбелл

Сиракузский университет, Сиракьюс, США

Умолчание проблемы геноцида в международных отношениях — это одна из форм отрицания геноцида, которая в будущем может привести к новым масштабным преступлениям. В статье утверждается, что в эпоху глобального милитаризованного апартеида перед прогрессивными учеными стоит задача критики и разоблачения прошлых и нынешних преступлений против человечности, которые происходят в Африке. Опираясь на альтернативный анализ в рамках Бандунгского проекта, в документе был проанализирован вклад идей, возникших в результате борьбы против апартеида и борьбы за репаративное правосудие.

Борьба Глобального Юга достигла кульминации в процессе Всемирной конференции против расизма (WCAR), в результате чего антирасистская проблематика стала центральной в международных отношениях в Африке. Новая энергия, появившаяся в результате затяжной борьбы за хлеб, мир и справедливость, приняла форму перехода к Африканскому союзу, оставив позади концепцию невмешательства во внутренние дела государств.

В статье анализируется усиление афропессимизма в контексте конструктивистских подходов в африканских международных отношениях. Вклад радикальных африканских феминисток представлен как новое направление, в котором происходит слияние прогрессивных антиимпериалистических интеллектуальных традиций с радикальными формами феминизма. Эти две традиции открывают возможности для эмансипативного проекта. Данный проект приобрел особое значение в период хрупкости глобального капитала, когда неустойчивость капитализма угрожает новыми и бесконечными войнами и дестабилизацией в Африке. Современный гуманизм является оружием против этого, и именно в этом направлении ученые должны вести дискуссию о «несостоявшихся государствах» в Африке.

Ключевые слова: Бандунгский проект, Африка, незападные ТМО, антиимпериализм, геноцид, радикальный феминизм, репаративное правосудие, эмансипативный проект

Для цитирования: *Campbell H.G. African International Relations, Genocidal Histories and the Emancipatory Project. Part 2 // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20. № 2. С. 367—381. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-2-367-381*

Intervention of Radical African Feminists

Feminists in general and African feminists, in particular, have made a fundamental break with male centered concepts of the State and International Relations that is central to the Eurocentric paradigms of IR. In the article on Feminist Theory and Activism in Global Perspectives Amina Mama explored the varying strands of feminisms and how to build networks to strengthen African feminisms within Africa [Mama 2011]. Feminist centers in Southern, Eastern and West Africa have been breaking new grounds in linking the struggles of women to IR theory. In particular, scholars such as Amina Mama, Cheryl Hendricks, Patricia McFadden, Ruth Meena, Patricia Daley and If Amadiume made fundamental contributions to African

International Relations [Amadiume 1987; 2000]. The radical feminists who focused on the intersections of oppression and genocidal violence brought new insights into the state and family structures [Daley 2008; McClintock 1995].

The preoccupation with individual “identity” in one branch of African feminism exposed the influence of the ideas of decoloniality, modernity and post modernism in the feminist discourse. World Bank and “donor” support for “mainstream gender in policy making”, actively served to coopt the militancy of progressive women just as the “governance and democracy” research groups had diverted attention from social and economic transformation. In both Liberia and Nigeria, a term was coined to designate those women who deployed imperial concepts of liberal feminism

to entrench oppression of men and women. Maryam Babangida¹ of Nigeria and Ellen Johnson Sirleaf² were two leaders in Nigeria and Liberia where the label of *femocrat* was attached. Sirleaf who received the accolade as being the first female President of Africa had been hailed the world over for her role in bringing “peace” to Liberia but did very little for the African women in her country and in Africa. As a femocrat, she consistently failed to support legislation to encourage better representation for women in the Liberian Parliament and minimized the findings of the Truth and Reconciliation Commission of Liberia. Amadiume coined the term femocrat as one who is “a performer who knows her role, having succeeded in disarming women, as a daughter of the establishment, she steps aside and introduces the men for whom she has prepared the ground” [Mama 1995; Amadiume 2000].

The intense contestation over gendered understanding of international relations constitutes one of the terrains of intellectual struggle where the class orientation of scholars comes into sharp relief. From the conceptual ensemble of the scholarship on *Gendered States* that implicated masculinity and violence in the reproduction of international relations, the challenges of addressing sexuality in politics raised its head. Virulent homophobia by leaders was grounded in writings and teachings emanating from neo liberal religious fundamentalism. Former leaders of liberation movements in Namibia and Zimbabwe were exponents of this hate speech and incitement to violence by labelling same gender loving persons as dogs and pigs.

After expending millions to shape the anti-apartheid generation, post modernism became the vogue in African IR in Southern Africa³.

¹ Maryam Babangida (1948—2009) — wife of Ibrahim Badamasi Babangida, President of Nigeria (1985—1993).

² Ellen Johnson Sirleaf (1938) — 24th President of Liberia (2006—2018), Nobel Peace Prize Winner (2011).

³ Themes of hybridity, shifting cultural borders, composite selves, conflicting identifications, multiple belongings, and travelling identities were central to postmodernist and poststructuralist debates in the 1980s and 1990s, when the definition of cultural identity as

David Harvey had explored the *Conditions of Post Modernity* in his work [Harvey 1990] but it was his student, Patricia Daley who expanded the understanding of genocidal histories and its impact on the Politics of Africa. As a student of Harvey and colleague of Tajudeen Abdul Raheem, her scholarship on *Gender and Genocide in Burundi* sharpened the interconnections between rape, genocide and masculinity [Daley 2008]. Professor Patricia Daley had developed a cogent analysis of the conditions that predisposed a society to genocide. She outlined seven conditions with the history of colonial genocide standing at the apex of a state dominated by what she termed *genocidal histories*. These are,

1. If it possesses a history of colonial genocide that turned social identities into racial and ethnic categories for purposes of social and political control.

2. The presence of genocidal thinking induced by spaces and institutions of genocide. This is the kind of thinking that devalues the lives of other human beings on the basis of their ethnicity or race. For example if a car knocks down a person on the street the driver will come out and say, it is only a Hutu or in the case of Nazi Germany, it is only a Jew or in the case of colonial Algeria, it is only an Arab. These forms of thinking correspond to ideas of eugenics and of social Darwinism. Genocidal thinking gives coherence and legitimacy to the devaluation of human lives.

3. The popularization of genocidal history: this is when the specific reading of the society “mythical histories” is reproduced in order to justify genocide. This was manifest in the historical renditions of Belgium in Africa, of Germany and the history of the Jews in Europe and in the case of Central Africa the so-called history of conquest of Tutsi invaders from Ethiopia. This history was reproduced in 1959 by the political party, Paramehetu, in Rwanda and

something fixed and static came to be increasingly challenged. In order to be prompted in the field, it was professionally expedient to repeat the varying conceptions of post structuralism, Post colonialism and postmodernism [Zezeza 2006].

became the history reproduced in schools and universities.

4. The presence of genocidal institutions: these include those institutions that are organized for incitement to genocide, in particular media institutions such as the press, especially hate radio. Church and religious institutions are also reorganized under these conditions for the promulgation of genocide.

5. The dominance of genocidal politics that occurs where the politics of exploitation, exclusivism, racism, eugenics, militarism, extremism and patriarchy intersect in a society. The politics of competition then results in acts of genocide, and, in turn, create the conditions for the reproduction of genocidal politics.

6. Genocidal economics, these are the forms of economic engagement that require the physical elimination of competition. This type of economics comes from a form of competition for resources which is militarized, racialized and linked to the characterization of economic opponents as vermis. This form of economics is heightened by conditions of capitalist crisis. The element of this kind of economics was best expressed in Germany in the 1940's.

7. The presence of violence emanating from militarism, wars, and the expansion of the spaces of genocide: this is exemplified by the training of militaries for domestic control of citizens, the penetration of militarism into societal institutions, the continued supply of weapons and military training to genocidal states and the regional expansion of warfare, through the transfer of genocidal ideas relating to the conduct of war.

Daley had emerged from the cohort of radical African feminists who had been at the forefront of linking rape and violation. It was this activism that resulted United Nations Security Council Resolution 1325 in 2000⁴. This Resolution had mandated that the UN itself and its Member States protect individuals from sexual violence in conflict. The activism of

progressive African Feminists was played out in the international political arena after the Beijing Conference in 1995⁵. As one component of “mainstreaming gender” in “good governance” western foundations and governments worked hard to establish gender institutes that focused on “poverty alleviation” and giving prizes to femocrats.

It was another ten years of tenacious struggle after Resolution 1325, before the specific issue of sexual violence in conflict became the subject of the UN Security Council Resolution, namely 1820⁶, which recognized sexual violence as a “tactic of war”. This Resolution confirmed that sexual violence in conflict is a matter of international peace and security, and therefore within the remit of the Security Council. Resolution 1820 demanded nothing less than the “immediate and complete cessation by all parties to armed conflict of all acts of sexual violence against civilians”. After this resolution, however, it came out that it was within the UN peacekeeping missions that the most heinous crimes of violations were taking place. From these revelations developed a veritable cottage industry around the issues of sexual and gender-based violence in Africa, especially the Congo [Daley 2015].

Grassroots women all over Africa pressed their case against capitalism and gave coherence to the fight against “inequality” that was being represented as an unfortunate aspect of globalization. Struggles for health in the Congo against Ebola and HIV/AIDS had called for international cooperation and collaboration. It took the emergence of Covid-19 to strengthen the call from the peace and justice movements that international cooperation is the force that will reverse global warming, exploitation, genocidal violence and pandemics. The international peace movement, the environmental movement, the anti-globalization movement and

⁴ Resolution 1325 adopted by the Security Council at its 4213th meeting // The United Nations. October 31, 2000. URL: [https://undocs.org/S/RES/1325\(2000\)](https://undocs.org/S/RES/1325(2000)) (accessed: 22.01.2020).

⁵ Forth World Conference on Women // The United Nations. 1995. URL: <https://www.un.org/womenwatch/daw/beijing/> (accessed: 22.01.2020).

⁶ Resolution 1820 adopted by the Security Council at its 5916th meeting // The United Nations. June 19, 2008. URL: https://www.un.org/ruleoflaw/files/women_peace_security_resolution1820.pdf (accessed: 22.01.2020).

the world progressive feminist movement are now grappling with the requirements of an international system that would make another world possible.

Imperialism Today and the Fragility of Capital

The Congo and the Greatlakes Region of Africa continue to the space for the most contested ideas in relation to African IR as far as these societies contains untapped biological, water and mineral wealth. The exploitation of African resources and African labor power is a multibillion enterprise and many mainstream scholars of African IR are trained to be sub-contractors in this industry. This enterprise is backed up by an infrastructure that embraces global capital, state departments, world religious institutions, mining conglomerates, oil companies, food giants, biotech corporations, pharmaceuticals, internet service providers, media institutions and international non-governmental institutions and universities. Within the Universities in the Global North, the various Departments of Conflict Resolution, International Relations, Governance in the Third World and Global Security are incorporated into this infrastructure and play a very important consulting role in this multi-billion dollar industry [Mama 2007; Campbell 2008]. Through the European Development Fund of the EU, the “Philanthropic” organizations that provide funds for scholarly research and through the interlocking networks of NGO’s think tanks, governments and military contractors, there is a material base for the reproduction of the racist ideas that justify the exploitation and domination of Africa. On the other side of the Atlantic, the Social Science arm of the US Africa Command (AFRICOM) dictated that the bulk of social science research on Africa was mediated through security channels.

The present theories of IR must transcend the initial responses of the independence era to be able to grapple with the current expressions of imperialism (that is celebrated as globalization). This period of imperialist exploitation is muddled by the vibrant presence of Brazilian,

Chinese, Russian and Indian capitalists in Africa. To deepen this muddle, Western foundations have been promoting research and meetings on Chinese imperialism in Africa. The Chinese academy in their intellectual subservience to western scholarship has not been able to mount a clear position on the exact relationship between the BRICS states, China and Africa. When leading Chinese scholars parrot western views of great power rivalry or neo-patrimonialism, this body of scholarship gives credence to the idea that China is seeking to become a force in world politics via its relationship to African peoples. Professor Deborah Brautigam refuted this argument with her research claiming that “the special relationship that China has with a lot of African countries is becoming something that’s much more obvious and that creates a sense of unease, I think, in the West, because of the economic threat, so maybe that Chinese will invest in areas or take over trade markets that we thought once we were going to have” [Brautigam 2009]. Her analysis is very different from the much heralded view of journalists that China is building a new empire in Africa [French 2014].

Numerous books and journalistic articles are reflecting on the so called New Scramble for Africa, with the racist subtext that Africans are helpless, passive and gullible as Japan, Turkey, the European Union, China, Brazil, India and USA all seek to sign cooperation agreements with the African Union. The concept of the “scramble” insufficiently interrogates the complicity of a class of Africans who seek Foreign Direct Investments in order to facilitate capital flight from Africa. The literature and conferences on “failed states” are now integrated into massive output on African International Relations that focus of the “Corruption Index” in Africa.

Organizations such as *Transparency International* and the *Brookings Institute* do not support the work on governance that seeks to bring more light on how the IMF and the World Bank are the key promoters of the kind of accumulation of capital that is labeled as corruption [Mbaku 2020]. The African Union sponsored study on exposed the fact that Africa was losing at least 50 billion USD each year

in illicit financial flows⁷. Léonce Ndikumana and James K. Boyce from the Political Economy Research Institute at the University of Massachusetts have estimated that between 1970 and 2010 an estimated 814 bln USD flowed out of the continent [Ndikumana, Boyce 2018]. This work on imperialism and finance is occurring at a time when the African Free Trade agreement has prompted more research on cooperation across borders and the reality that in the long run it is more beneficial for Africa to use its reserves to build up its infrastructure instead of keeping reserves in Europe and the USA [Mbeng Mezui, Duru 2013].

In the present era of the currency wars, trade wars and cyberwarfare⁸, the convergence of the information revolution, biotech revolution, nanotechnology revolution, robotics and cognitive revolution has placed additional importance on both the knowledge of Africans and the vast genetic resources that had been preserved because of the African world view of the intimate relationship between humans, plants and animals [Juma 1989]. This plunder of the genetic resources is legitimated by the ideas of “freedom of the market” and the right of global capital to own life. Under the new ideation, life is an invention and can be bought and sold by the highest bidder. The energetic pressures of the major biotech companies to patent life forms along with the contentious rules of the World Trade Organization (WTO) relating to intellectual property rights contain the seeds of undermining most if not all of the gains that were made in the context of the struggle for United Nations Convention on biological diversity⁹. Because Africa is the home of the greatest

diversity, it is the peoples of Africa who have the most to lose from the view that genetic materials can be patented for private profit.

Traditional farmers and traditional knowledge are threatened but as of now there is still no comprehensive study of the displacement of the African farmer. It is against this background that progressive African diplomats continue to provide the lead in the World Trade Organization against the patenting of life forms and looting of resources. African scholars have also been at the forefront of opposition to the Free Trade Agreements of the European Union. Yash Tandon argued that the current patterns of international trade are structurally engineered to produce inequality [Tandon 2015].

Michael Hudson’s work on *Finance as Warfare* outlined how “Finance has become the modern mode of warfare. It is cheaper to seize land by foreclosure rather than armed occupation, and to obtain rights to mineral wealth and public infrastructure by hooking governments and economies on debt than by invading them. Financial warfare aims at what military force did in times past, in a way that does not prompt subject populations to fight back — as long as they can be persuaded to accept the occupation as natural and even helpful. After indebting countries, creditors lobby to privatize natural monopolies and create new monopoly rights for themselves” [Hudson 2015].

The Global War on Terror and the multidimensional operations of the European Union in the Sahel region of Africa clarifies the desperation of capitalists in Europe over the future of African cooperation. These struggles in Africa are a component of the permanent war of the military management of the international system. In his work on the *Liberal Virus* [Amin 2004], Samir Amin brought together the understanding of the IMF and the WTO as two frontline battalions of empire, critiquing the double standards of the subsidies for agriculture in Europe and North America and the threats posed to peasants throughout the world. Amin argued that under the new mantra of modernization and property rights the neo liberal policies of capitalists in North America and

⁷ Track it! Stop it! Get it! Illicit Financial Flows. Report of the High Level Panel on Illicit Financial Flows from Africa. Commissioned by the AU/ECA Conference of Ministers of Finance, Planning and Economic Development // UNECA. 2020. URL: https://www.uneca.org/sites/default/files/PublicationFiles/iff_main_report_26feb_en.pdf (accessed: 20.01.2020).

⁸ Hudson M. The Weaponization of Economic Theory // Global Research. July 18, 2012. URL: <https://michael-hudson.com/2012/07/the-weaponization-of-economic-theory/> (accessed: 22.01.2020). See also: [Brooks 2016].

⁹ Convention on Biological Diversity (CBD). 1992. URL: <https://www.cbd.int/> (accessed: 22.01.2020).

Western Europe promise extermination for peasant agriculture. “Peasant agriculture, accounting for 3 billion humans, faces economic extermination by 20 million modern farms”.

Continuing he asserted: “We are thus led to the point where in order to open up a new field for the expansion of capital, it would be necessary to destroy — in human terms — entire societies. Twenty million efficient producers on one side and five billion excluded on the other... If capitalism has ‘resolved’ (in its own way), the agrarian question in the centres of the system, in the peripheries, because it is indissociable from imperialism, it has created a new agrarian problem of immense proportions that it incapable of resolving, except by destroying half of humanity through genocide” [Amin 2004].

It is this new dispossession in the rural areas of Africa that is providing the basis for looting and genocidal economic relations throughout most of the African continents. Patricia Daley defined genocidal economics as the forms of economic management that require the physical elimination of competition. “This type of economics comes from a form of competition for resources which is militarized, racialized and linked to the characterization of economic opponents as vermins. This form of economics is heightened by conditions of capitalist crisis” [Daley 2008: 9].

This agrarian problem that is fed by mindless competition in the rural areas of Africa is compounded by the belief that African lives are worthless and that petroleum companies can destroy the natural environment. Such thinking had already been articulated by Lawrence Summers when he was a chief economist for the World Bank. Summers reasoned that, “the economic logic behind dumping a load of toxic waste in the lowest wage country is impeccable and we should face up to that” [Harvey 1996].

The questions of the natural environment, intellectual property rights and toxic waste bring entirely new questions to the field of African international relations while the old question of the nature of imperial domination lingers. One of the least developed areas of study has been the question of global warming. One is witnessing rising temperatures in Africa, increasing warm

spells and decreased numbers of cold nights, continued decreases in precipitation, impacts on hydrological systems, increased desertification. The fingerprint of this drought impacts on coastline, malaria expansion, insecurity and has been most manifest drying up of Lake Chad. Displaced young people who are recruited into anti-social activities reinforce and reproduce the images and discussions about “tribal and religious affiliations” in Africa.

David Harvey in the book *The New Imperialism* [Harvey 2003] has illuminated the basic links between super exploitation and what he termed ‘accumulation by dispossession.’ The accuracy of this formulation in this concept of dispossession is contested by some scholars of Marxism who refer to the historic genocide and primitive accumulation that had always been present in the world of racial capitalism [De Waal 1997; Duffield 2001; Maren 1997]. Racial terror and racialised elimination received a tremendous fillip in the era of Donald Trump and Brexit when the denigration of Africans is substituted for class struggle against capital.

Afro pessimism as one aspect of constructivism in African International Relation has gained widespread circulation over the past thirty years, specifically in the period of the rejuvenation of Africa. A large number of books and monographs that are being used in the Universities in Africa serves to deny the agency of the African peoples and spread concepts of “collapsed states” (Robert Kaplan [1994]), “failed states”, “the criminalization of the state” [Bayart 1993] and the “African way”. Other formulations openly pronounce that Africans are by nature warlike, if not barbaric and prone to tribal wars, criminal and prone to violence. Most recently, none other than the President of the United States entered this discussion on failed states to declare that African countries were shithole countries.

As one scholar who critiqued the concept of failed states noted, “Over the last several decades, the notion of the ‘failed state’ has entered the lexicon of policy-making, social science and mass public discourse. Although the concept arose in the articulation of foreign policy by the major Western powers and relatedly

among Western political scientists, within a short period of time the notion of the ‘failed state’ (and its multiple synonyms) has become embedded in international, security and development policy and practice, as well as pervading the popular imaginary. The presumption of the ‘failed state’ is recurrently invoked, for example, in debates on the sources of ‘terrorism’, weapons of mass destruction, ‘civil wars’, the ‘coming anarchy’, international criminal syndicates, humanitarian catastrophes, mass migration and refugees, global pandemics, human rights violations, poverty, corruption, governance failures and so on” [Ayers 2012: 568—569].

Boko Haram, Al Qaeda¹⁰, Al Shabaab and other “terrorists” organizations are said to thrive in the context of fragile states [Campbell 2020]. It requires deep investigation to grasp the duplicity of the USA and France in framing the war against terror in the Sahel in order to maintain high military budgets. Inside the academy in the United States, the alliance between practitioners of African International Relations and the US military was most evident in the articulation on the reasons for the creation of the US Africa Command. The thinkers within the Pentagon were explicit that one of the reasons for this military command was to prop up “failed and failing states in Africa”. The realists of the Pentagon were quite ready to invoke the interventionist concept of “responsibility to protect” to justify the destruction of Libya. This author has written extensively on *Global NATO and the Catastrophic Failure in Libya* [Campbell 2013] and will not revisit that critique of “failed states” here. What was so galling was that the head of the US Africa Command deployed the concept of state failure in Libya to justify the US assistance in the western occupation of Libya. Imperial machinations in Africa have come full circle from the Berlin Conference on Africa in 1884 to the Berlin Conference to divide Libya in 2020.

The theoretical flaws that are inherent in the formulations of imperial scholarship have been critiqued by scholars such as Abdul Raufu Mustapha [Mustapha 2002], Allison Ayers and

Branwen Gruffydd Jones [Jones 2008]. Space does not allow for a full outline of the scholarship on “failed states” but the core idea is that this brand of scholarship inspires the Afro pessimism that is dominant in European institutions of higher learning. The scholars of this school of thought have their scholarship reproduced in the principal European languages and these texts are reproduced in the NGO community [Bayart 1993; Clapham 1996; Collier, Hoefler 2004; Crocker, Hampson, Aall 1996; Kaplan 1994; Reno 1998; Zartman 1998].

The Emancipatory Project in Africa

The push from the grassroots against global capital has been unrelenting since the end of the Cold War. Decolonization had mobilized the masses of Africans to oppose colonial rule, but the Cold War was mounted to preserve monopoly capitalism and the reorganization of global capital. Scholars from the Global South such as Claude Ake and Walter Rodney were frontline scholars of African International Relations in that era [Ake 1982; Rodney 1970]. Samir outlived these thinkers and invoked the need for audacity to delink from global capital in calling for “audacity and more audacity”, on two fronts.

1) For the radical left in the societies of the imperialist triad, the need for an engagement in the building an alternative anti-monopoly social bloc.

2) For the radical left in the societies of the peripheries to engage in the building an alternative anti-comprador social bloc.

The call for audacity was a push to move to a higher level of civilization, because, “Capitalism is now an obsolete system, its continuation leading only to barbarism” [Amin 2013].

Radical feminists took the call for audacity to new levels and to new sites of politics. Xenophobia in Europe, Brexit, the election of Donald Trump, Islamophobia and the rise of various forms of neofascism brought new challenges. In the new era of intensified racism there are new militants, new scholars and new sites of politics. In all fora and in day-to-day politics, progressive African women are

¹⁰ The organization is prohibited in the Russian Federation.

redefining politics and the terrain of democratic struggles. The issues of environmental racism, the AIDS/Ebola pandemics, sexual violence and violation against women, the dumping of toxic waste, the looting of natural resources and the breakdown of social services elevate politics to a new level and sharpen the audacity.

It is in this context that the theory and practice of emancipatory politics are being developed out of the mess created through global plunder. Jill Steans in the conclusion of the book on *Gender and International Relations* had proposed that scholars moved in the direction of emancipatory international relations, but this call was shrouded in the “discourses of postmodern feminism” [Steans 1998].

Roger D. Spegele carried forward the call for an emancipatory international relations noting that, “Emancipatory international relations refers to any theory, discourse, paradigm or approach to International relations which claims that the principal grounds for studying International relations is not to explain or predict events, search for laws or confirm or disconfirm hypotheses, as in competing naturalistic conceptions of the subject, but rather to radically transform or transfigure the political communities in which we live: that is, that our interest in international relations lies in its potential for liberating individuals, groups and peoples from structures or conditions that hinder them from actualizing freedom in thought and in practice” [Spegele 2014].

This theory of emancipatory international relations went back to Immanuel Kant and the thinkers of the European Enlightenment in an effort to reconcile modernist emancipatory international relations (MEIR) and post-modernist emancipatory international relations (PEIR). The emancipatory project emanating from critical theory remained linked to one part of humanity. Genocidal denial by scholars ensure that in the current rise of far right parties in Europe, there is no firm base for fighting neo Nazism among the left intellectuals.

The militancy of the working peoples of the South in their day-to-day fight for survival is creating new sites of politics and rendering irrelevant the ideas of the debates among

Eurocentric scholars who have been unable to mount a robust opposition to the white racism in international relations theory. At this moment, that racism is no longer hidden, but in plain sight with racist immigration policies, anti-immigrant policies and a travel ban on a quarter of the citizens of Africa. Opposition to racism and incitement to racial terror is reflected in the new intellectual and political insights inspired by autonomous organizations of women. These insights provide the basis for songs, dance, dress, other forms of self-expression and the struggle for survival in the midst of the health and food crisis. The experiences of the organized and mobilized women of Sudan, Egypt, Algeria and other parts of Africa have served to discredit the vanguardism that had been the idea behind previous periods of African resistance and Liberation. In the twenty first century the peoples of Africa are moving from the liberation of states to the social emancipation of the peoples.

Emancipatory politics has to deal with both concepts, that of emancipation and that of politics. All thinkers of human freedom sought to refine concepts of emancipation. Karl Marx had raised the issue of emancipation in the nineteenth century in raising the question of the collective self-emancipation of the working people. Marx in his communication to the First International had argued that the emancipation of the workers could only come about by the activities of the workers themselves¹¹.

It was in the context of the Cuban revolution where emancipatory politics was tested and unleashed with the foundation of emancipatory education. In studying the contribution of Cuba to the emancipatory project, Mark George Abendroth noted the elements of emancipatory education in Cuba especially the foundations of “emancipatory global civic education”. Abendroth stated: “It is emancipatory because it identifies oppressors and oppressed, and it combines theory and action to express solidarity with the oppressed. It is global because capitalist exploitation of people and natural resources is

¹¹ Marx K. Inaugural Address. October 21—27, 1864 // First International. The International Workingmen’s Association. URL: http://ciml.250x.com/archive/marx_engels/marx_inaugural_address.html (accessed: 22.01.2020).

global. It is civic education because a citizenship of the world must be the crux of a united front against global oppression” [Abendroth 2005].

Walter Rodney had identified this process of the politics of emancipation in the Cuban revolution and elaborated on emancipatory politics in the Pan-African world. His earlier study of the Russian Revolution had earlier exposed how the bureaucratization of the political processes in the former Soviet Union had excluded that state from the project [Rodney 2019].

Rodney as one of the prophets of self-emancipation had continuously brought out the self-mobilization and self-organization of the African peoples in their confrontation with colonial despotism. Rodney’s contribution was especially important as far as fighting and dying for a brand of emancipation that built on the alliance of oppressed workers and working peoples of all races and religions [Rodney 1970]. This was an important breakthrough in order to transcend emancipatory projects that involved the freedom of one race or gender. African feminists have taken the lessons further by pointing to the autonomy and self-mobilizing techniques that were used by African women to force the pace of decolonization. Both Kwame Nkrumah [2007] and Frantz Fanon [1969] have linked the unification and liberation of Africa to the humanization of the planet.

Reference has already been made to the episodic intervention of the African peoples, especially the peoples of Southern African into the international system. Samir Amin and Ifi Amadiume had summed up these challenges in the calls for audacity and in the call for progressive women to transcend first lady syndromes [Amadiume 2000; Amin 2013]. Some of the very same forces that were involved in the liberation struggles are managing the exploitation of the peoples and have embraced the realist principles of IR. It was therefore not accidental that the current South African leadership turned its back on the Agenda of the World Conference against Racism¹² to call for

reparative justice for African descendants of enslavement. Thus far, very few universities in Africa have sought to study the program of action of the United Nations in relation to Crimes against humanity¹³ so that there can be a process that begins the break with racial capitalism and its genocidal base. In this current context the ideas of white supremacy, white nationalism have taken hold in the countries of imperial control. The struggles against global apartheid, environmental racism, male supremacy and war have created new spaces for the development of emancipatory ideas and practices.

Emancipatory politics seeks to bring back to the center of the debate on Africa the militant struggles of the producers. In this paper the producers are the militants of emancipatory project. This class of producers in the main excludes those who have made alliances with imperialism and are the agents of the imposition of the neoliberal agenda in Africa. The militancy of the producers is reflected in the struggles for survival against the plunder of capitalism and the destruction of life as manifest in the HIV/AIDS, Ebola and other health emergencies across the continent. The militant struggles for survival in the midst of the health crisis reinforce the opposition to capitalist ideas about society being motivated by “individual self-interest”. As Walter Rodney, the late African thinker, observed, “one must go back to this underlying movement of history and have confidence in the capacity of our people: if they could have breached the gates of colonialism through their own effort, then it seems to me that they have brought into the neo-colonial period a capacity to breach the walls of imperialism” [Rodney 1990: 70].

These emancipatory frameworks are releasing African peoples from the linear conceptions of development that have been championed by imperialism in the past thirty years. In the contentious moment of the declarations of the World Conference against Slavery and the calls for reparations for genocide, slavery and colonialism in Africa, the

¹² World Conference against Racism, Racial Discrimination, Xenophobia and Related Intolerance // United Nations. August 31 — September 7, 2001. URL: <https://www.un.org/WCAR/> (accessed: 22.01.2020).

¹³ Crimes Against Humanity // United Nations Office on Genocide Prevention and the Responsibility to Protect. URL: <https://www.un.org/en/genocideprevention/crimes-against-humanity.shtml> (accessed: 22.01.2020).

articulators of realism came up with the Millennium Development Goals. It was clear to the imperial scholars that the global reparations struggles of Durban 2001 had the potential to mobilize a global constituency to delink from capitalism. This momentum had been coalescing around the World Social Forum. With memories of the global anti-apartheid campaigns still fresh for activists, the reparations movement was poised to become part of a much larger antiglobalist campaign involving the struggles of the Palestinian and Puerto Rican people, Dalits in India, Mexican braceros, landless workers in the former settler colonies of southern Africa, Asian-American communities confronting hate crime violence, and citizens dealing with the effects of Structural Adjustment in the Global South.

Collective reparative justice entered the field of International Relations as one component of the emancipatory process of delinking from capital. Some scholars of Africa have identified human rights and social citizenship as the fundamental core of the emancipatory project [Neocosmos 2007], but this author would suggest that the emancipatory project is fractal in the sense that there needs to be a decisive break with genocidal histories in order to start out on the many sided tasks of social and economic transformation in Africa. Emancipatory politics as a component of the transformative politics draws from the richness of the lessons of the anti-colonial struggle and the clarification of the reality that liberation movements founded (primarily) on armed struggles were not instructive as regards to a number of democratic questions. Neither has the concept of democracy that is simply based on a number of parties and elections. Focusing on genocidal histories and the reality that racism has been embedded or stamped from the beginning with genocidal economics, the limitations of the market driven concept of democracy, the one party democracy of many liberation movements and the dead end of the World Bank conceptions of “sustainable development” have been laid bare to the producers [Wamba-dia-Wamba 1993]. Emancipatory politics with the new sites of politics and militants has forced itself on the political agenda in the context of creeping fascism.

Neo fascists and white supremacists have brought genocidal histories from the margins of international relations theories back to the center. This period is one where there is simultaneously a struggle for a radical revision of the mechanistic ideas that brought humanity to the era of ecocide. Ecocide is defined as the destruction of large areas of the natural environment as a consequence of human activity. Global warming, forest fires, desertification and pandemics all point to the reality that the transformation of Africa is linked up with the unification and emancipation of the African peoples. The push to mobilize collective actions to reverse the drying up of Lake Chad while championing the call for place Shell Oil Company and other polluters before the International Criminal Court broaden the terrain of social justice. Campaigning for the rights of Mother earth while promoting ecocide as an international crime aims to create criminal liability for chief executives and government ministers, while creating a legal duty of care for life on earth is now running alongside the push for reparative justice and operationalizing the Durban Declaration of 2001. Progressive environmentalists understand that the emancipation of African peoples cannot take place outside of the collective emancipation of humanity. Thus, Africans were at one in signing the Cochabamba Declaration of 2010 in respect to the rights of Mother Earth¹⁴. This is the recognition of Mother Earth as a living being and the promotion of a system of environmental restorative universal justice. Ubuntu is a philosophy of human emancipation that incorporates love, reconciliation, peace and saving the planet.

The transition from the old to the new, from realism to emancipatory politics, from apartheid to Ubuntu, from the OAU to the AU and from death tendencies to life giving processes are all at work in Africa. This body of scholarship on anti-racism and reparative justice brought forward

¹⁴ Universal Declaration of Rights of Mother Earth // World People's Conference on Climate Change and the Rights of Mother Earth. April 22, 2010. URL: <https://therightsofnature.org/universal-declaration/> (accessed: 22.01.2020).

the emancipatory approach to International Relations. Reversing dehumanization requires a full hearing of the genocidal crimes in Africa so that the principle of never again can become real. Black capitalists in South Africa have internalized the xenophobia of capital and turned their back on the ideas of progressive Pan-Africanism, all the time while supporting the expansion of South African capital across Africa.

When intellectuals are suborned by the discourses on “good governance” and “failed states”, it devolved to the progressive popular artists to carry forward the grassroots messages of emancipatory politics. Fela Ransome Kuti, Bilia Bel, Miriam Makeba and Hugh Masekela were among progressive artists who were internationalists in their work. Bob Marley had urged all humans to “emancipate themselves from mental Slavery”¹⁵. These cultural artists bring to the fore the impact of non-state actors on IR and undermine one of the key concepts of realism that nations are the main force in international politics. Throughout Africa the young have developed new platforms for political organizing and are battling both old forms of plunder as well as new forms of brain hacking and information warfare.

The philosophical contributions of cultural leaders and poets complement the articulation of the principles of emancipatory politics for the freedom and transformation of the planet earth. The information revolution has served to rehabilitate oratory and the democratic practices of the oral traditions as the youth seize new spaces to let their voices be heard. This same information revolution has opened the most profound possibilities for communication, education, politics, commerce as well as new forms of leisure, all of which interrogate the ways African states have been integrated into the global system. Cultural leaders are bringing to the fore the importance of music and dance in the emergence of the new and expanded the theoretical horizons beyond those provided by Antonio Gramsci.

¹⁵ “Redemption Song” by Bob Marley, October 1980. Words refer to a speech given by Marcus Garvey at St. Phillip’s African Orthodox Church in Sydney, Nova Scotia, 1937 (*Editor’s Note*).

Conclusion and a New Research Agenda

Genocide is not new in human history. What is new is the determination under international law to ensure that acts of genocide and ecocide would constitute crimes against humanity. The focus on genocidal histories in this paper was to bring to the forefront the implications of genocidal denial, especially at this historical conjuncture. The experience of the genocidal violence and acts of genocide in Central Africa were highlighted to bring back the reality that once there is genocide denial, it can occur again. In the struggles for decolonization, scholars of Africa International Relations had found a base within the Bandung Project, but it was the organized peoples in their struggles against capitalism that brought an end to the era of crude apartheid. Racism found a fertile base in global capitalism in the period of the financialization of the global economy and heightened exploitation.

The author of text on Capital in the 21st century [Piketty 2014], in the main, excluded Africa from the analysis. It devolved to patriotic scholars within the United Nations Economic Commission for Africa to argue for the social and economic transformation of Africa. The research agenda of transformation encompasses understanding material transformations, anti-racism, transformation of consciousness, the transformation of gender relations and the transformation of relations with nature. These intellectual directions call forth a new research agenda and a rethink of the past priorities about “development”. There were six broad areas of research that emerged in the analysis of genocidal histories. There were: Restorative and Reparative justice within the spirit of never again, Environmental Justice and the repair of the planet, Peace and Reconstruction — Silencing guns in Africa and global demilitarization, the Transformation of Gender relations, Health Care as a human right and Transformative Education to create new humans beyond the algorithms of oppression.

Restorative justice and the calls for the implementation of the Durban Declaration of the World Conference against Racism process envisioned a new research agenda but the mainstream IR scholars remain silent while there

is a renewed push for the humanitarian perspective on Africa. Within this body of scholarship there have been debates on the differences between genocide as defined by the United Nations Convention 1948, mass murders, war crimes and other crimes against humanity. The legalistic understanding of the UN Convention has sought to reproduce genocide denial to exclude the experiences of Africans, Roma peoples and the Armenian genocide. The question of genocidal violence and crimes against humanity cannot be confined to the legal definitions outlined by the UN Convention. Whether episodes of genocide occurred in Biafra and Darfur cannot obscure the urgent need to highlight all forms of genocidal violence, war crimes and crimes against humanity. This tradition of excluding the history of genocidal violence came back to haunt Europe and North America as these societies faced the specter of neo fascism.

The fragility of capitalism and the rise of white supremacy in the era of the military management of the international system is challenging African thinkers and progressives to steel themselves in the context of multiple forms of warfare: trade wars, financial wars, cyber wars and biological warfare. Wamba-dia-Wamba had noted that “Emancipatory Politics does not always exist: when it does, it exists under conditions. It is thus precarious and sequential” [1993: 96]. The precariousness of the current moment under neo fascists all over the white world pointed out the need for a thorough break with old conceptions of International Relations. It is this break that renders the complicity of mainstream Europeans with genocide not at the level of individuals but at the level of the core ideas of modernity.

After the First World War the anti-racist forces on both sides of the Atlantic had sounded

the warning about fascism. Samir Amin in the context of the World Social Forum has called for audacity, declaring that, “What is on the agenda now is the deconstruction of the existing system — its implosion — and reconstruction of national alternative systems (for countries or continents or regions), as some projects in South America have already begun. Audacity here is to have the courage to move forward with the strongest determination possible, without too much worry about the reaction of imperialism” [Amin 2019: 401].

In this paper there was an attempt to outline both the actuality of realism that denied the existence of Africans as human beings and the realities of globalization and the biotech century. Radical African feminists as militants of the emancipatory project exposed the limits of androcentrism and the religions of oppression. The intervention of women in the streets of Cairo and Khartoum heralded profound challenges to the alliance between imperialism and Islamic fundamentalism. The interventions from Soweto to Tahrir Square bring out new lessons for organizing politics.

No single state or party can solve the problem of the crippling foreign debt, dire economic hardship, the income differential, the male female violence, economic decline, environmental degradation, infrastructural collapse, inadequate educational facilities and the power of the international financial institutions. The limits of the armed struggles and the liberation narrative are informing the elements of emancipatory politics. Grassroots African women are taking the lead in this exercise.

These questions require a new social movement that will mobilize all strata and patriotic forces to face these challenges.

Received / Поступила в редакцию: 28.01.2020
Accepted / Принята к публикации: 10.03.2020

References / Библиографический список

- Abendroth, M.G. (2005). *Cuba's National Literacy Campaign: A Mass Movement of Emancipatory Global Civic Education*. PhD dissertation. University of St Thomas, Minnesota.
- Ake, C. (1982). *Social Science as Imperialism: A Theory of Political Development*. Ibadan: Ibadan University Press.
- Amadiume, I. (1987). *Male Daughters, Female Husbands: Gender and Sex in African Society*. London: Zed Books.

- Amadiume, I. (2000). *Daughters of the Goddess, Daughters of Imperialism: African Women, Culture, Power and Democracy*. London: Zed Books.
- Amin, S. (2004). *The Liberal Virus: Permanent War and the Americanization of the World*. New York: Monthly Review Press.
- Amin, S. (2019). *The Long Revolution of the Global South: Toward a New Anti-Imperialist International*. New York: Monthly Review Press.
- Amin, S. (2013). Audacity and More Audacity. *Review of Radical Political Economics*, 45 (03), 400—409. DOI: 10.1177/0486613413482277
- Ayers, A. (2012). An Illusion of the Epoch: Critiquing the Ideology of “Failed States”. *International Politics*, 49 (05), 568—590. DOI: 10.1057/ip.2012.16
- Bayart, J.F. (1993). *The State in Africa: The Politics of the Belly*. London: Longmans.
- Brautigam, D. (2009). *The Dragon’s Gift: The Real Story of China in Africa*. Oxford: Oxford University Press.
- Brooks, R. (2016). *How Everything Became War and the Military Became Everything. Tales from the Pentagon*. New York: Simon & Schuster.
- Campbell, H. (2008). The Ethics and the Enterprise of Studying Africa. *African Studies Review*, 51 (03), 149—155. DOI: 10.1353/arw.0.0120
- Campbell, H.G. (2013). *Global NATO and the Catastrophic Failure in Libya: Lessons for Africa in the Forging of African Unity*. New York: Monthly Review Press.
- Campbell, H.G. (2020). The War on Terror as a Business: Lessons from Kenya and the Somalia Interventions. *African Review*, 47 (01), 1—40. DOI: 10.1163/1821889X-12340014
- Clapham, C. (1996). *Africa and the International System: The Politics of State Survival*. Cambridge: Cambridge University Press. DOI: 10.1017/CBO9780511549823
- Collier, P. & Hoeffler, A. (2004). *Greed and Grievance in Civil War*. Oxford Economic Papers, 56 (04), 563—595. DOI: 10.1093/oeq/gpf064
- Crocker, C.A., Hampson, F.O. & Aall, P. (Eds.). (1996). *Managing Global Chaos: Sources of and Responses to International Conflict*. Washington: United States Institute of Peace.
- Daley, P. (2008). *Gender and Genocide in Burundi: The Search for Spaces of Peace in the Great Lakes Region*. London: James Currey.
- Daley, P. (2015). Researching Sexual Violence in the Eastern Democratic Republic of Congo: Methodologies, Ethics and the Production of Knowledge in an African Warscape. In: Coles, A., Gray, L. & Momsen, J. (Eds.). *The Routledge Handbook of Gender and Development*. London: Routledge. P. 429—440. DOI: 10.4324/9780203383117
- De Waal, A. (1997). *Famine Crimes: Politics and the Disaster Relief Industry*. London: James Currey.
- Duffield, M. (2001). *Global Governance and the New Wars: The Merging of Development and Security*. London: Zed Books.
- Fanon, F. (1969). *Towards the African Revolution*. New York: Grove Press.
- French, H. (2014). *China’s Second Continent: How a Million Migrants Are Building a New Empire in Africa*. New York: Alfred A. Knopf.
- Harvey, D. (1990). *The Condition of Postmodernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change*. Oxford: Wiley-Blackwell.
- Harvey, D. (1996). *Justice, Nature and the Geography*. Oxford: Blackwell.
- Harvey, D. (2003). *The New Imperialism*. Oxford: Oxford University Press.
- Hudson, M. (2015). *Finance as Warfare*. London: College Publications.
- Jones, B.G. (2008). The Global Political Economy of Social Crisis: Towards a Critique of the ‘Failed State’ Ideology. *Review of International Political Economy*, 15 (02), 180—205. DOI: 10.1080/09692290701869688
- Juma, C. (1989). *The Gene Hunters: Biotechnology and the Scramble for Seeds*. Princeton: Princeton University Press.
- Kaplan, R. (1994). The Coming Anarchy. *Atlantic Monthly*, 273 (02), 44—76.
- Mama, A. (1995). Feminism or Femocracy? State Feminism and Democratisation in Nigeria. *Africa Development*, 20 (01), 37—58.
- Mama, A. (2007). Is It Ethical to Study Africa? Preliminary Thoughts on Scholarship and Freedom. *African Studies Review*, 50 (01), 1—26. DOI: 10.1353/arw.2005.0122
- Mama, A. (2011). What Does It Mean to Do Feminist Research in African Contexts? *Feminist Review*, 98 (01), 4—20. DOI: 10.1057/fr.2011.22
- Maren, M. (1997). *The Road to Hell. The Ravaging Effect of Foreign Aid and International Charity*. New York: Free Press.

- Mbaku, J.M. (2020). Good and Inclusive Governance is Imperative for Africa's Future. In: *Foresight Africa: Top Priorities for the Continent 2020 — 2030*. Brookings Institution, January 8. URL: <https://www.brookings.edu/research/good-and-inclusive-governance-is-imperative-for-africas-future/> (accessed: 20.01.2020).
- Mbeng Mezui, C.A. & Duru, U. (2013). *Holding Excess Foreign Reserves Versus Infrastructure Finance: What Should Africa Do?* African Development Bank. Working Paper Series, 178. URL: https://www.afdb.org/fileadmin/uploads/afdb/Documents/Publications/Working_Paper_178_-_Holding_Excess_Foreign_Reserves_Versus_Infrastructure_Finance_-_What_should_Africa_do.pdf (accessed: 20.01.2020).
- McClintock, A. (1995). *Imperial Leather: Race Gender and Sexuality in the Colonial Context*. New York: Routledge.
- Mustapha, A.R. (2002). *States, Predation and Violence: Reconceptualizing, Political Action and Political Community in Africa*. Paper presented at 10th General Assembly of CODESRIA, Kampala, December.
- Ndikumana, L. & Boyce, J.K. (2018). *Capital Flight from Africa: Updated Methodology and New Estimates*. Political Economy Research Institute (PERI). University of Massachusetts-Amherst. URL: <https://www.peri.umass.edu/capital-flight-from-africa> (accessed: 20.01.2020).
- Neocosmos, M. (2007). Development, Social Citizenship and Human Rights: Re-thinking the Political Core of an Emancipatory Project in Africa. *Africa Development*, 32 (04), 35—70. DOI: 10.4314/ad.v32i4.57320
- Nkrumah, K. (2007). *Africa Must Unite*. London: Panaf Books.
- Piketty, T. (2014). *Capital in the Twenty-First Century*. Harvard: Harvard University Press.
- Reno, W. (1998). *Warlord Politics and African States*. Boulder: Lynne Rienner.
- Rodney, W. (1970). The Imperialist Partitioning of Africa. *Monthly Review*, 21 (11), 103—114.
- Rodney, W. (1990). *Walter Rodney Speaks: The Making of an African Intellectual*. Trenton, Africa World Press.
- Rodney, W. (2019). *The Russian Revolution: A View from the Third World*. New York: Verso Books.
- Spegele, R.D. (2014). *Emancipatory International Relations: Critical Thinking in International Relations*. London: Routledge. DOI: 10.4324/9781315768007
- Steans, J. (1998). *Gender and International Relations: An Introduction*. Cambridge: Polity Press.
- Tandon, Y. (2015). *Trade is War: The West's War against the World*. New York: OR Books.
- Wamba-dia-Wamba, E. (1993). Democracy, Multipartyism and Emancipative Politics in Africa: The Case of Zaire. *Africa Development*, 18 (04), 95—118.
- Zartman, W. (1998). *Collapsed States: The Disintegration and Restoration of Legitimate Authority*. Boulder: Lynne Rienner.
- Zezeza, P.T. (2006). The Troubled Encounter between Postcolonialism and African History. *Journal of the Canadian Historical Association*, 17 (02), 89—129. DOI: 10.7202/016592ar

About the author: *Campbell Horace G.* — PhD, Professor of Political Science and African American Studies, Maxwell School of Citizenship and Public Affairs, Syracuse University, New York, USA (e-mail: hgcampbe@syr.edu).

Сведения об авторе: *Кэмпбелл Хорас* — доктор философии, профессор политологии и афроамериканских исследований, Школа гражданства и публичной политики им. Дж. Максвелла, Сиракузский университет, Нью-Йорк, США (e-mail: hgcampbe@syr.edu).

DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-2-382-394

Научная статья

Информационная политика и информационная безопасность КНР: развитие, подходы и реализация

Т.И. Понька, М.С. Рамич, Ю. У

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Статья посвящена рассмотрению нового курса информационной политики Китайской Народной Республики, который стало проводить «пятое поколение» лидеров КНР после XVIII съезда Коммунистической партии Китая (КПК) в 2012 г. По итогам данного съезда КПК была выдвинута стратегия «Сильного сетевого государства», которая предполагает не только обеспечение кибербезопасности страны, но и использование сетевого потенциала для развития национальной экономики. Новая информационная политика КНР была вызвана резко возросшей ролью информационно-коммуникационных технологий в международных процессах и смещением фокуса международных отношений в Азиатско-Тихоокеанский регион. Основой информационной политики КНР является наличие наиболее современных технологий в ИТ-сфере и активное использование частных компаний для регулирования внешней и внутренней информационной безопасности. Актуальность данного исследования обусловлена возросшим научным интересом к опыту ведущих стран мира по вопросу регулирования в данной области. Китай является одним из лидеров в области научно-технических разработок и активно использует их для реализации задач в области внутренней и внешней политики. Уникальный сетевой ландшафт, который сформировался под влиянием государственной политики по контролю за публикуемым контентом и за счет разделения рынка цифровых услуг между тремя наиболее крупными информационными корпорациями (Baidu, Tencent и Alibaba), стал неотъемлемой частью системы обеспечения информационной безопасности страны и требует тщательного изучения. Целью статьи является выявление эволюции стратегии развития информационной политики КНР и ресурсов для ее реализации. Исследование информационной политики КНР проводится на внешнем и на внутреннем уровне. В статье также рассматриваются угрозы информационной безопасности КНР и проводится анализ подходов к ее обеспечению. Результатами исследования являются выводы, которые показывают роль и место информационной политики во внешней политике КНР, структуру системы обеспечения информационной безопасности и стратегические подходы к регулированию международных отношений в киберпространстве.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика, информационная безопасность, кибербезопасность, информационная политика, киберпространство, Интернет, информационные технологии

Благодарности: Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ № № 20-514-92001 ВАОН «Российско-вьетнамское сотрудничество в контексте современной геополитической ситуации в Восточной Азии».

Для цитирования: Понька Т.И., Рамич М.С., У Ю. Информационная политика и информационная безопасность КНР: развитие, подходы и реализация // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20. № 2. С. 382—394. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-2-382-394

Information Policy and Information Security of PRC: Development, Approaches and Implementation

T.I. Ponka, M.S. Ramich, Y. Wu

RUDN University, Moscow, Russian Federation

Abstract. The subject of the study is the new course of the PRC information policy, which was launched by the “Fifth generation” of the PRC leaders after the 18th Congress of the Chinese Communist Party in 2012. As a result, after the 18th Congress of the CPC was started the implementation of the “Strong cyberpower” strategy, which implies not only ensuring cyber security in the country, but also the usage of network resources to develop the national economy. China’s new information policy was caused by the sharply increased role of information and communication technologies in international processes and the shift in the focus of international relations to the Asia-Pacific region. The PRC’s information policy is based on the most advanced technologies in the IT sphere and the cooperation with private companies on regulating external and internal information security. The relevance of the research topic is due to the increasing role of ICT in international processes. In this context, the most important are the positions of the leading countries of the world to regulate this area, as well as the mechanisms and tools used by them. The People’s Republic of China is one of the leaders in the field of scientific and technical developments and actively uses its achievements to accomplish tasks in the field of domestic and foreign policy. In this regard, the purpose of the study is to analyze and compare the development strategies of the PRC information policy and the resources that are necessary for their implementation. The unique network landscape, which was formed under the influence of government policy on control over published content and the sharing of digital services market among the three largest information corporations (Baidu, Tencent and Alibaba), has become an essential part of the country’s information security system and requires detailed study. The purpose of the article is to identify the evolution of China’s information policy development strategy and resources for its implementation. This article also discusses the threats to the information security of the People’s Republic of China and analyzes the approaches to ensuring it. The results of the study are the conclusions that show the role and place of information policy in the PRC foreign policy, the structure of the information security system and strategic approaches to the regulation of international relations in cyberspace.

Key words: People’s Republic of China, information security, cybersecurity, information policy, cyberspace, Internet, information technologies

Acknowledgements: The study was supported by the RFBR grant No. 20-514-92001 VAON “Russian-Vietnamese Cooperation in the Context of the Current Geopolitical Situation in East Asia”.

For citation: Ponka, T.I., Ramich, M.S. & Wu, Y. (2020). Information Policy and Information Security of PRC: Development, Approaches and Implementation. *Vestnik RUDN. International Relations*, 20 (2), 382—394. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-2-382-394

В настоящее время во многих странах мира осознали необходимость применения конструктивистской парадигмы к формированию внешней политики государства. Это связано с тем, что на политику государств стали оказывать большое влияние негосударственные акторы, такие как транснациональные компании, средства массовой информации и влиятельные исследовательские центры. А такие процессы, как глобализация и информатизация, вынуждают сами страны изобретать и применять новые подходы к решению своих внешнеполитических задач. Вместе со стремительным социально-экономическим подъемом стран Азиатско-

Тихоокеанского региона фокус международных отношений смещается на Восток, вместе с этим возрастают роль и участие стран региона в формировании глобальной повестки дня.

Киберпространство в отличие от других пространств межгосударственного взаимодействия представляет собой искусственную виртуальную среду, с помощью которой соединены устройства, расположенные в различных государствах, и его структура может изменяться [Ebert, Maurer 2013]. Кроме того, именно киберпространство расширило возможности влияния негосударственных акторов на мировую политику, что, в свою

очередь, создало новые вызовы для обеспечения национальной безопасности стран мира [Nye 2011].

Уникальным отличием киберпространства как поля взаимодействия является то, что оно выступает не только инструментом влияния, но и само воздействует на более традиционные пространства межгосударственного взаимодействия [Sheldon 2014]. Более того, деятельность в киберпространстве обходится значительно дешевле, чем в других политических пространствах. Это обусловливается доступностью информационно-коммуникационных технологий и воспроизводимостью данных, находящихся в киберпространстве, что в значительной мере усложняет возможность уничтожения кибероружия или элементов влияния, таких как пропагандистские веб-сайты и др. [Sheldon 2011]. Сайт может быть заблокирован или удален, однако нет никаких гарантий, что через пару часов он не появится во всемирной сети по новому адресу. КНР как одна из наиболее влиятельных стран в мире в значительной мере обеспокоена обеспечением «информационной безопасности». Это обусловлено тем, что ее родной регион стал полем для информационных столкновений [Кошурникова 2016].

Си Цзиньпин после своего вступления в должность Председателя КНР стал уделять особое внимание проблемам информационной безопасности. По итогам XVIII съезда КПК была выдвинута стратегия «Сильного сетевого государства», которая подразумевает не только обеспечение кибербезопасности страны, но и использование сетевого потенциала для развития национальной экономики. В настоящее время именно информационные технологии стали главным драйвером развития экономики КНР [Fei 2011: 186]. В апреле 2018 г., выступая на Национальной конференции по кибербезопасности и информатизации, Си Цзиньпин отметил, что Китай неизменно следует собственному пути регулирования сети Интернет и движется к цели становления «сильным сетевым государством»¹. Это говорит о том, что руководство

¹ Xi Jinping: Zizhu chuangxin tuijin wangluo qiangguo jianshe. 2018-04-21 [Выступления Председателя КНР

КНР уделяет особое внимание данной сфере и пытается использовать все возможные методы для повышения сетевого потенциала государства.

Основы информационной политики КНР

КНР обладает всеми необходимыми условиями для становления «сильным сетевым государством», для этого у нее есть и ресурсы, и эффективная система государственных институтов. На данный момент Китай является крупнейшим в мире интернет-сообществом, количество активных пользователей внутри страны составляет 854 млн человек², что больше, чем количество пользователей в США и ЕС одновременно. Однако необходимо учитывать, что в процентном соотношении лишь 60,1 % жителей КНР являются пользователями Интернета, а остальные 39,9 % потенциально могут получить доступ к всемирной сети в ближайшее время. Кроме того, Китай обладает уникальным сетевым ландшафтом, на котором доминируют исключительно национальные компании. Это связано с очень жесткой цензурой со стороны китайского законодательства. Многие интернет-ресурсы, которые занимают большую часть западного рынка, не имеют доступа к китайскому Интернету.

Фундаментом для проведения информационной политики КНР выступают: правительственные концепции и инициативы, направленные на комплексное развитие ИТ-сферы в КНР, начиная с производства инновационного оборудования и заканчивая созданием современного программного обеспечения; представители крупного бизнеса в ИТ-сфере, которые слишком влиятельны на внутреннем рынке и не позволяют выйти на него

Си Цзиньпина на Национальной конференции по кибербезопасности и информатизации 20—21 апреля 2018 г.] (на китайском языке) // Xinhuanet. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2018-04/21/c_1122719810.htm (дата обращения: 05.01.2019).

² Asia Internet use, population data and Facebook statistics // Internet World Stats. URL: <https://www.internetworldstats.com/stats3.htm> (accessed: 08.01.2020).

новым игрокам; эффективные системы контроля Интернета, которые выступают своеобразным барьером для внешних акторов, стремящихся получить доступ к китайскому рынку. Новые технологии, такие как искусственный интеллект, облачные вычисления и анализ больших объемов данных (big data), при использовании сети 5G позволят придать новый импульс развитию информационно-коммуникационных технологий через внедрение систем умных городов, «Интернета вещей» и т. д. [Hong, Harwit 2020].

В 2010 г. Информационное бюро Государственного совета КНР опубликовало «Белую книгу» по основным положениям политики КНР в отношении регулирования Интернета. В данном документе уделялось особое внимание следующим направлениям: популяризации и распространению Интернета среди населения, повышению уровня доступности Интернета, гарантированию прав и свобод в интернет-пространстве, управлению Интернетом, обеспечению кибербезопасности и международного сотрудничества в этой области³.

Следует отметить, что впервые китайское правительство поставило вопросы обеспечения информационной и кибербезопасности в один ряд с национальной безопасностью страны, был введен в оборот термин «Интернет-суверенитет». Таким образом, Китай обозначил исключительное право на регулирование своей внутренней сети, что было сделано ввиду усиления влияния внешних акторов — это касалось не только отдельных государств, таких как США, но и негосударственных структур [Lewis 2017]. Интернет-суверенитет необходим для того, чтобы в процессе развития цифровой среды можно было сконцентрироваться на вопросах материального благополучия и справедливого развития, не останавливаясь на вопросах обеспечения безопасности, конфиденциальности и борьбы за управление интернетом [Hong, Goodnight 2020].

³ The Internet in China // Information Office of the State Council of the People's Republic of China. URL: <http://www.scio.gov.cn/zxbd/nd/2010/Document/667385/667385.htm> (accessed: 05.01.2019).

Для реализации своей информационной политики КНР начала создавать современную технологическую базу. Для обеспечения себе лидерства в ИТ-сфере в 2016 г. в КНР приняли «Национальную стратегию информатизации и развития». Данная стратегия подразумевает, что к 2020 г. китайские технологии достигнут мирового уровня и будут конкурентоспособными на мировом рынке; к 2025 г. должна быть построена международная сеть мобильной связи, которая будет обеспечиваться передовыми технологиями и программным обеспечением, что позволит КНР повысить конкурентоспособность своей экономики и решить вопросы кибербезопасности; к середине XXI в. КНР должна стать «сильным сетевым государством» и оказывать значительное влияние на процесс информатизации во всем мире, опираясь на концепцию социализма с китайской спецификой⁴. Таким образом, Китай нацелен на лидерство как в сфере производства высокотехнологичной продукции, так и в сфере создания современного программного обеспечения. Данная стратегия объединила в себе идеи, которые были заложены в стратегических инициативах «Интернет плюс» и «Делай в Китае — 2025».

На данный момент на долю Китая приходится около 50 % всех интернет-платежей в мире и три четверти мирового рынка интернет-кредитования. Успех информационной политики КНР во многом был обеспечен популярностью смартфонов среди китайских пользователей, которые предпочитают пользоваться интернет-ресурсами через мобильные устройства⁵. Интернет стал основным пространством как для частного общения, так и для ведения бизнеса, а благодаря протекции-

⁴ Zhonggong zhongyang bangong ting guowuyuan bangong ting yinfa “guojia xinxi hua fazhan zhanlue gangyao” [Национальная стратегия информатизации и развития КНР] (на китайском языке) // Сайт Государственного совета КНР. URL: http://www.gov.cn/zhengce/2016-07/27/content_5095336.htm (дата обращения: 06.01.2019).

⁵ Lee J. The rise of China's tech sector: The making of an internet empire // The Interpreter. 2015. URL: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/rise-china-tech-sector-making-internet-empire> (accessed: 07.01.2019).

онистской политике китайского правительства и жесткой интернет-цензуре на внутреннем китайском рынке доминируют исключительно китайские компании, такие как Alibaba, Tencent и Baidu. Эти цифровые гиганты стараются занять возможные сектора рынка цифровых услуг посредством создания приложений и агрессивно вытесняют конкурентов.

Такое положение на китайском интернет-рынке называют «Троецарствием» по аналогии с классическим китайским романом XIV в.⁶ Под «тремя царствами» подразумевают: Baidu, которая лидирует в поисковом сегменте (его часто называют «китайским Google»), Alibaba, которая контролирует сегмент электронной коммерции и постоянно увеличивает количество функционирующих площадок, а Tencent является лидером в области социальных медиа, владея крупнейшей в Китае социальной сетью WeChat и большим количеством платформ, предоставляющих развлекательные услуги. В таких условиях у зарубежных компаний нет возможности выйти на китайский рынок — их останавливает необходимость конкурировать с уже устоявшимися лидерами на рынке цифровых услуг и сложность адаптации к китайским законам и условиям ведения бизнеса. В то же время разделение рынка между несколькими крупными компаниями означает, что государству достаточно контролировать несколько компаний для эффективного управления большинством процессов в сети [Creemers 2017: 95].

Таким образом, КНР, поддерживая свои технологические стартапы и проводя политику жесткой интернет-цензуры, фактически изолировала свой внутренний рынок от иностранного вмешательства. Такие мировые гиганты, как Google, Facebook и Amazon не имеют прямого доступа к китайскому рынку. В первые годы после начала активных блокировок на территории Китая стали популярны VPN-сервисы (Virtual Private Network —

виртуальная частная сеть), которые позволяли обойти запрет, используя специализированное программное обеспечение, но на данный момент сервисы обхода цензуры запрещены и полиция активно борется с использованием подобных приложений.

Для китайских компаний, лидирующих в сфере информационных технологий, приоритетным направлением является экспорт своих товаров и услуг для расширения своего влияния в мире. И в то время, когда США и страны Европы относятся с опасением к приобретению товаров и услуг, связанных с обеспечением информационной безопасности, развивающиеся страны в большинстве своем не разделяют эту точку зрения, особенно принимая во внимание, что Китай предлагает более выгодные условия и гарантии [Cheung 2018].

Система обеспечения информационной безопасности КНР

В целях реализации своей информационной политики КНР необходимо обеспечить информационную безопасность. В «Национальной стратегии безопасности в киберпространстве КНР» информационная безопасность определяется как залог политической стабильности в стране. И для ее обеспечения необходимо защититься от любых видов вмешательства в политическую, социальную и культурную жизнь государства. Данная стратегия подразумевает не только деятельность, направленную на обеспечение кибербезопасности страны, но и на защиту законных прав своих граждан в сети Интернет⁷. В большинстве стран мира кибербезопасность достигается за счет безопасности компьютеров, сетей и данных, однако в Китае больший акцент делается именно на информационную безопасность [Heinl 2017: 139].

Китаю для обеспечения кибербезопасности необходимо добиться превосходства

⁶ Yuan B.L. Kingmakers of China's Internet: Baidu, Alibaba and Tencent // Wall Street Journal. 21.10.2015. URL: <https://www.wsj.com/articles/kingmakers-of-chinas-internet-baidu-alibaba-and-tencent-1445451143> (accessed: 07.01.2019).

⁷ “Guojia wangluo kongjian anquan zhanlue” quanwen. 2016-12-27 [Национальная стратегия безопасности в киберпространстве] (на китайском языке) // Xinhuanet. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2016-12/27/c_1120196479.htm (дата обращения: 06.01.2019).

в производстве высокотехнологичного оборудования и вычислительных мощностей.

В 2016 г. было завершено строительство квантовой коммуникационной линии Пекин — Шанхай, которая, по заявлениям главы проекта профессора Пан Цзяньвэя, является устойчивой к хакерским атакам⁸. Основными спонсорами этого проекта выступили Центральный военный совет КНР и Торгово-промышленный Банк Китая (ICBC)⁹. Задача данной коммуникационной линии — обеспечить бесперебойную передачу зашифрованных данных.

Больших успехов КНР достигла и в рамках создания суперкомпьютеров — на сегодняшний день страна обладает наибольшим их количеством в мире (228 машин). Среди них «Тяньхэ» (Tianhe-1A), созданный Оборонным научно-техническим университетом Народно-освободительной армии Китая (НОАК) и оставшийся самым мощным суперкомпьютером с 2013 по 2015 г. В 2018 г. он был обновлен до версии «Тяньхэ-2» (Tianhe-2A) и сегодня занимает четвертое место в глобальном рейтинге. Необходимо отметить, что третье место в рейтинге принадлежит также китайскому суперкомпьютеру «Санвэй» (Sunway TaihuLight), который находится в Национальном центре суперкомпьютеров в г. Уси. На ноябрь 2019 г. из 500 самых мощных суперкомпьютеров мира в КНР находятся 45,6 %¹⁰. Таким образом, КНР уже обеспечила себе определенное лидерство в области цифровых технологий, создав все необходимое программное обеспечение для функционирования данного оборудования.

Подготавливая технологическую базу для обеспечения своей информационной безопасности, в Китае параллельно создается

структура сотрудничества между государственными и негосударственными структурами для эффективного реагирования на все новые тенденции в киберпространстве.

Высшее руководство информационной политикой выполняет Центральный Военный Совет, кроме того, в данном процессе задействованы профильные министерства, такие как Бюро общественной информации и надзора за сетевой безопасностью, Министерство общественной безопасности, Министерство науки и технологий КНР и другие узконаправленные правительственные институты. Ключевым отличием от большинства стран мира является то, что в Китае большое влияние на реализацию информационной политики оказывает Коммунистическая партия Китая. Координирующую роль играет Центральная комиссия по киберпространству, в которую входят председатель КНР Си Цзиньпин, премьер Государственного совета КНР Ли Кэцян и главы профильных министерств и комиссий.

Главным государственным проектом в сфере обеспечения информационной безопасности является проект «Золотой щит». За его реализацию отвечает Бюро общественной информации и надзора за сетевой безопасностью. «Золотой щит» — это один из ведущих проектов КНР в области создания электронного правительства. За счет регулирования информации и создания благоприятного информационного фона данный проект позволяет повысить осведомленность граждан о назначении электронного правительства и улучшить их общее мнение на счет подобных инициатив [Wang, Lai 2015]. Поддержка населения страны обуславливает создание безопасного и благоприятного климата в киберпространстве КНР, который потенциально будет способствовать развитию всех отраслей социально-экономической жизни Китая.

Говоря об участии негосударственных структур в процессе регулирования киберпространства, стоит упомянуть о сотрудничестве правительства КНР с такими компаниями, как Huawei, Venustech, Qihu 360, Leadsec и Westone. Ресурсы данных компаний используются для обеспечения информационной

⁸ Zhihao Z. Beijing-Shanghai quantum link a “new era” // China Daily. 30.09.2017. URL: http://www.chinadaily.com.cn/china/2017-09/30/content_32669593.htm (accessed: 10.01.2019).

⁹ Moore M. China builds computer network impenetrable to hackers // The Telegraph. November 07, 2014. URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/asia/china/11216766/China-builds-computer-network-impenetrable-to-hackers.html> (accessed: 10.01.2019).

¹⁰ TOP500 official website. URL: <https://www.top500.org> (accessed: 08.01.2020).

безопасности во время проведения крупномасштабных политических, экономических, культурных и спортивных мероприятий на территории КНР, что уже является одним из итогов действующего политического курса на информатизацию [Разумов 2017]. За счет сотрудничества с частными компаниями НОАК получает доступ к передовым разработкам в области ИКТ. Таким образом, развитие собственного инновационного потенциала рассматривается как одно из средств обеспечения кибербезопасности страны [Ибрагимова 2013: 181].

Обратной стороной такого сотрудничества становится недоверие к китайским технологическим компаниям в мире, что повсеместно становится причиной запрета их продукции в США, Австралии и странах Европы [Segal 2017: 18]. Необходимо отметить, что компания Huawei в 2016 г. представила «Белую книгу по кибербезопасности», которая потенциально может стать ориентиром развития других стран и компаний в данной области. Приоритетами развития эксперты Huawei считают понимание основных угроз глобальной цепи производства, исходящих из киберпространства, понимание и умение идентифицировать и устранить угрозу, а также создание внутренних и внешних структур для обеспечения работы всей системы¹¹.

Одним из элементов системы кибербезопасности должен стать эффективный файрволл (firewall), который будет обеспечивать безопасность внутри системы и от внешних угроз. Если переложить китайскую концепцию «гармоничного мира» на киберпространство, то ситуация, где все государства будут использовать единые протоколы защиты и станут участниками общего международного соглашения по нормам и правилам поведения в киберпространстве, полностью соответствовала бы данной концепции.

Внешняя информационная безопасность КНР

Еще одним важным аспектом обеспечения информационной безопасности КНР является обеспечение внешней безопасности страны. В свете роста экономики и влияния Китая в мире появляется все больше вопросов международной повестки дня, где сталкиваются интересы какого-либо государства и КНР. В последнее время обострились трения между КНР и США. В частности, одной из причин ухудшения отношений стали именно вопросы кибербезопасности и защиты интеллектуальной собственности. Это связано в том числе и с тем, что наиболее уязвимыми секторами экономики для кибератак являются финансовый сектор и сфера информационных технологий (ИКТ), в это же время развитие этих секторов повышает уровень готовности противостоять угрозам, исходящим из киберпространства [Makridis, Smeets 2019]. Именно поэтому Китай идет по пути создания максимально самодостаточной и защищенной информационной среды внутри страны, которая позволила бы защитить уязвимые сектора экономики от кибератак.

Разоблачения бывшего сотрудника ЦРУ Э. Сноудена в 2013 г. стали стимулом к активному развитию кибербезопасности в Китае [Schia, Gjesvik 2017: 3]. В частности, квантовая коммуникационная линия, о которой говорилось ранее, является одним из элементов данной системы. Политические круги и народ Китая резко негативно отреагировали на подобные действия со стороны США, что позволило китайскому правительству пойти на более решительные меры: был расширен штат сотрудников, занимающихся ручным фильтрованием информации в китайском Интернете, а также началось активное совершенствование компонентов искусственного интеллекта (ИИ-компонентов) «Золотого щита».

Таким образом, фильтрация информации происходит на трех уровнях:

— первый уровень — блокирование крупных внешних ресурсов, таких как крупные социальные медиа, новостные и прочие

¹¹ Huawei Cyber Security White Paper // Huawei. June 2016. URL: <https://www.huawei.com/en/about-huawei/cyber-security/whitepaper/huawei-cyber-security-white-paper-2016> (accessed: 11.01.2019).

электронные ресурсы, которые не согласны сотрудничать с правительством КНР, не соблюдают законы страны или в негативном свете представляют политику КНР и КПК. Его также называют «Великий китайский файрволл»;

— второй уровень — ИИ-алгоритмы, которые осуществляют мониторинг всех типов контента на предмет соответствия законодательству страны и осуществляют его оперативную блокировку;

— третий уровень — ручной мониторинг контента в сети Интернет работниками Бюро общественной информации и надзора за сетевой безопасностью.

Кроме того, некоторые западные исследователи приписывают КНР создание так называемой «50-фэневой армии» (*wumaodan*) — группы людей или ботов, которые занимаются публикацией проправительственной информации и дискредитацией пользователей, публикующих антиправительственный контент. Предполагается, что к участию в данном проекте привлекаются журналисты, блогеры и прочие медийные личности [King, Pan, Roberts 2017]. Работая над национальным файрволлом, Китай сталкивается с необходимостью сохранения баланса в отношении регулирования иностранного присутствия в китайском интернет-пространстве. Дилемма заключается в необходимости выбора между уменьшением идеологического контроля внутри страны или уменьшением возможностей для международного экономического сотрудничества [Lindsay 2015: 19].

Принимая во внимание все риски и возможности, КНР создает благоприятный информационный климат внутри страны и не дает воздействовать на него извне, в частности, тщательно фильтруются любые статьи и высказывания по поводу таких чувствительных для Китая вопросов, как Тайвань, Тибет и территориальные споры в Южно-Китайском море (ЮКМ). А в связи с началом торговой войны с США и продолжающимся информационным противостоянием между странами роль обеспечения кибербезопасности во внешней политике КНР возросла. Соперничество КНР и США ускоряет процесс

милитаризации киберпространства, что становится причиной увеличения напряженности и вовлечения новых акторов в гонку вооружений в киберпространстве, создавая угрозу для сети Интернет, которая имеет существенное значение для развития глобализации [Антипов 2013: 43].

Американские исследователи воспринимают КНР как угрозу для США в киберпространстве. В докладе Центра стратегических и международных исследований (CSIS) говорится, что с 2006 г. Китай выступал агрессором в киберпространстве в 108 инцидентах в то время, когда на него было совершено всего 25 нападений, в свою очередь США выступали агрессором только в 9 случаях, а жертвой агрессии — в 117 случаях¹². Необходимо отметить, что в данном случае имеется в виду общее количество инцидентов, а не только те, в которых задействованы США и КНР. Однако на основе данной информации можно сделать выводы, что Китай ведет агрессивную политику в киберпространстве и предпочитает наступательные действия. Учитывая, что данный аналитический центр предоставляет материалы правительству США, скорее всего, именно такой позиции придерживаются правящие круги в Вашингтоне.

Китайские специалисты, в свою очередь, считают, что агрессором выступают именно США: в частности, они утверждают, что США используют киберпространство для усиления своей гегемонии в мире и давления на Китай за счет ухудшения политической ситуации вокруг тем Тайваня, Тибета, Синьцзян-Уйгурского автономного района и спорных территорий в Южно-Китайском море¹³. Говоря о подобных инцидентах, необходимо помнить о сложности быстрого определения агрессора в киберпространстве,

¹² Significant Cyber Incidents // CSIS. URL: <https://www.csis.org/programs/cybersecurity-and-governance/technology-policy-program/other-projects-cybersecurity> (accessed: 12.01.2019).

¹³ Saalman L. New domains of crossover and concern in cyberspace // Stockholm International Peace Research Institute. July 26, 2017. URL: <https://www.sipri.org/commentary/topical-background/2017/new-domains-crossover-and-concern-cyberspace> (accessed: 20.01.2019).

поэтому на данный момент проблема атрибуции¹⁴ стоит наиболее остро [Manson 2011].

Одним из способов косвенного определения агрессора является поиск государства, для которого результаты кибератаки наиболее выгодны, но никаких гарантий такой подход не дает. Если обратиться к общедоступным данным, то чаще всего появляются данные об атаках, в которых может быть заинтересована КНР. Речь идет о ряде кибератак на структуры, связанные с территориальными спорами КНР в ЮКМ. Наиболее примечательной является DDoS-атака на сайт Международного трибунала в Гааге в 2015 г., когда проходили слушания по делу Филиппин против Китая по вопросу регулирования территориальной принадлежности ряда островов в ЮКМ¹⁵.

В свою очередь, КНР неизменно выступает за усиление роли ООН в урегулировании конфликтных ситуаций в рамках киберпространства. КНР была в числе государств, которые выступали за принятие международного документа о взаимном отказе от кибератак на стратегическую инфраструктуру. Здесь Китай солидарен с проектом конвенции, который был выдвинут Россией. Сущность данного проекта заключается во всеобъемлющем сотрудничестве стран мира по вопросу предупреждения преступлений в сфере высоких технологий. Однако данный проект столкнулся с резкой критикой со стороны США и ЕС, и на данный момент невозможность договориться и найти компромисс тормозит процесс

¹⁴ Атрибуция кибератаки — совокупность технических методов и организационных мероприятий с целью установления злоумышленника или преступной группировки, стоящей за кибератакой или вредоносной кампанией. Обычно процесс атрибуции состоит из работы ИБ-специалистов, изучающих следы киберпреступления и выполняющих технический анализ взлома, а также следственных действий, проводимых правоохранительными органами на основании выводов аналитиков (Атрибуция кибератаки // Энциклопедия «Касперского». URL: <https://encyclopedia.kaspersky.ru/glossary/cyber-attribution/> (дата обращения: 06.03.2019)).

¹⁵ Tweed D. Chinese Hackers Hit U.S. Firms Linked to South China Sea Dispute // Bloomberg. March 16, 2018. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2018-03-16/china-hackers-hit-u-s-firms-linked-to-sea-dispute-fireeye-says> (accessed: 15.01.2019).

принятия данной конвенции [Ватрушкин 2017].

КНР на данный момент способна в полной мере обеспечить свою кибербезопасность за счет наличия полного спектра необходимых для этого технологий, институтов и нормативно-правовой базы. Согласно китайскому законодательству, право регулировать Интернет на территории КНР имеют только китайские государственные структуры. Положения относительно регулирования Интернета в КНР сформулированы в «Законе КНР о безопасности сети Интернет», принятом в 2016 г. Там же отмечается, что все аспекты сетевой информации, касающиеся военной сферы, регулируются Центральным военным советом¹⁶.

В высшем руководстве КНР ставят в один ряд понятия национальной и кибербезопасности, что неоднократно было отмечено в речах председателя КНР Си Цзиньпина. Проект «Золотой щит» является эффективным инструментом защиты от внешних информационных угроз, а также позволяет вести надзор за всем контентом, публикуемым на просторах китайского киберпространства. Вместе с этим, по некоторым данным, правительство КНР спонсирует деятельность групп лиц, публикующих контент, популяризирующий текущий политический курс. В этом процессе помимо обычных пользователей задействованы популярные медийные личности, блогеры, представители науки и культуры, которых можно охарактеризовать как «лидеров мнений» (Key Opinion Leaders).

На уровне технологий Китай спонсирует создание внутренней защищенной сети на основе квантового шифрования: первый участок — квантовая коммуникационная линия Пекин — Шанхай уже была введена в эксплуатацию. Также правительство активно сотрудничает с крупными компаниями-производителями высокотехнологичных продуктов внутри страны, а также с представителями

¹⁶ Zhonghua renmin gongheguo wangluo anquan fa [Закон КНР о безопасности сети Интернет] (на китайском языке) // Офис комиссии по киберпространству КНР. URL: http://www.cac.gov.cn/2016-11/07/c_1119867116.htm (дата обращения: 06.01.2019).

самых крупных социальных медиа в стране не только для контроля над Интернетом, но и для стимулирования развития экономики.

Вместе с тем очевидно, что КНР обладает и наступательным потенциалом в киберпространстве. Косвенными подтверждениями этого являются доклады западных аналитических центров по поводу сетевых атак на структуры, деятельность которых отвечает национальным интересам КНР; на уровне международного взаимодействия КНР выступает за создание единого международно-правового документа, регулирующего эту область, в котором будут учтены интересы всех стран на основе равенства и взаимности. Такой подход полностью отвечает концепции «гармоничного мира», которая является одной из доминирующих в курсе нынешнего поколения лидеров КНР.

Основным же соперником КНР в киберпространстве являются США. Корень противостояния лежит в изначально разном понимании того, что такое информационная безопасность и кибербезопасность. В США и Европе обычно используют термин «кибербезопасность» и уделяют больше внимания вопросам безопасности технической составляющей Интернета, в то время как в Китае ключевое внимание уделяется информационной безопасности — регулированию контента в рамках национальной сети и контролю за ее поступлениями извне [Булавин 2014]. Соперничество США и КНР в киберпространстве — это фактически борьба за лидерство в глобальной информационной среде, которая не ограничивается каким-либо одним аспектом и носит комплексный характер [Могі 2019].

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы относительно современной информационной политики КНР.

1. Основная задача информационной политики Китая заключается в построении «сильного сетевого государства». Для этого необходимо обеспечить лидерство КНР как в производстве высокотехнологического оборудования, так и современного программного

обеспечения для его функционирования. К настоящему моменту Китай уже занимает лидирующие позиции по данным показателям, в частности, он является обладателем мощных суперкомпьютеров «Тяньхэ-2» и «Санвэй», которые занимают третье и четвертое место в глобальном рейтинге, а также обладателем самого большого количества суперкомпьютеров в мире.

2. Перед правительством Китая, стремящегося стать «сильным сетевым государством», возникает задача создания благоприятных условий для развития национальной экономики за счет построения эффективной системы регулирования Интернета внутри страны и его защиты от внешнего воздействия. Для этого правительством КНР были созданы специализированные ведомства, приняты национальные стратегии развития и обеспечения безопасности в киберпространстве и выработана четкая позиция по вопросу международного регулирования киберпространства. Кроме того, был налажен диалог с крупнейшими национальными технологическими корпорациями.

3. Лидирующие позиции на китайском рынке цифровых услуг занимают три компании: Baidu, Tencent и Alibaba. Они ведут агрессивную политику в отношении других компаний на рынке, что в значительной мере усложняет процесс выхода иностранных компаний на китайский рынок. В то же время в Китае были воссозданы национальные аналоги всех необходимых сервисов для создания цифровой экономики, что говорит о позитивном влиянии таких действий.

4. Особое место в информационной политике КНР занимает информационная безопасность. В китайском понимании это означает одновременно и защиту ключевой инфраструктуры от кибератак, и фильтрацию контента в рамках внутренней сети. Во многом противоречия КНР и других стран мира связаны с тем, что Китай настаивает на исключительном праве на регулирование Интернета на территории страны, активно использует цензуру для фильтрации контента, запрещенного законодательством КНР и представляющего угрозу для имиджа страны и правящей партии.

5. Основным конкурентом КНР за лидерство в киберсфере являются США. Страны неоднократно обвиняли друг друга в кибершпионаже и атаках на внутреннюю инфраструктуру. После начала «торговой войны» ситуация только ухудшилась, и на данный момент не предвидится подписания какого-либо документа, регулирующего действия стран в киберпространстве.

КНР обладает всеми необходимыми ресурсами для использования цифровых технологий для стимулирования внутреннего развития и решения своих задач как во внутренней, так и во внешней политике. Определенные успехи информационной политики мы уже можем наблюдать, однако более отчетливо говорить о ее результатах можно будет после завершения ее первого этапа в 2025 г.

Поступила в редакцию / Received: 10.03.2020
Принята к публикации / Accepted: 25.04.2020

Библиографический список

- Антипов К.В.* Киберконфликт в китайско-американских отношениях и поиски диалога // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 6. С. 39—54.
- Булавин А.В.* О подходах США и Китая к обеспечению кибербезопасности // Общество: политика, экономика, право. 2014. № 1. С. 27—31.
- Ватрушкин А.А.* Правовые основы обеспечения кибербезопасности критической инфраструктуры Российской Федерации // Евразийская адвокатура. 2017. Т. 31. № 6. С. 78—84.
- Ибрагимова Г.Р.* Стратегия КНР в киберпространстве: вопросы управления интернетом и обеспечения информационной безопасности // Индекс безопасности. 2013. Т. 6. № 19. С. 169—184.
- Кошурникова Н.А.* Особенности информационной политики современного Китая // Китай: история и современность: материалы IX международной научно-практической конференции «Китай: история и современность» 22—23 октября 2015. Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2016. С. 279—284.
- Разумов Е.А.* Политика КНР по обеспечению кибербезопасности // Россия и АТР. 2017. Т. 98. № 4. С. 156—170.
- Cheung T.M.* The Rise of China as a Cybersecurity Industrial Power: Balancing National Security, Geopolitical, and Development Priorities // Journal of Cyber Policy. 2018. Vol. 3. Iss. 3. P. 306—326. DOI: 10.1080/23738871.2018.1556720
- Creemers R.* Cyber China: Upgrading Propaganda, Public Opinion Work and Social Management for the Twenty-First Century // Journal of Contemporary China. 2017. Vol. 26. Iss. 103. P. 85—100. DOI: 10.1080/10670564.2016.1206281
- Ebert H., Maurer T.* Contested Cyberspace and Rising Powers // Third World Quarterly. 2013. Vol. 34. Iss. 6. P. 1054—1074. DOI: 10.1080/01436597.2013.802502
- Fei G.* China's Cybersecurity Challenges and Foreign Policy // Georgetown Journal of International Affairs. International Engagement on Cyber: Establishing International Norms and Improved Cybersecurity. 2011. P. 185—190.
- Heinl C.H.* New Trends in Chinese Foreign Policy: The Evolving Role of Cyber // Asian Security. 2017. Vol. 13. Iss. 2. P. 132—147. DOI: 10.1080/14799855.2017.1286160
- Hong Y., Harwit E.* China's Globalizing Internet: History, Power, and Governance // Chinese Journal of Communication. 2020. Vol. 13. Iss. 1. P. 1—7. DOI: 10.1080/17544750.2020.1722903
- Hong Y., Goodnight G.T.* How to Think about Cyber Sovereignty: The Case of China // Chinese Journal of Communication. 2020. Vol. 13. Iss. 1. P. 8—26. DOI: 10.1080/17544750.2019.1687536
- King G., Pan J., Roberts M.* How the Chinese Government Fabricates Social Media Posts for Strategic Distraction, Not Engaged Argument // American Political Science Review. 2017. Vol. 111. Iss. 3. P. 484—501.
- Lewis D.* China's Global Internet Ambitions: Finding Roots in ASEAN // ICS Occasional Papers. 2017. No. 14. P. 1—28.
- Lindsay J.R.* The Impact of China on Cybersecurity: Fiction and Friction // International Security. 2015. Vol. 39. No. 3. (Winter 2014/15). P. 7—47.
- Makridis C.A., Smeets M.* Determinants of Cyber Readiness // Journal of Cyber Policy. 2019. Vol. 4. Iss. 1. P. 72—89. DOI: 10.1080/23738871.2019.1604781

- Manson G.P. Cyberwar: The United States and China Prepare For the Next Generation of Conflict // *Comparative Strategy*. 2011. Vol. 30. No. 2. P. 121—133. DOI: 10.1080/01495933.2011.561730
- Mori S. US Technological Competition with China: The Military, Industrial and Digital Network Dimensions // *Asia-Pacific Review*. 2019. Vol. 26. No. 1. P. 77—120. DOI: 10.1080/13439006.2019.1622871
- Nye J.S. Jr. Nuclear Lessons for Cyber Security // *Strategic Studies Quarterly*. 2011. Vol. 5. Iss. 4. P. 9—20.
- Segal A. Chinese Cyber Diplomacy in a New Era of Uncertainty // Hoover Institution, Aegis Paper Series. 2017. Vol. 1703. P. 1—23.
- Schia N.N., Gjesvik L. China's Cyber Sovereignty // Norwegian Institute of International Affairs Policy Brief Series. 2017. Vol. 2. P. 1—4.
- Sheldon J.B. Deciphering Cyberpower: Strategic Purpose in Peace and War // *Strategic Studies Quarterly*. 2011. Vol. 5. Iss. 2. P. 95—112.
- Sheldon J.B. Geopolitics and Cyber Power: Why Geography Still Matters // *American Foreign Policy Interests*. 2014. Vol. 36. No. 5. P. 286—293. DOI: 10.1080/10803920.2014.969174
- Wang F., Lai M. Woguo dianzi zhengwu fazhan xianzhuang yu duice yanjiu [Исследование о современном состоянии и мерах развития электронного правительства Китая] // *Renwen*. 2015. No. 15. P. 198 (на кит. яз.).

References

- Antipov, K.V. (2013). Cyber Conflict in Sino-US Relations and the Search for Dialogue. *The Far Eastern Affairs*, 6, 39—54. (In Russian).
- Bulavin, A.V. (2014). Concerning Approaches of the USA and China to Cybersecurity. *Society: Politics, Economics, Law*, 1, 27—31. (In Russian).
- Cheung, T.M. (2018). The Rise of China as a Cybersecurity Industrial Power: Balancing National Security, Geopolitical, and Development Priorities. *Journal of Cyber Policy*, 3 (3), 306—326. DOI: 10.1080/23738871.2018.1556720
- Creemers, R. (2017). Cyber China: Upgrading Propaganda, Public Opinion Work and Social Management for the Twenty-First Century. *Journal of Contemporary China*, 26 (103), 85—100. DOI: 10.1080/10670564.2016.1206281
- Ebert, H. & Maurer, T. (2013). Contested Cyberspace and Rising Powers. *Third World Quarterly*, 34 (6), 1054—1074. DOI: 10.1080/01436597.2013.802502
- Fei, G. (2011). China's Cybersecurity Challenges and Foreign Policy. *Georgetown Journal of International Affairs. International Engagement on Cyber: Establishing International Norms and Improved Cybersecurity*, 185—190.
- Heinl, C.H. (2017). New Trends in Chinese Foreign Policy: The Evolving Role of Cyber. *Asian Security*, 13 (2), 132—147. DOI: 10.1080/14799855.2017.1286160
- Hong, Y. & Goodnight, G.T. (2020). How to Think about Cyber Sovereignty: The Case of Chin. *Chinese Journal of Communication*, 13 (1), 8—26. DOI: 10.1080/17544750.2019.1687536
- Hong, Y. & Harwit, E. (2020). China's Globalizing Internet: History, Power, and Governance. *Chinese Journal of Communication*, 13 (1), 1—7. DOI: 10.1080/17544750.2020.1722903
- Ibragimova, G.R. (2013). China's Strategy in Cyberspace: The Issues Internet Governance and Information Security. *Security Index*, 2013, 19 (6), 169—184. (In Russian).
- King, G., Pan, J. & Roberts, M. (2017). How the Chinese Government Fabricates Social Media Posts for Strategic Distraction, Not Engaged Argument. *American Political Science Review*, 111 (3), 484—501.
- Koshurnikova, N.A. (2016). Specifics of Information Policy of China. *China: History and the Present. Materials of the IX International Scientific and Practical Conference "China: History and the Present"*, October, 22—23. Yekaterinburg: Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin publ. P. 279—284. (In Russian).
- Lewis, D. (2017). *China's Global Internet Ambitions: Finding Roots in ASEAN*. ICS Occasional Papers, 14, 1—28.
- Lindsay, J.R. (2015). The Impact of China on Cybersecurity: Fiction and Friction. *International Security*, 39 (3), 7—47.
- Makridis, C.A. & Smeets, M. (2019). Determinants of Cyber Readiness. *Journal of Cyber Policy*, 4 (1), 72—89. DOI: 10.1080/23738871.2019.1604781
- Manson, G.P. (2011). Cyberwar: The United States and China Prepare For the Next Generation of Conflict. *Comparative Strategy*, 30 (2), 121—133. DOI: 10.1080/01495933.2011.561730

- Mori, S. (2019). US Technological Competition with China: The Military, Industrial and Digital Network Dimensions. *Asia-Pacific Review*, 26 (1), 77—120. DOI: 10.1080/13439006.2019.1622871
- Nye, J.S.Jr. (2011). Nuclear Lessons for Cyber Security. *Strategic Studies Quarterly*, 5 (4), 9—20.
- Razumov, E.A. (2017) China's Cybersecurity Policy. *Russia and the Pacific*, 4 (98), 156—170. (In Russian).
- Schia, N.N. & Gjesvik, L. (2017). China's Cyber Sovereignty. *Norwegian Institute of International Affairs Policy Brief Series*, 2, 1—4.
- Segal, A. (2017). Chinese Cyber Diplomacy in a New Era of Uncertainty. *Hoover Institution, Aegis Paper Series*, 1703, 1—23.
- Sheldon, J.B. (2011). Deciphering Cyberpower: Strategic Purpose in Peace and War. *Strategic Studies Quarterly*, 5 (2), 95—112.
- Sheldon, J.B. (2014). Geopolitics and Cyber Power: Why Geography Still Matters. *American Foreign Policy Interests*, 36 (5), 286—293. DOI: 10.1080/10803920.2014.969174
- Vatrushkin, A.A. (2017). The Legal Framework for Cybersecurity of Russian Federation's Critical Infrastructure. *Eurasian Advocacy*, 6 (31), 78—84. (In Russian).
- Wang, F. & Lai, M. (2015). Woguo dianzi zhengwu fazhan xianzhuang yu duice yanjiu [Research on the Current Situation and Measures of China's E-Government Development]. *Renwen*, 15, 198. (In Chinese).

Сведения об авторах: *Понька Татьяна Ивановна* — кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: ponka-ti@rudn.ru).
Рамич Мирзет Сафетович — студент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: ramich_ms@mail.ru).
У Юйяо — аспирант кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: 6166480@qq.com).

About the authors: *Ponka Tatyana Ivanovna* — PhD in History, Associate Professor, the Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (e-mail: ponka-ti@rudn.ru).
Ramich Mirzet Safetovich — Student, the Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (e-mail: ramich_ms@mail.ru).
Wu Yuyao — Postgraduate Student, the Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (e-mail: 6166480@qq.com).

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS

DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-2-395-407

Research article

China's Influence in Latin America in the Brazilian Case (2002—2018)

C. Pennaforte

Federal University of Pelotas, Pelotas, Brazil

N.K. Bones

Research Group CNPq “Geopolitics and Mercosur” (GeoMercosur) and Laboratory of Geopolitics, Pelotas, Brazil

Abstract. In this paper the authors aim to establish the reasons that led the Chinese state to view Latin America as an important partner between 2002 and 2018 and try to analyse the development of Chinese presence in Latin America and its possible impacts and perspectives in the 21st century in Brazil. For that, both political and economic relations between China and Latin America's countries, especially the relations between China and Brazil, and their development are examined by using a comparative and historical approach. This paper is divided in three sections. The first part characterizes the emergence of Asia as a prominent actor within the current world system and China's participation as a major economic competitor from the 1980s. In the second section, the Chinese interest in Latin America and its importance is analysed. Finally, the influence of China in Brazil is exposed in the last section. In the conclusion, undoubtedly, the Asian country has a huge influence in areas where it conquers, especially in Latin America and Brazil, leading mainly investments and its products of both high technology and low cost. In the short term, countries that receive this type of investment see an increase in production and, consequently, an economic improvement due to the increase in the market and the consumption process. On the other hand, Latin American companies and industries do not have the technological capacity or, to a certain extent, a competitive advantage to compete with Chinese products in the long term, due to the stricter labour laws in American countries, compared to the Asian country. Hence, one of Brazil's possible strategies for meeting the challenges of expanding relations with China is to invest in greater complementarity and structural integration of the region through MERCOSUR.

Key words: Chinese Influence, Sino-Brazilian relationship, Latin America, China

Acknowledgements: Ester Kurz, member of the Research Group CNPq “Geopolitics and Mercosur” (GeoMercosur) and Laboratory of Geopolitics, International Relations and Antisystemic Movements (LabGRIMA).

For citation: Pennaforte, C. & Bones, N.K. (2020). China's Influence in Latin America in the Brazilian Case (2002—2018). *Vestnik RUDN. International Relations*, 20 (2), 395—407. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-2-395-407

© Pennaforte C., Bones N.K., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Влияние Китая на Латинскую Америку на примере Бразилии (2002—2018 гг.)

Ч. Пеннафорте

Федеральный университет Пелотас, Пелотас, Бразилия

Н.К. Бонес

Исследовательская группа Бразильского национального научного совета по геополитике и МЕРКОСУР, Пелотас, Бразилия

Статья направлена на определение причин, побудивших Китай рассматривать Латинскую Америку в качестве важного партнера в 2002—2018 гг., а также на проведение анализа развития присутствия Поднебесной в регионе, его возможные последствия и перспективы китайско-бразильского сотрудничества в XXI в. Для этого рассматриваются как политические, так и экономические отношения между КНР и странами Латинской Америки, особенно отношения между Китаем и Бразилией, и их развитие при помощи использования сравнительного и исторического подхода. Статья состоит из трех частей. В первой — характеризуется быстрое развитие Азии в качестве значимого актора современной мировой системы и рассматривается Китай в качестве основного экономического конкурента с 1980-х гг. Во второй — анализируется интерес китайской стороны к Латинской Америке и его значение в регионе. Наконец, влияние Китая на Бразилию раскрывается в последней части. Несомненно, азиатская страна имеет огромное влияние в тех областях, в которых имеет преимущество, особенно в отношении стран Латинской Америки, в частности Бразилии, в основном предоставляя инвестиции и свою высокотехнологичную продукцию по низкой стоимости. В краткосрочной перспективе в странах, получающих данные вложения, наблюдается увеличение объемов производства и, следовательно, улучшение экономической ситуации за счет роста рынка и процесса потребления. Вместе с тем, латиноамериканские компании и отрасли не обладают технологическим потенциалом или, в определенной степени, конкурентным преимуществом для соперничества с китайской продукцией в долгосрочной перспективе из-за более строгих законов о труде в американских странах по сравнению с азиатскими государствами. Следовательно, одной из возможных стратегий Бразилии для решения задач по расширению отношений с Китаем является инвестирование с целью стимулирования повышения взаимодополняемости и структурной интеграции региона через МЕРКОСУР.

Ключевые слова: китайское влияние, китайско-бразильские отношения, Латинская Америка, Китай

Благодарности: Эстер Курц, члену исследовательской группы Бразильского национального научного совета по геополитике и МЕРКОСУР, Лаборатории геополитики, международных отношений и антисистемных движений.

Для цитирования: *Pennaforte C., Bones N.K. China's Influence in Latin America in the Brazilian Case (2002—2018) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20. № 2. С. 395—407. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-2-395-407*

Introduction

China shows structural economic change since the late 1970s¹, moving from a planned economy to a market economy with remarkable efficiency [Bekerman, Dulcich, Moncaut 2013]. Amidst a process of growth, China implies

¹ “The so-called “Four Modernisations” implemented since 1978 by Deng Xiaoping represent the pursuit of the country’s desired economic growth. The four contemplated sectors — industry, agriculture, military and science & technology — are now privileged by government policies. From then on, China began to experience a period of dizzying economic growth that reflected in a process of modernisation in several areas” [Jaeger 2017: 7].

changes in its global action, gaining more space, transcending the periphery to a privileged position in the international economy and becoming an avid competitor that challenges the primacy of the United States (US) as an economic power. However, it was not only in the economic sector that China made big leaps, its political influence and diplomatic rapprochement with the so-called emerging and central countries can also be noted².

² Its influence is also noted through its participation in international blocks such as the World Trade Organization (WTO), since December 2001, the BRICS (Brazil, Russia,

China's rise as an emerging power was one of the most relevant phenomena in the world economy in recent years. China became the world's largest exporter in 2009, as well as maintained a growing and accelerating economy [Kissinger 2011; Hiratuka, Sarti 2016]; this growth stayed in the last decades of the twentieth century and accentuated in the beginning of the following century. China represents one of the most competitive economies and leads the list of strategic partners most relevant to Latin American countries, notably Brazil [Buelvas, Pastrana 2017; Bernal-Meza 2019].

This paper seeks to establish the reasons that led the Chinese state to view the region as an important partner between 2002 and 2018 and tries to analyse the development of Chinese presence in Latin America and its possible impacts and perspectives in the 21st century in Brazil.

Since 2002, there has been a further intensification of relations between the Latin American countries and China, especially due to the Asian country's entry into the World Trade Organization (WTO). There was an increase in imports from Latin American countries for Chinese products, including in some countries, this Chinese participation was shown to be more than 300 % from 2002 to 2011 [Medeiros, Cintra 2015].

According to Immanuel Wallerstein [2004], in the 1970s the US began its relative economic and ideological decline as a world power. This would be an important constraint, because of the low US fluency in the region, since it does not have a great strategic value (such as the Middle East), thus providing a favour in the conquest of space in Latin America by the Chinese.

This paper divides into three sections. The first part will aim to characterize the emergence of Asia as an adversary within the current world system and China's participation as a major economic competitor from the 1980s. In the second section, the Chinese interest in Latin America and its importance will be analysed, and finally, in the third section, the influence of China in Brazil. Finally, the authors make an

overview of expectation and reality regarding China as an emerging power and prospects for the development of Sino-Brazilian economic relations.

The Asian Economic Rise

The crisis of the Fordist regime of production (mass and serial production) in the 1970s in the central countries (USA, Western Europe, and Japan) led to the need to seek competitive and locational advantages that outweighed the fall in profits. High labour costs and stringent environmental legislation, for example, were important components of declining corporate profitability in central countries. The reality encountered by the employer class to overcome this problem was extremely difficult to solve within western central capitalist societies.

Following the death of Mao Zedong in 1976, China entered a process of social and economic transformation, consolidated from 1978 under the leadership of Deng Xiaoping [Kissinger 2011].

The leaders of the post-Mao era had an imperative to promote the industrial development of the country and needed investments and technology. From the western side, China was an important area of opportunity. Western investment would be important for the creation of an industrial park and the transfer of technology that would transform China in the following decades.

With its approach to the West since 1978, China became a major supplier of labour to produce US and European products looking for ways to increase the costs of production generated by Fordism and inflation in the 1970s. The creation of Special Economic Zones (SEZs) to host foreign industries and facilitate the export of production was one of the great achievements of Chinese leaders in the Deng Xiaoping era.

However, Chinese growth and dynamism exceeded the best expectations of analysts and researchers from around the world. Over the decades, the Chinese have succeeded in creating their own domestic market, own companies and exporting their own products, becoming a major

---

India, China and South Africa), since 2006, and their associations with Asian countries.

country within the capitalist world-system. This dynamism began to rival the central capitalist countries.

Between 1980 and 2004, China's real GDP growth averaged 9.5 %, making it the world's sixth largest economy in 1980 with a 1 % share³. Between 2005 and 2015, China increased its global share from 9.31 to 18.14 %⁴. Between 1990 and 2000, average growth was around 10 % a year⁵. In recent years, the Chinese economy has been losing its previous strength⁶: from 10.6 % in 2009, the forecast for 2019 was growth of 6.2 %⁷.

Still in the 1980s, the booming Japanese economy favoured Asia's economic expansion by inserting countries into the industrialisation process. The *spillover* of their economy, that is, the need for labour and space, meant that new countries benefited from the capitalist logic.

The Japanese relocated some of their factories to countries such as South Korea, Hong Kong, Singapore and Taiwan, aiming for cheaper labour, low-cost land and less stringent labour and environmental legislation. South Korea became global competitor by producing and developing their own brands on the world market, as with the Chinese in the late 1990s.

As can be seen, the Asian force is an example of the challenges facing the US in maintaining its economic hegemony.

China and Latin America

With China's consolidation as a power, its economic expansion into new areas would be

³ China's Economic Rise: History, Trends, Challenges, Implications for the United States // Congressional Research Service. 2020. URL: <https://fas.org/sgp/crs/row/RL33534.pdf> (accessed: 07.03.2020).

⁴ Ibid.

⁵ China registra menor crescimento econômico em 26 anos // Correio Braziliense. 20.01.2017. URL: https://www.correiobraziliense.com.br/app/noticia/economia/2017/01/20/internas_economia,566850/china-registra-menor-crescimento-economico-em-26-anos.shtml (accessed: 18.04.2019).

⁶ A more detailed study of Asian ascension is available in Giovanni Arrighi's book "Adam Smith in Beijing: Lineages of the Twenty-First Century" [Arrighi 2007], chapter "The Rise of East Asia: A Miracle or Many?"

⁷ Motta L. A conta do pouso chinês // Istoe Dinheiro. 2019. URL: <https://www.istoedinheiro.com.br/a-conta-do-pouso-chines/> (accessed: 18.04.2019).

inevitable. Both Africa and Latin America have become desired markets for export of capital, goods and services. It is worth remembering that both areas are extremely lacking investments, especially in the infrastructure sector, where Chinese participation is one of the focus of Beijing [Molina Díaz, Regalado Florido 2017].

As regards trade relations between China and Latin American countries, they began to intensify in the early 21st century, especially from 2002, with the Asian country's entry into the World Trade Organization (WTO), as well as the Chinese President Hu Jintao's visit to the region in 2004 that resulted in signing trade, cooperation and investment agreements with Latin American countries [Medeiros, Cintra 2015; Pinto 2013]. Partnership growth is obvious as in 1990 China accounted for 0.6 % of total Latin American trade, while in 2009 it jumped to 9.7 %. In 2018, the trade between Latin America and the Caribbean with China demonstrated the growth in exports and imports, continuing its upward trend in the last decade [Molina Díaz, Regalado Florido 2017], the region exported 158.6 billion USD in goods to China, and received 148.8 billion USD in Chinese imports in return⁸.

It is noteworthy that in recent decades Latin America has been standing out on the world stage, especially because it became reliable to other countries. This refers to the organisation of the international space. The region reveals as an important force to create a system based on the principles of multipolarity, as well as be known for executing sustainable development and implementing social transformation to eradicate hunger, poverty and social inequality [Sayámov 2019].

Over the years, China is looking for commodities in the international market that explains its rapid economic growth and its processes of industrialisation and urbanisation⁹.

⁸ Ray R., Wang K. China — Latin America Economic Bulletin, 2019 Edition // Global Development Policy Center. 2019. URL: <https://www.bu.edu/gdp/files/2019/02/GCI-Bulletin-Final-2019-1-1.pdf> (accessed: 05.03.2020).

⁹ The urban population in 1978 represented 18 %, while in 2011 it was 51.3 % of the population. In 2008, 70 % of its GDP was from international trade and its exports in a

In addition, another reason for closer ties, that is, for Chinese influence to grow and change the structure of Latin American markets, was the 2008 financial crisis [Cintra 2013], which originated in the US and reached the global economic conjuncture, and main American and European economies began to retract. As a result, there was a need for greater demand for new markets from China to maintain its growth, and thus Latin America gained more attention.

According to data released by the Latin American and Caribbean Academic Network on China (Red LAC — China), the monitor of Chinese OFDI in Latin America and the Caribbean, the amount of Chinese foreign investment in Latin America grew more than its quadruple, from 2003 (54,2 thousand USD) to 2017 (229,1 thousand USD). While in the rest of the world, this growth did not triple in the period (0.55 billion to 1.4 billion USD).

These Chinese investments in Latin American countries in recent years intensified because the region is a great opportunity for the Chinese achieve their goals in one place: an area exporting commodities to their domestic market and at the same time serving as the outflow of Chinese exports. In other words, in addition to the abundance of commodities produced by Latin America¹⁰, the region would also be a consumer market for Chinese products.

Furthermore, China's large multilateral investment project (*Belt and Road Initiative*) emerged at the beginning of Xi Jinping's presidential mandate in 2013 as a preponderant strategy in his foreign policy. These investments have two objectives: the land, through the belt, and the sea, through the route [Benvenuto 2018]. Although the focus of the project is not Latin America, China has left it open to anyone interested in making a cooperation agreement. It is worth mentioning that the majority of Latin American countries, including Brazil consider Asia as the main trading partner.

---

single day currently exceed the exports of the whole year 1978 [Cintra 2013].

¹⁰ Mainly mineral products such as metals and petroleum; including soybeans, coffee, meat and forest products, which comprise the main products exported to the Chinese [Cintra 2013].

Chinese expansion in Latin American countries through trade leads to a probable primacy of low aggregate value products due to the increasing use of these products in the export tariffs of these countries. It is important to mention that the intensification of trade and economic cooperation between Latin America and China be seen as a negative influence on the issue of the environment. Since the Asian country carries the legacy of being directly involved with the environmental deterioration of the planet in recent decades. This is due to its rapid economic growth that was unsustainable [Lavut 2019].

Moreover, Latin American countries have several asymmetries that hinder economic and industrial development. One obstacle, for example, is the deficiency of Latin American infrastructure. With old-fashioned roads and ports, the logistics issue is a major factor in the competitiveness of any economy.

In this way, the Chinese government seeks to identify opportunities, and makes investments favourable to pre-existing ports and abandoned facilities, as well as further modernisation that will benefit countries. However, it is possible to see a contrast due to the predominance of investments aimed at increasing the efficiency of the shipment and shipping of Latin American primary products to Asia¹¹, that is, to some extent favouring the Chinese market.

Over the years, there has been a considerable increase of China's investments in Latin America mainly in infrastructure to the detriment of other sectors. Between 2003 and 2010, the main investments referred to the extractive industry, which accounted 82 % of the total 39 % of operations¹². While between 2011 and 2016 there was an important increase and diversification in the infrastructure sectors and

---

¹¹ Abdenur A.E. China na América Latina: investimento em infraestrutura portuária // International Centre for Trade and Sustainable Development. 2013. URL: <http://www.ictsd.org/bridges-news/pontes/news/a-china-na-am%C3%A9rica-latina-investimento-em-infraestrutura-portu%C3%A1ria> (accessed: 18.04.2019).

¹² RED ALC-CHINA. Monitor de la OFDI de China en AL y el Caribe. 2020. URL: <http://www.redalc-china.org/monitor/informacion-por-pais/busqueda-por-pais/80-america-latina-y-el-caribe> (accessed: 05.04.2019).

activities in the manufacturing industry that covered 72.4 % of operations in 2016¹³. However, in 2018, the Chinese Foreign Direct Investment to Latin America fell. For example, Mergers and Acquisitions fell from a record high of 17.5 billion USD in 2017 to 7.6 billion USD in 2018¹⁴.

In this way, Chinese investments in Latin American countries were mainly allocated to products with high aggregate value. Thus, “Latin America is also important to China to secure strategic alliances. As part of its global positioning as emerging as a superpower, China recognises the governments of Mexico, Brazil, Venezuela and Argentina as ‘strategic partners’. With special treatment given to these countries, China hopes to increase its influence in the region” [Cintra 2013: 31].

In this way, China sought to insert its activities in such a way as to ensure its gains in both trade and politics in a zone that has traditionally been of US influence¹⁵. Therefore, infrastructure investments in Latin America fit strategically on the part of the Chinese and strengthen their ties with the region¹⁶.

New trends and principles of China’s foreign policy in the countries of the region are reflected in a number of documents, primarily in the updated 2016 Strategy on Latin America [Borzova, Agaev, Torkunova 2018].

¹³ RED ALC-CHINA. Monitor de la OFDI de China en AL y el Caribe. 2020. URL: <http://www.redalc-china.org/monitor/informacion-por-pais/busqueda-por-pais/80-america-latina-y-el-caribe> (accessed: 05.04.2019).

¹⁴ Ray R., Wang K. China — Latin America Economic Bulletin, 2019 Edition // Global Development Policy Center. 2019. URL: <https://www.bu.edu/gdp/files/2019/02/GCI-Bulletin-Final-2019-1-1.pdf> (accessed: 05.03.2020).

¹⁵ In addition to the 2008 crisis in which it is considered a determining factor in the US, the loss of US hegemony in the region also occurred when the US turned to war on terrorism, especially after September 11, 2001, and, in this context, China is beginning to seek to expand its influence abroad, notably in Latin America.

¹⁶ Abdenur A.E. China na América Latina: investimento em infraestrutura portuária // International Centre for Trade and Sustainable Development. 2013. URL: <http://www.ictsd.org/bridges-news/pontes/news/a-china-na-am%C3%A9rica-latina-investimento-em-infraestrutura-portu%C3%A1ria> (accessed: 18.04.2019).

Chinese diplomatic influence is sustained by foreign direct investment, soft power and foreign policy that is free of conditionalities. Therefore, for Latin American countries, China is a great strategic market for selling its natural resources and agricultural products. For Chinese companies, the Latin American region is a large consumer market for their manufactured products, usually with low prices [Cintra 2013]. However, Brazilian scientist Cintra still puts the idea that such trade dynamics brings to the discussion the idea of the “curse of raw materials” that suggests that a region with an abundance of natural resources will have its economic growth impaired in the long run.

The great influence and importance that China has had on Latin American countries during the last decades, when it became the main trading partner for many countries between 2007 and 2017, is undisputed.

Moreover, in 2018, UNECLAC Executive Secretary Alicia Bárcena stated that financially China had provided 141 billion USD in credit to Latin American countries over the past decade, exceeding that provided by institutions such as the Inter-American Development Bank (IDB) and World Bank (WB). However, according to the secretary, in terms of trade, the diversification of the export basket to China remains basic commodities such as soybeans, iron ore, copper, and oil. However, Bárcena states that Chinese foreign direct investment to the region increased in 2017, and began to diversify into new sectors such as food, telecommunications and renewable energy¹⁷.

According to a report from the Brazilian newspaper *O Estado de S. Paulo*, “China advanced its acquisition plans in Latin America and, in 2017, allocated a record volume of resources to buy companies and shares in region”¹⁸. It was 17.5 billion USD spent by

¹⁷ CEPAL vê alta do investimento chinês na América Latina e no Caribe em 2017 // CEPAL. 2018. URL: <https://nacoesunidas.org/cepal-ve-alta-do-investimento-chines-na-america-latina-e-no-caribe-em-2017/> (accessed: 20.05.2019).

¹⁸ Investimento chinês na América Latina é recorde // *O Estado de São Paulo*. 2019. URL: <https://economia.estadao.com.br/noticias/geral,investimento-chines-na-america-latina-e-recorde,70002258090> (accessed: 20.05.2019).

China on the mainland for acquisitions, and that between 2016 and 2017, the region increased its exports from 84 billion USD to 104 billion USD to China that makes the Asian country to become a buyer of a quarter of all export from the region¹⁹. In addition, according to Russian news agency Sputnik, in 2015 Chinese authorities announced plans to double trade relations with Latin America from 250 to 500 billion USD by 2025²⁰.

In addition, Chinese Foreign Ministry spokesperson Lu Kang in 2019 called on the US not to create problems with China-Latin America ties, saying, according to the Chinese newspaper *People's Daily*, that “cooperation between China and Latin American countries, guided by principles of mutual respect, equality, mutual benefit and win-win outcomes, focuses on common development and has made significant contributions to the economic growth and improvement of people's well-being in Latin American countries”²¹.

It becomes clear that the importance and influence of China in the Latin American region has a high degree of influence during the last decades to the present day. China's high number of interests and investments in the region has led to widespread speculation about its desirable and undesirable effects [Hernández 2018].

This means that there are predominantly two main views on the possible consequences of Chinese influence in the region. An optimistic view believes in the developmental potential of the Chinese presence as a major economic power, and also in a new world order less focused on dependence on US hegemony, where commodity-producing countries may be more

easily inserted due to the strategic market of rising Chinese and Asian consumption levels. In addition, a pessimistic view foresees the emergence of a dependency relationship between the region and the country, as well as a disruption of the productive system of the region's economies due to competitive pressure from Chinese exports [Bekerman, Dulcich, Moncaut 2013].

This last view, the pessimistic one, will possibly generate a certain degree of deindustrialisation and “reprimarization”²² of the Latin American economies, beyond the already present state of this economic style. Therefore, the main products sought by the Chinese market are precisely those from agricultural production and mining sector. So its economic intervention in the region has mainly inserted its own companies in the fields of extraction and infrastructure.

Thus, Latin America cannot simply believe, nor have hope that China can actually change the situation in the region²³. It follows that a greater presence of Chinese investments in Latin America has consequences for the MERCOSUR regional integration project and its expansion, as the negotiation of bilateral agreements is faster and easier than an agreement between the country and the country block [Guimarães 2006]. In this sense, for Brazilian diplomat Samuel Pinheiro Guimarães, regional integration and the success of MERCOSUR are not in the interest of any external power²⁴.

Influence in Brazil

Since mid-1974, the year in which the diplomatic recognition of the People's Republic

¹⁹ Investimento chinês na América Latina é recorde // O Estado de São Paulo. 2019. URL: <https://economia.estadao.com.br/noticias/geral,investimento-chines-na-america-latina-e-recorde,70002258090> (accessed: 20.05.2019).

²⁰ Chineses estão ultrapassando todos os investidores na América Latina // Sputnik. 2019. URL: <https://br.sputniknews.com/opiniao/2019010913076022-china-investe-comercio-eletronico-america-latina/> (accessed: 18.04.2019).

²¹ China pede que EUA não crie problemas com os laços China-América Latina // *People's Daily*. 2019. URL: <http://portuguese.people.com.cn/n3/2019/0416/c309806-9567187.html> (accessed: 18.04.2019).

²² It refers to the return to primary commodities as the main source of export revenues, like the Brazil's case.

²³ Abdenur A.E. China na América Latina: investimento em infraestrutura portuária // International Centre for Trade and Sustainable Development. 2013. URL: <http://www.ictsd.org/bridges-news/pontes/news/a-china-na-am%C3%A9rica-latina-investimento-em-infraestrutura-portu%C3%A1ria> (accessed: 18.04.2019).

²⁴ Guimarães S.P. Relatório ao Conselho de Ministros 2012. URL: <http://www2.camara.leg.br/atividade-legislativa/comissoes/comissoes-mistas/cpcms/publicacoes/eeventos/relatorio-ao-conselho-de-ministros> (accessed: 25.11.2018).

of China by Brazil took place, diplomatic relations have been re-established [Oliveira 2010]. Cooperation between the two countries gained greater prominence in the post-Cold War. However, it was with the rise of Luiz Inácio Lula da Silva to the Presidency of the Republic, in 2003 that relations were boosted, and China began to have a greater degree of influence. In his speech at the Seminar called “Brazil — China: A Necessary Leap” made in 2003 Lula da Silva states the following: “Brazil and China will increasingly be partners in building a harmonious and prosperous coexistence among our peoples. I have repeated that South America will be a priority in my Government, because I am convinced that the full development of Brazil will only be possible as part of the integration of the continent as a whole. Brazil’s vast distances and regional and social disparities will only be definitively overcome when the integrated South American space is conformed. Moreover, if we have a regional vocation, we are a global country. Just as national integration involves regional integration, I am convinced that the rapprochement with Asia and, in particular, with China, will be decisive for Brazil to achieve this greater destiny”²⁵.

Thus, there is a project of international insertion where Brazil delegates to the Asian region an important space, with an intensification of South — South cooperation, giving strategically an important space to the BRICS, and having China, mainly, as an alternative for the Brazil, leaving a little of the “North” axis of the world, and a more multilateral and universal foreign policy [Stuenkel 2015]. In this way, the partnership process became more evident from 2000 to 2010, when economic and trade relations with China grew, during this period the proportion of exports of Brazilian primary products to the Asian country increased from 68 to 83 %, especially minerals and oilseeds²⁶.

²⁵ Speech of the President of Brazil Luiz Inácio Lula da Silva // Palavra Internacional do Brasil. 2003. P. 3—4.

²⁶ As relações bilaterais Brasil — China: a ascensão da China no sistema mundial e os desafios para o Brasil // IPEA. 2011. URL: http://repositorio.ipea.gov.br/bitstream/11058/6889/1/Comunicados_n85_Relac%C3%A7%C3%B5es_bilaterais.pdf (accessed: 18.04.2019).

Moreover, in 2009 China becomes Brazil’s main partner. “With the new numbers, China surpassed the United States as Brazil’s main trading partner”²⁷. It can be seen that at present China continues to be Brazil’s main trading partner (the bilateral turnover reached 98.9 billion USD in 2018)²⁸, both in the importation of Chinese products and in the exportation of Brazilian products to the China²⁹.

However, the economic dynamism generated by the trade boom, even bringing growth, can be counterproductive to the country’s industrial and technological development, since the intensified presence of Chinese products and companies in Brazilian society has induced a loss of state control about their natural and productive resources, this can often be an irreversible diversion process. According to data released by the IPEA, in 2011, Chinese companies were already negotiating the purchase of parts of the oil, mining and electricity sectors. Also, according to Brazilian experts Holland and Barbi, China’s largest investments in Brazil were in Petrobras³⁰, which in 2009 lent the company 10 billion USD in low interest in exchange for a payment made in oil barrels from 2010 to 2019 [Holland, Barbi 2010]. In addition, there were also investments in the steel and telephony areas.

Furthermore, Chinese investment in Brazilian companies has been concentrated in areas such as agriculture, pesticides and mining, contributing even more to a movement towards the “reprimarization” of the country’s production

²⁷ China torna-se principal parceiro comercial do Brasil após revisão de exportações // Agência Brasil. 2009. URL: <https://agencia-brasil.jusbrasil.com.br/noticias/2054331/china-torna-se-principal-parceiro-comercial-do-brasil-apos-revisao-de-exportacoes> (accessed: 18.04.2019).

²⁸ Brasil e China firmam acordos em áreas como política, comércio e saúde // Agência Brasil. URL: <https://agenciabrasil.ebc.com.br/internacional/noticia/2019-11/brasil-e-china-firmam-acordos-em-areas-como-politica-comercio-e-saude> (accessed: 07.03.2020)

²⁹ China é o principal parceiro comercial do Brasil // Agência Brasil. URL: <https://agenciabrasil.ebc.com.br/internacional/noticia/2019-11/china-e-o-principal-parceiro-comercial-do-brasil> (accessed: 07.03.2020).

³⁰ Brazilian Multinational Corporation in the petroleum industry.

and boosting, in a certain way, the preponderance of the great agribusiness with a lot of economic and, to a certain extent, political power in the country. First of all, Brazil imports the products of the technology sector, while there are great difficulties in bilateral investments and trade for technology³¹.

According to the Brazilian Ministry of Economy, the main products exported to China in 2018 were 43 % crushed soybean, 23 % crude oil, and 17 % iron ore and its concentrates, 5.4 % cellulose, 2.3 % frozen, fresh or chilled beef, among other products³². Whereas the main Chinese products imported by Brazil in 2018 consisted of great number of manufactured products, essentially drilling or explosion platforms, motors, generators and electrical transformers; small percentage of basic products such as coal, lignite or peat coke; and very small percentage of semi-manufactured products such as raw aluminium [Cariello 2019].

Despite the fact that Brazilian trade integration with China deepened significantly in the 2000s, it was characterized by strong asymmetries. Since Brazil concentrates its exports on primary products, agricultural and mineral commodities, while its imports, as already mentioned, are manufactured products with greater technological content. This ends up implying that the participation of Brazilian investors in China is still insignificant in relation to Chinese investments in Brazil, which have had a considerable increase in recent years [Hiratuka, Sarti 2016].

There is a very large asymmetry when it comes to mainly high tech product. In addition to Sino-Brazilian imports and exports, one can list the loss of Brazil itself to China in the Latin American market. It can be seen from this point of view that, until 2009, Chinese steel exports to

the subcontinent grew by 90 %, whereas Brazilian exports of this same product, which is very important in its export agenda, decreased by 38 % [Landim 2009].

However, the two countries also sought since the reestablishment of diplomatic relations a way to insert themselves in the International System, and that in a way was an important cooperation to Brazil for its projection in the international scenario. However, the discrepancy in growth rates in recent years, mainly economic, from China compared to Brazil is evident. Brazilian expert Oliveira adds, that “because of Brazil’s growing dependence on the Chinese market and its asymmetrical character, part of Brazilian society follows the Sino-Brazilian relationship with a mixture of disillusionment and scepticism. The mainstream press continually reproduces this discontent, emphasizing the images of the Chinese threat, the need for safeguards, the ingenuity in recognising China as a market economy” [Oliveira 2010: 89].

In 2010, the bilateral China — Brazil relationship gained a new level. It was a milestone in the consolidation of the internationalization strategy of Chinese companies, in which there were direct investments by China in Brazil. Between the years 2010 to 2016, 79 Chinese companies came to Brazil, or showed interest in entering the country. In fact, 53 new entrants on the Brazilian market made investments in the total amount of 44 billion USD³³. In 100 operations, 43 % was classified as Merger and Acquisition, 39 % an organic expansion, and 18 % joint venture³⁴. In addition, three companies stand out: Sinopec, State Grid and China Three Gorges. In the 2010—2016 period, the amount invested by these companies represents 70 % of the total invested by China in Brazil³⁵.

In the period 2010—2011 there was a large influx of Chinese capital into the country,

³¹ As relações bilaterais Brasil — China: a ascensão da China no sistema mundial e os desafios para o Brasil // IPEA. 2011. URL: http://repositorio.ipea.gov.br/bitstream/11058/6889/1/Comunicados_n85_Rel%C3%A7%C3%B5es_bilaterais.pdf (accessed: 18.04.2019).

³² Brasil // Ministério da Economia. 2019. URL: <http://www.mdic.gov.br/comercio-exterior/estatisticas-de-comercio-exterior/comex-vis/frame-brasil> (accessed: 20.05.2019).

³³ Kupfer D., Freitas F.R. de. Direções do investimento chinês no Brasil 2010—2016: Estratégia nacional ou busca de oportunidades // Direções Globais de Investimentos. 2018. URL: <http://cebc.org.br/2018/10/18/china-direcoes-globais-de-investimentos-2018/> (accessed: 18.04.2019).

³⁴ Ibid.

³⁵ Ibid.

followed by a decline between 2012 and 2014 and resumed in 2015 and 2016. However, the Chinese influence in the country becomes unquestionable, as well as its importance in recent years, decades, whether economically or politically.

Thus, the importance of China in the Brazilian trade balance is crucial, especially as a market to export Brazilian products. Moreover, according to the Brazilian Ministry of Economy, in 2018 China had 26.7 % of the share of Brazilian exports and 19.2 % of imports, generating a surplus of 29.2 billion USD.

In addition, Chinese investments in Brazil and their influence continue to the present day. There are a number of confirmed Chinese capital projects that include both greenfield projects, (investments in which the entrepreneur puts resources into building a new structure necessary for the operation), as well as brownfield projects (investments in pre-existing projects, or in a project to be developed or updated that will build on an existing one).

However, in 2019, in the executive branch, a new right-wing Brazilian government was initiated; whose foreign policy strategy was an alignment with the US [Ókuneva 2019]. For the current Brazilian chancellor Ernesto Araújo “the relationship with the United States may be the most neglected partnership in recent years in Brazil, for a view that the United States would be a partnership that should not be worked in various areas, our purpose is to make up for lost time”³⁶. Even so, according to Ministry of Economy data until May 2019, China remains the main Brazilian trading partner.

In 2019, the Vice-President of the Republic Hamilton Mourão went to the Asian country to co-chair together with the Chinese Vice President Wang Qishan the “V Meeting of the Chinese-Brazilian High-Level Concertation and Cooperation Commission (COSBAN)”, established in 2004. Meeting at which both vice-presidents reaffirmed the fundamental role of

such a mechanism in implementing bilateral initiatives and advancing the Global Strategic Partnership established between Brazil and China. Thus, it can be noted the undeniable importance of China for the Brazilian state even today, whether in strategic policy for an international insertion, as an economic partner.

Final Considerations

As an emerging power, the rise of China was one of the most relevant phenomena in the economy in the new post-Cold War world order (1945—1991). China began to occupy spaces of the so-called “traditional” powers, since the USA and the countries of Europe were no longer able to dominate in some areas where, until then, they had a monopoly, as in the Latin American region. Brazil, a country in this region, was one of those that had the most significant changes. In other words, China becomes the main trading partner and the Asian country becomes Brazil, one of the most strategically important countries in the international scenario until today.

In order to analyse the expectations generated and the reality presented in the international scenario, China presents itself as one of the main economic powers, and with the expectation of being the main one in a few years. However, many measures still need to be implemented in order to speak of China as a possible hegemonic power, as the country still falls far short of other relevant cross-border issues and that a world power must “take over”, as is the case, finding solutions to environmental damage, human rights violations or regional and social imbalances.

China’s importance is unquestionable, whether in the global, regional or local context. Undoubtedly, the Asian country has a huge influence in areas where it conquers, especially in Latin America and Brazil, leading mainly investments and its products of both high technology and low cost. In the short term, countries that receive this type of investment see an increase in production and, consequently, an economic improvement due to the increase in the market and the consumption process. On the other hand, Latin American companies and industries do not have the technological capacity

³⁶ China torna-se principal parceiro comercial do Brasil após revisão de exportações // Agência Brasil. 2009. URL: <https://agencia-brasil.jusbrasil.com.br/noticias/2054331/china-torna-se-principal-parceiro-comercial-do-brasil-apos-revisao-de-exportacoes> (accessed: 18.04.2019).

or, to a certain extent, a policy to compete with Chinese products in the long term, due to the stricter labour laws in American countries, compared to the Asian country.

Therefore, this lead to national deindustrialisation and dependence of these countries on China, leading to the closure of factories and replacing self-supply and exportable products with a predominantly agricultural agenda and an increase in imports of foreign products. As such, Latin America, and especially Latin American society, always has an expectation and perspective, it can be said somewhat common sense, that an influencing power in the region can improve the economy, the well-being of the population and internal development. However, a world economic power may possibly have a degree of bargaining trade or some interest behind each investment.

We believe that there is no totally pessimistic or optimistic view on the possible consequences of China's influence in the Latin American region; it depends a lot on the "point of view", the perspective of visualising and analysing the context. Accepting the Chinese influence on trade and regional relations, even recognising and making them extremely important during the last decades and even today, and especially because in a way there is a distance from the north of the world and the said powers. There is also greater multilateralism in foreign policy and international projection strategy. Countries encouraging, in a way, a return to basic economies and will perpetuate their role as mere input providers for large international industrial parks.

One aspect that took into consideration is the election of Brazilian President Jair Bolsonaro in 2018. The far-right candidate during his election campaign made several criticisms of the Brazilian foreign policy of the governments of the Workers' Party (2003—2016). Almost simultaneously, Bolsonaro criticised the Southern Common Market (MERCOSUR) for its lack of major trade agreements, as well as its "ideology by the left" and the lack of practical utility for Brazil. The criticisms also extended to

relations between Brazil and China during their campaign.

According to Bolsonaro, China is "buying Brazil" due to the Chinese commercial activity³⁷, that is, through its investments in the country and its exports. However, after his inauguration in 2019 President Bolsonaro, in his speech³⁸, adapted to reality, since Beijing is one of the main commercial partners in Brazil as mentioned above.

The current Brazilian foreign policy led by the Itamaraty (Ministry of Foreign Affairs) is of automatic alignment with the USA. This fact contradicts the country's historical positioning in defence of multilateralism and multipolarity. Within this perspective, the BRICS seemed to lose strength as an alternative to the unipolar dimension currently defended by Washington. On the other hand, we know that the commercial and geopolitical reality has been forcing President Bolsonaro to review his electoral rhetoric in the face of international reality. Thus, we can see a loss of relative interest in the faster advancement of BRICS proposals that depend on the current Brazilian government.

In our analysis and opinion, the most important view for development, both unitary of the Latin American States and for intra and extra-regional trade relations, is both industrial development of value-added products and investment applying in science and in-house technology. Likewise, one of Brazil's possible strategies for meeting the challenges of expanding relations with China is to invest in greater complementarity and structural integration of the region through MERCOSUR.

³⁷ Spring J. Discurso anti-China de Bolsonaro causa apreensão sobre negócios no país // UOL. 2018. URL: <https://noticias.uol.com.br/politica/eleicoes/2018/noticias/reuters/2018/10/25/discurso-anti-china-de-bolsonaro-causa-apreensao-sobre-negocios-com-o-pais.htm> (accessed: 18.04.2019).

³⁸ 'China cada vez mais faz parte do futuro do Brasil', diz Bolsonaro // G1. 2019. URL: <https://g1.globo.com/politica/noticia/2019/11/13/bolsonaro-recebe-presidente-da-china-no-itamaraty-antes-de-cupula-de-lideres-do-brics.ghtml> (accessed: 05.03.2020).

References / Библиографический список

- Arrighi, G. (2007). *Adam Smith in Beijing: Lineages of the Twenty-First Century*. New York: Verso.
- Bekerman, M., Dulcich, F. & Moncaut, N. (2013). Transformações recentes da economia chinesa: impacto sobre suas relações comerciais com a América Latina. *Revista Tempo do Mundo*, 5 (1), 5—43.
- Benvenuto, L.M. (2018). A Nova Rota da Seda: conquistas e controvérsias. *Encontro Nacional da Associação Brasileira de Estudos de Defesa*. Rio de Janeiro. URL: https://www.enabed2018.abedef.org/resources/anais/8/1535670696_ARQUIVO_artigoENABED2018.pdf (accessed: 18.04.2019).
- Bernal-Meza, R. (2019). China e América Latina. *Revista Tempo Do Mundo*, 2 (2), 63—78. URL: <http://www.ipea.gov.br/revistas/index.php/rtm/article/view/43> (accessed: 08.03.2020).
- Borzova, A., Agaev, U. & Torkunova, U. (2018). China—CELAC: New Trends in the Economic Cooperation. *Latinskaia Amerika*, 7, 32—46.
- Buelvas, E.P. & Pastrana, H.G. (Eds.). (2017). *La proyección de China en América Latina y el Caribe*. Bogotá: Editorial Pontificia Universidad Javeriana / Fundación Konrad Adenauer.
- Cariello, T. (2019). Chinese Investments in Brazil (2018): the Brazilian Framework in a Global Perspective. *China — Brazil Bussiness Council*. URL: <http://cebc.org.br/download/4300/> (accessed: 08.03.2020).
- Cintra, M.R. (2013). *A presença da China na América Latina no Século XXI — suas estratégias e o impacto dessa relação para países e setores específicos*. Dissertação. URL: http://www.ie.ufrj.br/images/pos-graduacao/pepi/dissertacoes/Maria_Rita_Vital_Paganini_Cintra.pdf (accessed: 18.04.2019).
- Guimarães, S.P. (2006). *Desafios brasileiros na Era dos Gigantes*. Rio de Janeiro: Contraponto.
- Hernandéz, J.C. (2018). Um nuevo norte en el sur: la cooperación china en América Latina y el Caribe? *Revista de Seguridad de Estudios en Seguridad Internacional*. URL: <http://www.seguridadinternacional.es/?q=es/print/1408> (accessed: 08.03.2020).
- Hiratuka, C. & Sarti, F. (2016). Relações econômicas entre Brasil e China: análise dos fluxos de comércio e investimentos direto estrangeiro. *Revista Tempo do Mundo*, 2 (1), 84—98.
- Holland, M. & Barbi, F. (2010). *China na América Latina: uma análise da perspectiva dos investimentos diretos estrangeiros*. Coediciones, Naciones Unidas Comisión Económica para América Latina y el Caribe (CEPAL) 1402.
- Jaeger, B.C. (2017). Investimentos chineses em infraestrutura na América do Sul: impactos sobre a integração regional. *Revista Conjuntura Austral*, 8 (39—40), 4—23.
- Kissinger, H. (2011). *On China*. London: Penguin Press.
- Landim, R. (2009). Aço chinês toma lugar do brasileiro na AL. *Valor Econômico*. URL: <https://www2.senado.leg.br/bdsf/handle/id/449391> (accessed: 08.03.2020).
- Lavut, A. (2019). The Impact of Chinese Expansion on the Environment of Latin American y Caribbean Countries. *Latinskaia Amerika*, 6, 5—17.
- Medeiros, C.A. & Cintra, M.R. (2015). Impacto da ascensão chinesa sobre os países latino-americanos. *Brazilian Journal of Political Economy*, 35 (1). DOI: 10.1590/0101-31572015v35n01a02
- Molina Díaz, E. & Regalado Florido, E. (2017). China — Latin America and the Caribbean Relations: for a Better Future. *Economía y Desarrollo*, 158 (2), 105—116. URL: http://scielo.sld.cu/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S0252-85842017000200007&lng=es&tlng=en. (accessed: 08.03.2020).
- Ókuneva, L.S. (2019). Brasil consolida su rumbo a la derecha. *Iberoamerica*, 4, 44—62. URL: <https://iberoamericajournal.ru/sites/default/files/2019/4/okuneva.pdf> (accessed: 07.03.2020).
- Oliveira, H.A. (2010). Brasil e China: uma nova aliança não escrita? *Revista Brasileira de Política Internacional*, 53 (2), 88—105. DOI: 10.1590/S0034-73292010000200005
- Pinto, E.C. (2013). A dinâmica dos Recursos Naturais no Mercosur na década de 2000: “efeitos China”, estrutura produtiva, comércio e investimento estrangeiro. In: Albrieu, R., López, A. & Rozenwurcel, G. (Eds.). *Los recursos naturales en la era de China: ¿una oportunidad para América Latina?* Montevideo: Red MERCOSUR.
- Sayámov, Y.N. (2019). América Latina en la formación de un nuevo sistema de relaciones internacionales. *Iberoamérica*, 1, 44—64.
- Stuenkel, O. (2015). *The BRICS and Future of Global Order*. Lanham: Lexington Book.
- Wallerstein, I. (2004). *O declínio do poder Americano*. Rio de Janeiro: Contraponto.

About the authors: *Pennaforte Charles* — PhD in International Relations, National University of La Plata (Argentina), Adjunct Professor, Federal University of Pelotas, Coordinator of the Research Group CNPq Geopolitics and Mercosur (GeoMercosur) and Laboratory of Geopolitics, International Relations and Antisystemics Movements (LabGRIMA) (e-mail: charles.pennaforte@ufpel.edu.br).

Bones Nairana Karkow — MSc candidate, Federal University of Pelotas, Member of the Research Group CNPq Geopolitics and Mercosur (GeoMercosur) and Laboratory of Geopolitics, International Relations and Antisystemics Movements (LabGRIMA) (e-mail: nairanabones@gmail.com).

Сведения об авторах: *Пеннафорте Чарльз* — доктор международных отношений Национального университета Ла-Плата (Аргентина), внештатный профессор Федерального университета Пелотас, координатор исследовательской группы Бразильского национального научного совета по геополитике и МЕРКОСУР, Лаборатории геополитики, международных отношений и антисистемных движений (e-mail: charles.pennaforte@ufpel.edu.br).

Бонес Наурана Карков — магистрант Федерального университета Пелотас, член исследовательской группы Бразильского национального научного совета по геополитике и МЕРКОСУР, Лаборатории геополитики, международных отношений и антисистемных движений (e-mail: nairanabones@gmail.com).

РЕЦЕНЗИИ REVIEWS

DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-2-408-410

Рецензия

Comparative Area Studies: Methodological Rationales and Cross-Regional Applications / Ed. by A.I. Ahram, P. Köllner, R. Sil. Oxford University Press, 2018. 321 p.

М.М. Агазаде

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Для цитирования: Агазаде М.М. Рецензия: Comparative Area Studies: Methodological Rationales and Cross-Regional Applications / Ed. by A.I. Ahram, P. Köllner, R. Sil. Oxford University Press, 2018. 321 p. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20. № 2. С. 408—410. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-2-408-410

Book review

Ahram, A.I., Köllner, P. & Sil, R. (Eds.). (2018). Comparative Area Studies: Methodological Rationales and Cross-Regional Applications. Oxford University Press, 321 p.

M.M. Agazade

RUDN University, Moscow, Russian Federation

For citation: Agazade, M.M. (2020). Book review: Ahram, A.I., Köllner, P. & Sil, R. (Eds.). (2018). Comparative Area Studies: Methodological Rationales and Cross-Regional Applications. Oxford University Press, 321 p. *Vestnik RUDN. International Relations*, 20 (2), 408—410. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-2-408-410

Книга «Сравнительное регионоведение: методологическое обоснование и межрегиональное применение», подготовленная коллективом авторов из разных университетов мира и исследовательских институтов, объединяет в себе методологические эссе и эмпирические исследования, которые по-разному освещают общие предположения и интеллектуальные выгоды сравнительного регионоведения.

Сравнительное регионоведение предлагает широкое обоснование для ученых, которые применяют примерно одинаковые исследовательские стратегии для совместного выполнения императивов демонстрации чувствительности к контексту, развертывания некоторого варианта сравнительного метода для освещения причинно-следственных связей, переносимых через регионы мира,

© Агазаде М.М., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

и установления более продуктивного диалога между дисциплинами социальных наук и научными результатами многочисленных междисциплинарных сообществ регионоведов.

Сравнительные регионоведческие исследования в идеале опираются на ученых, прошедших подготовку в определенном регионе, мотивируются общими вопросами, относящимися к конкретным случаям из разных регионов мира. Данные исследования требуют качественных сравнений, которые ценят и вовлекают текущие исследования и научный дискурс в рамках сообществ регионоведов.

Тем не менее большинство качественных исследований фокусируется на конкретных странах или сравнивает случаи в рамках одного региона. Отчасти это связано с отсутствием четкого, хорошо аргументированного методологического обоснования рисков, связанных с проникновением в новый регион без соответствующих полномочий и подготовки кадров для того региона. В отсутствие такого обоснования неудивительно, что ученые, получившие опыт работы в одном регионе, как правило, впоследствии используют свои постоянно расширяющиеся знания по данному региону вместо того, чтобы тратить время и энергию на изучение менее известных случаев, взятых из других регионов.

Кроме того, те немногие качественные сравнительные исследования, которые действительно охватывают различные регионы, как правило, оставляют неявное обоснование своего методологического выбора или объясняют этот выбор в специфических терминах применительно к конкретному предметному вопросу и конкретному исследовательскому сообществу.

Рецензируемая работа разбита на четыре части, каждая из которых посвящена отдельному вопросу в рамках общей темы.

Первая часть [Comparative Area Studies... 2018: 22—47], написанная совместно редакторами книги, является введением, где они объясняют значение термина «сравнительное регионоведение», сопоставляют подходы других авторов к изучению данной области, показывают различные условия, с которыми сталкиваются сообщества регионоведов в разных странах, а также описывают сложности

межрегионального сравнения с точки зрения как практики, так и теоретических концепций.

Вторая часть [Comparative Area Studies... 2018: 48—152], состоящая из шести глав, в которых с несколько разных точек зрения рассматривается вопрос о том, что предлагает сравнительное регионоведение, посвящена эпистемологическим и методологическим вопросам, лежащим в его основе. В первых трех главах освещаются общие вопросы, связанные с исследованиями в рамках сравнительного регионоведения. В следующих трех главах исследуется вопрос о том, как какой вклад конкретные традиции регионоведения вносят в изучение сопоставимых явлений в других областях. Также особое внимание уделяется выгодам и недостаткам межрегионального сравнительного анализа.

Авторы этих глав признают трудности, возникающие при проведении межрегиональных сопоставлений, и к таким трудностям относятся: управление практическими проблемами углубленного исследования конкретных случаев в различных регионах мира, рассмотрение концептуальных вопросов с категориальной логической или интерпретационной точки зрения и сравнение исследовательских стратегий с соответствующими сопоставимыми случаями.

Третья часть [Comparative Area Studies... 2018: 153—244] состоит из пяти глав, в которых предлагается предметное применение сравнительных региональных исследований в связи с целым рядом эмпирических проблем — от протестов и восстаний до антикоррупционных кампаний, ресурсного бума, институционального строительства и организации производства. Авторы проводили образцовые эмпирические исследования, основанные на сравнительном анализе случаев, отобранных из различных регионов мира — Африки, Азии, Ближнего Востока. Хотя эти главы тематически разнообразны и касаются различных наборов сопоставимых случаев, тем не менее все они демонстрируют общее сознательное усилие рассматривать случаи, полагаясь при этом на межрегиональное сравнение, чтобы выявить скрытые параллели и генерировать новые аргументы. В совокупности эти исследования в значительной степени демонстрируют

те виды интеллектуальных достижений, которые приносят сравнительные исследования по регионам.

Особый интерес вызывает восьмая глава, где автор предлагает тщательное контекстуальное сравнение антикоррупционных кампаний, начатых в Китае и России соответственно Си Цзиньпином и В.В. Путиным, и отмечает, что, несмотря на внешнее сходство их официальной цели борьбы с коррупцией, эти кампании отражают совершенно разные политические императивы, вытекающие из различных предшествующих обстоятельств и институциональных условий. Если антикоррупционная кампания В.В. Путина — это в основном оборонительный шаг для борьбы с фракционностью в слабо институционализированном «гибридном» режиме, то кампания Си Цзиньпина была наступательной инициативой, нацеленной на фракционность с долгосрочной целью институционализации элитной политики и продвижения всеобъемлющих реформ [Comparative Area Studies... 2018: 160].

Четвертая часть [Comparative Area Studies... 2018: 245—268], написанная одним из редакторов книги, Рудрой Силом, является заключением, где он использовал термин «триангуляция», обычно применяемый для того, чтобы предложить сочетание количественного и качественного подходов к сбору и анализу данных и отразить ту особую роль, которую сравнительные регионоведческие исследования и межрегиональные контекстуальные сравнения могут играть в объединении

наблюдений, анализов и нарративов, возникающих в результате проведения чисто качественных исследований в двух или более разных регионах [Comparative Area Studies... 2018: 249]. Несмотря на то что сравнительный подход в таком случае несет определенные риски, автор утверждает, что выигрыш вполне оправдан, учитывая потенциал для достижения отличительных видов теоретических прозрений и освещения новых связей между научными исследованиями, происходящими в отдельных сообществах регионоведения.

Таким образом, подчеркивая академичность, с одной стороны, и в то же время практическую и прикладную составляющие рецензируемой работы, которая способствует формированию комплексного и фундаментального знания об особенностях сравнительного регионоведения, следует отметить, что данный труд имеет важное научное значение и вносит весомый вклад в понимание методологии сравнительного регионоведения.

Вместе с тем хотелось бы акцентировать внимание на одном моменте. Авторы сравнивают революционные движения в Африке, Азии и Ближнем Востоке, однако не ведут такого сопоставления с Латинской Америкой. Книга приобретет еще большую ценность, если будет учтен данный момент в случае переиздания этой работы. Это, скорее всего, несет рекомендательный характер и несколько не умаляет ценность рецензируемой книги.

Поступила в редакцию / Received: 30.03.2020
Принята к публикации / Accepted: 16.04.2020

Библиографический список

Comparative Area Studies: Methodological Rationales and Cross-Regional Applications / Ed. by A.I. Ahram, P. Köllner, R. Sil. Oxford University Press, 2018.

References

Ahram, A.I., Köllner, P. & Sil, R. (Eds.). (2018). *Comparative Area Studies: Methodological Rationales and Cross-Regional Applications*. Oxford University Press.

Сведения об авторе: Агазаде Мирмехди Миркамил оглы — ассистент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: agazade-mm@rudn.ru).

About the author: Agazade Mirmehdi Mirkamil ogly — Assistant, Department of the Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (e-mail: agazade-mm@rudn.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-2-411-413

Рецензия

**Мосяков Д.В. Глобальная трансформация Тихоокеанской Азии и Россия.
М.: Белый ветер, 2019. 390 с.**

М.А. Шпаковская

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Для цитирования: Шпаковская М.А. Рецензия: Мосяков Д.В. Глобальная трансформация Тихоокеанской Азии и Россия. М.: Белый ветер, 2019. 390 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20. № 2. С. 411—413. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-2-411-413

Book review

**Mosyakov, D.V. (2019). Global Transformation of Pacific Asia and Russia.
Moscow: Belyi veter publ., 390 p. (In Russian)**

M.A. Shpakovskaya

RUDN University, Moscow, Russian Federation

For citation: Shpakovskaya, M.A. (2020). Book review: Mosyakov, D.V. (2019). Global Transformation of Pacific Asia and Russia. Moscow: Belyi veter publ., 390 p. (In Russian). *Vestnik RUDN. International Relations*, 20 (2), 411—413. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-2-411-413

Рецензируемая монография посвящена исследованию одной из главных тем современности — процессу трансформации Азиатско-Тихоокеанского региона в новую форму — Индо-Тихоокеанский регион (АТР — ИТР). Американский проект интеграции для АТР — АТЭС рассматривается в работе как ключевой элемент в политике доминирования США в тихоокеанской части Азии. Автор обращает внимание на процессы, которые в настоящее время происходят на огромных пространствах Восточной и Южной Азии, процессы, дальнейшее развитие которых может привести к формированию новой геополитической общности — Индо-Тихоокеанского региона.

Проблематика этого процесса активно обсуждается как политиками, так и учеными и в России, и в мире. Участники этой дискуссии

стремятся дать ответ на ключевые вопросы: какие страны и каким образом примут участие в новом проекте; насколько США смогут мотивировать своих союзников вступить в него; получится ли у Вашингтона превратить его в антикитайский военный блок. Или будущее этого проекта — повторение исторического пути АТЭС и формирование, в первую очередь, экономического союза на основе зоны свободной торговли. Все эти вопросы сегодня стоят на повестке дня, но ясного ответа на них пока нет.

Наконец, не менее существенно и то, как очевидное переформатирование региона затронет интересы России и как она должна реагировать на происходящие изменения. Обращение к этой теме позволяет создать определенный исторический контекст, внятно

© Шпаковская М.А., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

объяснить, зачем и почему на свет появилась идея формирования новой общности в рамках ИТР.

Все эти крайне актуальные для современной геополитики вопросы подробно анализируются в только что вышедшей монографии Д.В. Мосякова «Глобальная трансформация Тихоокеанской Азии и Россия».

Следует отметить, что автор прекрасно понимает, что его исследование, проведенное на основе анализа огромного документального материала, — это изучение тех процессов, которые находятся в стадии осуществления и носят пока не завершенный характер. Поэтому автор справедливо указывает, что его труд — это субъективный анализ развития современных международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском и Индо-Тихоокеанском регионах. Автор данной работы, не претендуя на трактовку своего видения развития процессов как единственно верного, заранее оговаривает, что на многие исследуемые им вопросы существуют и иные взгляды. В то же время эта монография является не изолированной, а продолжает цикл работ автора о глобальных трендах в Азии и особенно в Юго-Восточной Азии [Мосяков 2012; 2017].

Из всей совокупности поднятых в рецензируемой работе тем и мнений хотелось бы выделить проблему, которая буквально «красной нитью» проходит через всю книгу — противостояние Китая и США в борьбе за региональное и мировое лидерство, которое в современной мировой политике, по справедливому мнению Д.В. Мосякова, оказывает влияние практически на все стороны развития и жизни этого геополитического пространства. В монографии это противостояние рассматривается с самых разных аспектов — в первых двух главах показана история конфликта, его движущие силы и интересы.

Особенно хочется отметить, что автор сумел показать и проанализировать на страницах своей книги широкий фронт противостояния двух держав, который охватывает сферу политики, экономики, а также информационное поле и задействованные инструменты осуществления политики «мягкой силы», не говоря уже о сфере собственно военной. Автор

справедливо утверждает, что соперничество за мировое господство, за то, кто будет ведущей мировой державой, носит объективный характер. Поэтому — и здесь с ним нельзя не согласиться — конфликт будет носить длительный и крайне ожесточенный характер, а возможные достигнутые соглашения, особенно в сфере экономики, не должны создавать иллюзию устранения основных противоречий между двумя мировыми державами.

В этой борьбе соперники, как справедливо указывает автор, используют все свои возможности. И в этом контексте «гибридная война», элементы которой подробно анализируются в работе, «выступает как основная форма противоборства».

Автор справедливо указывает, что современный международный порядок основывается на все более зыбких международных отношениях, в которых все больше ощущается дефицит стабильности, предсказуемости и определенной системности [Мосяков 2019: 359—363]. Ситуативность, временность, мобильность, гибкость и откровенный прагматизм становятся ключевыми принципами формирования новых глобальных конфигураций в регионе и во всем мире. В работе вполне справедливо указывается, что все эти факторы необходимо учитывать и при формировании политики России на этом направлении. И в этой связи безопасность страны, ее процветание, а также защита национальных интересов напрямую связаны с процессами, которые происходят на пространствах АТР — ИТР [Мосяков 2019: 16].

Вызовы и угрозы России, тщательный анализ ее интересов в условиях реформирования всей системы международных отношений в регионе можно рассматривать как особое достоинство настоящей работы [Мосяков 2019: 307—316]. Принципиально важно, что этот анализ проводится в контексте глобального российского проекта — формирования Большой Евразии. Автор выстраивает стройную и понятную схему дальнейшего движения России в рамках формирования Большой Евразии. По его мнению, это не фантастический проект, не имеющий будущего, как считают некоторые, а вполне реальная задача,

реализация которой отвечает не только российским, но и общеазиатским и общеевропейским интересам.

Монография Д.В. Мосякова написана ярко, легко читается и представляет особый

интерес не только как глубокое научное исследование. Работа может быть весьма полезной в процессе преподавания учебных дисциплин, связанных с современными проблемами международных отношений и мировой политики.

Поступила в редакцию / Received: 03.03.2020

Принята к публикации / Accepted: 02.04.2020

Библиографический список

- Мосяков Д.В.* Глобальная трансформация Тихоокеанской Азии и Россия. М.: Белый ветер, 2019.
- Мосяков Д.В.* Новая и новейшая история. Модернизация и глобализация восточных обществ. М.: НОЧУ ВПО «Институт стран Востока», ИВ РАН, 2017.
- Мосяков Д.В.* Политика Китая в Юго-Восточной Азии: от прошлого к настоящему. М.: Институт востоковедения РАН, 2012.

References

- Mosyakov, D.V. (2012). *China's Policy in Southeast Asia: from the Past to the Present*. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN publ. (In Russian).
- Mosyakov, D.V. (2017). *New and Modern History. Modernization and Globalization of Eastern Societies*. Moscow: NOCHU VPO Institut stran Vostoka publ., IV RAN publ. (In Russian).
- Mosyakov, D.V. (2019). *Global Transformation of Pacific Asia and Russia*. Moscow: Belyi veter publ. (In Russian).

Сведения об авторе: *Шпаковская Марина Анатольевна* — доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: shpakovskaya-ma@rudn.ru).

About the author: *Shpakovskaya Marina Anatol'evna* — PhD in History, Dr. of Sc. (History), Professor, Department of the Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (e-mail: shpakovskaya-ma@rudn.ru)

DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-2-414-416

Рецензия

Лебедева Н.Б. Индийский океан: вызовы XXI в. и Индия (очерки международных отношений). М.: ИВ РАН, 2018. 576 с.

А.П. Дхар

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Для цитирования: Дхар А.П. Рецензия: Лебедева Н.Б. Индийский океан: вызовы XXI в. и Индия (очерки международных отношений). М.: ИВ РАН, 2018. 576 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20. № 2. С. 414—416. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-2-414-416

Book review

Lebedeva, N.B. (2018). Indian Ocean: Challenges of the 21st Century and India. Moscow: IV RAN publ., 576 p. (In Russian)

A.P. Dkhar

RUDN University, Moscow, Russian Federation

For citation: Dkhar, A.P. (2020). Book review: Lebedeva, N.B. (2018). Indian Ocean: Challenges of the 21st Century and India. Moscow: IV RAN publ., 576 p. (In Russian). *Vestnik RUDN. International Relations*, 20 (2), 414—416. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-2-414-416

Современные международные отношения переживают системную трансформацию, для которой характерно усиление взаимосвязи региональных процессов с глобальными. В данном контексте Индийский океан — это обширное водное пространство с сетью важнейших морских коммуникаций и значительным числом торговых путей между различными континентами и странами мира. Океан является ареной борьбы между ключевыми странами региона (и не только) за реализацию своих национальных интересов. А произошедший в начале 1990-х гг. распад биполярной системы международных отношений повлек за собой увеличение игроков в зоне Индийского океана. Меняется понимание развивающимися

государствами их роли в мире, стратегии поведения, национальных концепций развития, а морская сила становится важнейшим фактором международного статуса и влияния государства на мировой арене.

В данном ключе монография Н.Б. Лебедевой, ведущего российского исследователя-востоковеда, автора около 200 научных работ по международным отношениям стран Индийского океана и Океании, представляется фундаментальным трудом в области изучения проблематики международных процессов в регионе.

Труд Н.Б. Лебедевой в определенной степени уникален, так как включает комплекс различных проблем, касающихся развития

© Дхар А.П., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

региона: военно-стратегических, торгово-экономических, энергетических, геополитических, а также проблем безопасности.

Автор закономерно называет Индийский океан связующим пространством между Тихим и Атлантическим океанами, что обусловлено его геофизическими особенностями, и эту роль океан играл как прежде, так и сейчас, но на качественно ином уровне (см. новые факторы во введении работы). Это создает предпосылки к формулированию понятия Большой Индийский океан (БИО), где определяющее значение имеет как треугольник Индия — Китай — США, так и появление новых акторов — Японии, ФРГ, Южной Кореи и других *ad hoc* «треугольников» в разных точках региона.

Исследователь вполне обоснованно рассматривает также перспективы иницируемой Соединенными Штатами новейшей концепции формирования Индо-Тихоокеанского мегарегиона, в границах которого особую роль они отводят Индии [Лебедева 2018: 415].

Достоинством рецензируемой монографии является детальное рассмотрение значимости морской силы и морской безопасности в современных международных отношениях, а также эволюции национальных военно-морских стратегий государств, играющих наиболее важную роль в БИО — США, КНР, Индии, а позже Японии, Ирана, Франции и Германии. Автор отмечает, что «можно констатировать повышение напряженности в водах Индийского океана в силу расширения сфер деятельности и активизации флотов региональных и внерегиональных стран, стремления некоторых государств изменить в свою пользу трудно складывающийся морской порядок в силу того, что ныне положение мирового или регионального лидера все больше зависит от его морской мощи» [Лебедева 2018: 569].

Н.Б. Лебедева раскрывает стратегическую важность Индийского океана в свете интеграционных инициатив, предпринимаемых наиболее активными игроками региона — Индией и Китаем. В данном контексте в работе особо выделяются и анализируются цели стратегии «Нити жемчуга» и «Морской Шелковый путь» (МШП — 21) Китая, «Маусам», «Дороги

специй», Сагар Мала и других ответных проектов Индии, разнообразные меры таких субрегиональных и региональных структур сотрудничества, как Инициатива стран Бенгальского залива по многоотраслевой технико-экономической кооперации (БИМСТЕК), АСЕАН, Ассоциация регионального сотрудничества стран Индийского океана (АРСИО). В фокусе внимания автора оказываются также задачи американской стратегии «Глобального морского партнерства» и ее варианта — «Морской стратегии — 2015».

Представляется значимым систематизированный показ целого круга разнообразных проблем безопасности в Индийском океане. В этой связи Н.Б. Лебедева анализирует не только детали масштабной борьбы с международным терроризмом в странах северного побережья БИО и распространения оружия массового уничтожения (ОМУ), но и причины появления и особенности пиратства на обоих флангах океана (вокруг Африканского Рога и в Южно-Китайском море и его проливах). По мнению автора, такие факторы, как отсутствие или слабая разработанность оперативных, экономических, геополитических и международно-правовых принципов и норм, довольно долго не давали возможности прибрежным и нерегиональным странам (даже совместными усилиями) если не разрешить, то хотя бы усмирить разгул пиратства [Лебедева 2018: 190].

Ключевое место в работе отводится политике Индии в Индийском океане, ее курсу по выходу за его рамки, детально рассмотренному на примере двух фаз реализации концепции «Смотри на Восток», а позже выдвинутого Н. Моди варианта этой концепции «Делай на Востоке». Именно благодаря их реализации страна перешла из разряда южно-азиатского и индоокеанского государства на более высокий уровень — индо-тихоокеанского или азиатско-тихоокеанского государства [Лебедева 2018: 372]. А это, в свою очередь, благоприятствовало обеспечению энергетической безопасности, расширению торгово-экономических связей и военно-стратегического профиля на новом водном пространстве, укреплению международных позиций Индии

в Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР), с одной стороны, а с другой — потребовало осуществления военно-технической модернизации в целом и обновления ВМС Республики в частности. Все это в конечном счете способствовало сохранению курса Индии на значительное политическое и стратегическое влияние и в Индийском океане.

Рецензируемая работа позволяет получить системный анализ развивающейся в регионе динамики, а также тенденций и ключевых факторов, влияющих на обстановку в регионе и баланс сил в Индийском океане между группами региональных и нерегинальных акторов. В очерках международных отношений представлен обзор трудов известных российских и зарубежных исследователей в области межгосударственных отношений в бассейне Индийского океана.

В заключении автор приводит выводы известных индийского и американского политологов Дж. Рамеша и Р. Каплана о перспективе двух вариантов развития событий в регионе, в которых: 1) центральная роль отводится Индии и Китаю, обострению соперничества между ними; 2) возможны поиски точек соприкосновения для сотрудничества двух великих держав Азии в рамках концепции «Чиндия» [Лебедева 2018: 572]. Однако эти прогнозы были сделаны десятилетие тому назад. Н.Б. Лебедева полагает, что процесс формирования нового мегарегиона и другие кардинальные сдвиги в мире, и в частности в Азии, потребуют значительной, а может быть, масштабной корректировки приведенных сценариев.

Монография Н.Б. Лебедевой, безусловно, будет востребована широким кругом специалистов и по Южной Азии, и по ИТР.

Поступила в редакцию / Received: 04.02.2020

Принята к публикации / Accepted: 16.03.2020

Библиографический список

Лебедева Н.Б. Индийский океан: вызовы XXI в. и Индия (очерки международных отношений). М.: ИВ РАН, 2018.

References

Lebedeva, N.B. (2018). *Indian Ocean: Challenges of the 21st Century and India*. Moscow: IV RAN publ. (In Russian).

Сведения об авторе: Дхар Ани́та Праша́нтовна — аспирант кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: anita.dkhar.pr@gmail.com).

About the author: Dkhar Anita Prashantovna — Postgraduate Student, Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (e-mail: anita.dkhar.pr@gmail.com).

DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-2-417-420

Рецензия

Muntschick J. The Southern African Development Community (SADC) and the European Union (EU). Regionalism and External Influence. Palgrave Macmillan, 2018. 186 p.

А.А. Архангельская

Институт Африки РАН, НИУ Высшая школа экономики, Москва, Российская Федерация

Для цитирования: Архангельская А.А. Рецензия: Muntschick J. The Southern African Development Community (SADC) and the European Union (EU). Regionalism and External Influence. Palgrave Macmillan, 2018. 186 p. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20. № 2. С. 417—420. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-2-417-420

Book review

Muntschick, J. (2018). The Southern African Development Community (SADC) and the European Union (EU). Regionalism and External Influence. Palgrave Macmillan, 186 p.

A.A. Arkhangelskaya

Institute for African Studies, RAS, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

For citation: Arkhangelskaya, A.A. (2020). Book review: Muntschick, J. (2018). The Southern African Development Community (SADC) and the European Union (EU). Regionalism and External Influence. Palgrave Macmillan, 186 p. *Vestnik RUDN. International Relations*, 20 (2), 417—420. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-2-417-420

Вопросы регионального сотрудничества приобретают особое значение, привлекая внимание все большего числа практиков и теоретиков международных отношений. Сегодня мир быстро меняется, так же как и наши взгляды о нем. Еще в недавнем времени популярные теории региональной интеграции больше не отражают целостной картины происходящего — появляются новые концепции межрегионального сотрудничества.

Несмотря на обилие работ, посвященных изучению теоретических концепций новых тенденций развития системы международных

отношений в целом и регионализма в частности, доля практических исследований о влиянии и взаимодействии с внешними игроками региональных объединений в объеме научной литературы очень мала, а симбиоз теории и практики представляется еще более редким и тем самым ценным явлением. Рецензируемая монография [Muntschick 2018] принадлежит к числу таких работ: в ней уделено достаточно внимания обеим плоскостям — собран, проанализирован и представлен материал для размышлений как о теории, так и практике на примере одного из наиболее успешных

интеграционных объединений в Африке — Сообщества развития Юга Африки (САДК)⁵.

Автор в своей работе ставит целью провести детальный анализ современного регионализма на примере САДК. Эта организация выбрана в качестве примера нового регионализма по трем причинам: во-первых, САДК — очень типичная и представительная модель последней волны регионализма; во-вторых, она также входит в число наиболее признанных, реалистичных и перспективных региональных интеграционных организаций Глобального Юга. В-третьих, по сравнению с другими объединениями на глобальном и континентальном уровнях САДК достиг глубоких и широких уровней вертикальной и горизонтальной интеграции. Существенный пробел в системных политологических исследованиях данной организации рассматривается автором третьей причиной, которая мотивирует выбор САДК в качестве объекта исследования.

В первых двух главах уделяется пристальное внимание постановке целей и задач, обозначению основных понятий и терминов, концептуальных идей, которые важны для понимания сути изучаемого предмета. Особый акцент сделан на теоретическом базисе, который имеет ключевое значение для объяснения логики региональной интеграции как с практической, так и научно-исследовательской точки зрения. Не случаен и предлагаемый способ анализа, схожий с анализом международных режимов, ведь в понимании исследования регионализма этот подход лучше всего адаптируется к предлагаемой теоретической основе и является оптимальной стратегией для анализа появления, институционального дизайна и эффективности региональной интеграции в САДК.

Регионализм не является каким-то новым явлением: государства и негосударственные субъекты веками сотрудничали на региональном и межрегиональном уровнях в различных

областях. Региональные интеграционные объединения хорошо зарекомендовали себя не только на Западе, где ЕС выступает в качестве очевидного примера, но и среди развивающихся стран Глобального Юга (например, Лига арабских государств или АСЕАН).

Термин «старый регионализм» относится к первой волне регионализма, возникшей после окончания Второй мировой войны. Главными его особенностями являются сильная ориентированность на внутренний рынок, проведение политики импортозамещения и экономическая дискриминация в отношении остального мира. Более того, старый регионализм в целом состоит из представителей либо Глобального Юга, либо только Глобального Севера. Таким образом, взаимодействие ведется строго в плоскости Юг — Юг или Север — Север.

Крах биполярного миропорядка после окончания холодной войны в сочетании с усилением международной взаимозависимости и межгосударственного взаимодействия в ходе глобализации, по-видимому, подготовили почву для волны «нового регионализма», что проявилось в появлении большого числа новых и обновленных региональных интеграционных организаций практически во всех уголках мира. К ним относятся Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Экономическое сообщество государств Западной Африки (ЭКОВАС), общий рынок стран Южной Америки (МЕРКОСУР), Североамериканское соглашение о свободной торговле (НАФТА) и/или Сообщество развития Юга Африки (САДК).

Третья глава носит в основном исторический характер и посвящена рассмотрению аспектов нового регионализма на примере САДК. Автор освещает стержневые аспекты деятельности САДК как организации в отношении государств-членов, политическую повестку дня и институциональный характер

значительное снижение таможенных пошлин, достигнут существенный прогресс в устранении нетарифных ограничений во взаимных торговых связях. Сообществу также удалось продвинуться на пути создания зоны свободной торговли.

⁵ САДК — торгово-экономический союз стран юга Африки, созданный в 1992 г. на базе Конференции по координации развития Юга Африки — САДКК, образованной 11 странами субрегиона в 1980 г. Главная цель САДК — либерализация торговых связей стран-членов. В настоящее время в САДК осуществлено

объединения. Эта глава предоставляет читателю всеобъемлющую информацию об общих и региональных условиях, в которых САДК осуществляет свою деятельность и в которых развиваются пять наиболее важных проектов регионального сотрудничества. В последующих главах каждый из этих проектов рассматривается детально.

Принятие протокола о торговле в августе 2000 г. и последующее создание зоны свободной торговли (ЗСТ) в августе 2008 г. являются наиболее значимыми результатами региональных интеграционных проектов как в рамках САДК на Юге Африки, так и на всем континенте. Несмотря на то что институциональные последствия торгового режима САДК по-прежнему скромны, согласно экономическим данным и оценкам экспертов, его общее влияние, безусловно, позитивно и указывает на то, что либерализация региональной торговли и экономическая интеграция изменили ситуацию в САДК. Большинство государств-членов за редким исключением выполнило положения протокола и соблюдает правила, а это не в последнюю очередь привело к его воплощению в жизнь [Muntschick 2018], что является примером институционального успеха региональной экономической интеграции Глобального Юга, хотя и с оговоркой, что поставленные цели все еще ждут своей полной реализации.

В то время как растущая эффективность ЗСТ очевидна для большинства стран-участниц, особенно в части устранения региональных барьеров в торговле, при осуществлении программы рыночной интеграции возникает ряд сложностей, связанных с ее согласованием с внерегиональной экономической взаимозависимостью ряда стран САДК от ЕС. Евро-союз требует, чтобы страны САДК заключили соглашения по отдельности и с разным уровнем сотрудничества в целях обеспечения их преференциального доступа к общему европейскому рынку. Таким образом, автор приходит к заключению, что внешнее давление и уже существующие преференциальные соглашения отдельных стран участниц САДК с ЕС делают крайне маловероятной полную институционализацию функциональной ЗСТ САДК,

которая включает в себя все 15 государств-членов [Muntschick 2018].

Институционализация регионального сотрудничества в области безопасности в рамках САДК является еще одним важным направлением развития объединения. Возникновение этого кластера вызвано необходимостью разрешения конфликтов (в большинстве своем латентных) на фоне размытой повестки дня по вопросам безопасности в регионе. Создание в июне 1996 г. органа САДК по вопросам политики, обороны и безопасности не только было символическим жестом, но и, безусловно, оказало положительное влияние на восприятие странами-участницами ситуации в регионе. Однако его эффективность неоднозначна: «орган» пока не продемонстрировал удовлетворительной степени успеха и эффективности с точки зрения достижения собственных целей.

Создание региональных резервных сил является очередным крупным проектом и краеугольным камнем в повестке дня САДК по региональному сотрудничеству в области безопасности. В основе этого проекта лежит поддержка призыва Африканского союза (АС) к созданию африканских резервных сил на основе существующих региональных экономических сообществ континента. Члены САДК предприняли усилия для выполнения этой panaфриканской задачи и инициировали процесс создания собственных региональных резервных сил.

Тщательный и критический анализ автора выявил, что на самом деле в этом не было никакой необходимости. Среди стран САДК только ЮАР как региональный гегемон проявляла смутные признаки интереса к укреплению своего регионального и глобального миротворческого потенциала в целях подчеркнутого обозначения своей позиции в качестве развивающейся державы. Однако в такого рода проекте были заинтересованы АС и особенно ЕС, что побудило страны САДК принять участие в углублении регионального сотрудничества в области безопасности и создать региональные резервные силы в интересах континента. Начиная с 2004 г. ЕС пообещал САДК значительные суммы денег на создание специальных сил реагирования с целью

внести свой вклад в будущие африканские миротворческие силы.

В главе, посвященной вопросам регионального сотрудничества в области инфраструктуры САДК, говорится об основной части этого кластера [Muntschick 2018], которая включает энергетический сектор и, в частности, сферу электроэнергетики. Падение режима апартеида привело к изменениям во всем регионе, что в значительной мере определило путь для более комплексного подхода к проблеме региональных нехваток электроэнергии, с одной стороны, и избыточного производства электроэнергии — с другой. Региональное сотрудничество привело к созданию South African Power Pool (SAPP) — органа САДК с 1995 г. Этот комитет показывает высокую эффективность регионального сотрудничества. Однако энергетический кризис в регионе

показал, что структура САДК также подвержена внешнему влиянию, поэтому, как и во многих других проектах, важная роль в определении повестки дня и реализации решений принадлежит ЮАР.

Даже по этому краткому обзору исследования видна широта охвата предмета. Обширное и глубокое исследование, проведенное Дж. Мунтшиком, не только помогает по-новому взглянуть на происходящие в регионе Южной Африки перемены, но и оценить динамику развития нового регионализма в целом. Несмотря на детальный анализ как теории, так и проектов, которые демонстрируют разную степень эффективности нового регионализма в САДК, хотелось бы выразить надежду на прогноз и формирование рекомендаций в дальнейших исследованиях автора.

Поступила в редакцию / Received: 22.01.2020

Принята к публикации / Accepted: 13.03.2020

Библиографический список

Muntschick J. *The Southern African Development Community (SADC) and the European Union (EU). Regionalism and External Influence*. Palgrave Macmillan, 2018.

References

Muntschick, J. (2018). *The Southern African Development Community (SADC) and the European Union (EU). Regionalism and External Influence*. Palgrave Macmillan.

Сведения об авторе: Архангельская Александра Александровна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра исследований Юга Африки Института Африки Российской академии наук, ведущий научный сотрудник НИУ ВШЭ (e-mail: aarkhangelskaya@gmail.com).

About the author: Arkhangelskaya Alexandra Alexandrovna — PhD in History, Research Fellow, Centre for Southern Africa Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Leading Research Fellow, National Research University Higher School of Economics (e-mail: aarkhangelskaya@gmail.com).

DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-2-421-424

Рецензия

Cusack A.K. *Venezuela, ALBA, and the Limits of Postneoliberal Regionalism in Latin America and the Caribbean*. Palgrave Macmillan, 2019. 218 p.

А.В. Борейко

Институт Латинской Америки РАН, Москва, Российская Федерация

Для цитирования: Борейко А.В. Рецензия: Cusack A.K. *Venezuela, ALBA, and the Limits of Postneoliberal Regionalism in Latin America and the Caribbean*. Palgrave Macmillan, 2019. 218 p. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20. № 2. 421—424. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-2-421-424

Book review

Cusack, A.K. (2019). *Venezuela, ALBA, and the Limits of Postneoliberal Regionalism in Latin America and the Caribbean*. Palgrave Macmillan, 218 p.

A.V. Boreyko

Institute of Latin America, RAS, Moscow, Russian Federation

For citation: Boreyko, A.V. (2020). Book review: Cusack, A.K. (2019). *Venezuela, ALBA, and the Limits of Postneoliberal Regionalism in Latin America and the Caribbean*. Palgrave Macmillan, 218 p. *Vestnik RUDN. International Relations*, 20 (2), 421—424. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-2-421-424

Ограниченность неолиберальной модели развития как глобального тренда стала очевидна после финансового кризиса 2008 г. В дальнейшем ситуация не улучшилась, темпы роста мирового ВВП так и не достигли докризисного уровня. В условиях «деглобализации» государства все чаще стали прибегать к политике экономического национализма, чтобы защитить отечественных производителей. Примером такого тренда стала торговая война между США и Китаем, «Брексит» и т. п. Эти процессы сопровождаются увеличением социально-экономического неравенства и ростом протестных настроений по всему миру.

В этой связи не теряет актуальности проблема изучения оптимальных моделей интеграции, которые позволили бы смягчить

негативные последствия этого кризиса. Одним из любопытных примеров подобной модели является Боливарианский Альянс для народов нашей Америки (АЛБА), возникший в 2004 г. на волне антинеолиберального левого поворота в Латинской Америке. Альянс объединил Венесуэлу, Боливию, Никарагуа и Эквадор, а особое место в организации заняла Куба. За последние 15 лет АЛБА неоднократно становился предметом исследования как отечественных, так и зарубежных авторов.

Особенностью рецензируемой монографии доктора политической экономии стран Латинской Америки и Карибского бассейна, научного сотрудника Центра Латиноамериканских и карибских стран Лондонской школы экономических и политических наук

© Борейко А.В., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Асы Кьюсака [Cusack 2019] является стремление автора преодолеть недостатки исследований своих предшественников, в частности предвзятость в оценках и акцент на изучении теоретической составляющей. Таким образом, рецензируемая работа нацелена на комплексный анализ как сильных, так и слабых сторон АЛБА с упором на эмпирику. Выходя за рамки политологии, А. Кьюсак использует междисциплинарный политико-экономический подход, существенно обогативший его работу. На протяжении семи глав автор двигается от общего к частному, от модели в целом до ее отдельных проектов.

В первой главе [Cusack 2019: 1—27] А. Кьюсак в общих чертах описывает причины возникновения АЛБА и дает краткие выводы по всем главам. По его мнению, этот проект регионального управления был создан как альтернатива американскому неолиберальному проекту АЛКА, направленному на создание зоны свободной торговли в регионе Латинской Америки и Карибского бассейна. Отличительными чертами АЛБА стали социальная ориентация, стремление к независимости от развитых стран и главенствующая роль государства в экономике.

Здесь же автор дает краткую характеристику «боливарианской революции» в Венесуэле. Он справедливо отмечает, что суть «социализма XXI века» состоит в достижении реальной демократии путем вовлечения широких масс в политическую и экономическую деятельность. Необходимым условием для этого является устранение структурного неравенства в доступе к общественным благам, то есть решение проблемы «социальной исключенности».

Исследованию организационной структуры АЛБА посвящена вторая глава [Cusack 2019: 27—57]. Сравнивая официальные документы с практикой управления, автор делает вывод, что за стройно прописанной системой органов власти скрывается экстраполяция венесуэльской административной модели на региональный уровень. К характерным чертам такой модели относится бессистемное принятие политических решений при бездействии формальных институтов. По мнению

А. Кьюсака, последствия такого подхода сделали Боливарианский Альянс «токсичным брендом» не только для других стран, но и для некоторых бывших и действующих участников.

Исследованию венесуэльской модели посвящена третья глава [Cusack 2019: 57—93]. Автор предполагает, что недостатки АЛБА коренятся в проблемах практической реализации «боливарианского социализма», который не смог достичь ни одной из поставленных целей. А. Кьюсак отмечает, что вместо диверсификации власти произошла ее концентрация в руках правящей партии, социализация экономической модели носила ограниченный характер и так же была нацелена на извлечение прибыли. Как следствие — широкое распространение получила коррупция и некомпетентное управление государственными предприятиями. Примечательно, что вопреки распространенному мнению о доминировании государственного сектора в экономике Венесуэлы, по данным автора, его доля снизилась, при этом в полной мере сохранились монокультурность и зависимость от нефтяного сектора.

По мнению А. Кьюсака, гражданское общество в реальности не имело возможности контролировать деятельность государственных и партийных чиновников, а институты участия превратились в механизмы личного обогащения. Президент Уго Чавес и его преемник, Николас Мадуро, продолжали поддерживать модель, несмотря на подобные негативные проявления, что в результате привело к ее деградации.

В то же время автор приводит пример более умеренного варианта «социализма XXI века», который сложился в Эквадоре. Здесь развитие социального государства происходило на основе компромисса с бизнес-элитами, а государство практически не прибегало к национализации предприятий. Кроме того, участие эквадорской стороны в АЛБА ограничилось созданием финансовой архитектуры, что позволило избежать катастрофической ситуации в экономике.

В четвертой главе представлена попытка создания так называемой «зоны честной торговли» [Cusack 2019: 93—119]. Автор

справедливо отмечает, что в отличие от договоров о свободной торговле (ДСТ) торговый договор народов (ТДН) ограничивал рыночные механизмы интеграции и позволял участникам защищать наиболее уязвимые отрасли экономики. Однако, по мнению А. Кьюсака, ТДН в рамках АЛБА так и не был реализован в полной мере, прежде всего в связи с низкой взаимной дополняемостью экономик стран, входящих в Альянс.

Региональная финансовая система «сукре» стала предметом изучения в пятой главе [Cusack 2019: 119—153]. Эта система должна была уменьшить зависимость от доллара во взаимных расчетах, дав преимущество национальным компаниям за счет снижения транзакционных издержек. По мнению автора, «сукре» сыграла позитивную роль в увеличении торгового оборота в рамках АЛБА, хотя этот эффект был ограничен упомянутой ранее слабой взаимной экономической дополняемостью. При этом А. Кьюсак отмечает, что к 2016 г. кризис в Венесуэле сделал «сукре» экономически бессмысленной.

В шестой главе [Cusack 2019: 153—191] автор проводит исследование соглашения о льготных поставках венесуэльской нефти для стран Карибского бассейна под названием «Петрокарибе». А. Кьюсак считает, что «Петрокарибе» стала наиболее успешной программой, связанной с АЛБА, так как действительно помогла участникам преодолеть энергетический кризис, а также направить сэкономленные средства на развитие социальных и инфраструктурных проектов. По мнению автора, в случае дальнейшего обострения экономической ситуации Каракас может потребовать погашения накопившейся задолженности, поставив тем самым перспективы соглашения под вопрос.

В заключительной седьмой главе [Cusack 2019: 191—213] автор приходит к выводу, что помимо успехов в решении социальных задач

Боливарианский Альянс не достиг ни одной из поставленных целей. По мнению А. Кьюсака, причиной неудачи стала неспособность руководства Боливарианской Республики преодолеть «голландскую болезнь». В частности, когда на определенном этапе реформ рентноориентированная модель развития вступила в противоречие с принципами «социализма XXI века», власти предпочли не менять модель, так как ресурсов было достаточно. Политическое и экономическое доминирование Венесуэлы в АЛБА привело к распространению национального кризиса на всю организацию. Таким образом, понятие «постнеолиберализм» носит во многом условный характер.

Кратко резюмируя вышесказанное, отметим, что А. Кьюсаку удалось справиться с поставленной задачей. Работа отличается системным, многоуровневым характером, при котором предмет исследования оказывается удачно «вписан» в глобальный и региональный контексты, при этом показаны место и роль каждого проекта. Несомненно, ценным является использование большого массива эмпирических данных, которые подкрепляют гипотезу автора о несоответствии заявленных целей АЛБА и их реализации.

Следует отметить, что работа не лишена некоторых недостатков. К ним можно отнести недостаточное внимание, уделяемое автором одному из наиболее важных участников, ближайшему союзнику Венесуэлы — Кубе. Кроме того, А. Кьюсак слишком общо описывает саму концепцию «социализма XXI века», упоминая в качестве ее идейного предтечи экономиста Иштвана Месароша, однако упуская из виду развитие данной теории в работах таких мыслителей, как Хайнц Дитерих, Марта Харнеккер и др.

Хочется надеяться, что в дальнейшем эти пробелы будут восполнены, позволив тем самым дать еще более точную оценку АЛБА и ее участникам.

Поступила в редакцию / Received: 08.11.2019
Принята к публикации / Accepted: 24.12.2019

Библиографический список

Cusack A.K. *Venezuela, ALBA, and the Limits of Postneoliberal Regionalism in Latin America and the Caribbean*. Palgrave Macmillan, 2019.

References

Cusack, A.K. (2019). *Venezuela, ALBA, and the Limits of Postneoliberal Regionalism in Latin America and the Caribbean*. Palgrave Macmillan.

Сведения об авторе: Борейко Антон Владимирович — научный сотрудник Центра политических исследований Института Латинской Америки Российской академии наук (e-mail: polidekt@gmail.com).

About the author: Boreyko Anton Vladimirovich — Research Fellow, Center for Political Studies, Institute of Latin America, Russian Academy of Sciences (e-mail: polidekt@gmail.com).

DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-2-425-427

Рецензия

**Европа между трех океанов / под общ. ред. Ал.А. Громыко,
В.П. Федорова. М.: ИЕ РАН: Нестор-История, 2019. 608 с.**

Н.В. Ивкина

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Для цитирования: *Ивкина Н.В.* Рецензия: Европа между трех океанов / под общ. ред. Ал.А. Громыко, В.П. Федорова. М.: ИЕ РАН: Нестор-История, 2019. 608 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20. № 2. С. 425—427. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-2-425-427

Book review

**Gromyko, Al.A. & Fedorov, V.P. (Eds.). (2019). Europe between
Three Oceans. Moscow: IE RAN: Nestor-Istoriya publ., 608 p. (In Russian)**

N.V. Ivkina

RUDN University, Moscow, Russian Federation

For citation: *Ivkina, N.V.* (2020). Book review: Gromyko, Al.A. & Fedorov, V.P. (Eds.). (2019). Europe between Three Oceans. Moscow: IE RAN: Nestor-Istoriya publ., 608 p. (In Russian). *Vestnik RUDN. International Relations*, 20 (2), 425—427. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-2-425-427

Монография «Европа между трех океанов» под редакцией Ал.А. Громыко и В.П. Федорова, выпущенная Институтом Европы РАН в 2019 г., сразу привлекла к себе внимание ведущих европейцев. Появление книги совпало с периодом трансформации системы европейской безопасности. Выход Великобритании из состава Европейского союза (ЕС), кризис доверия между странами региона, миграционный кризис и ряд других дезинтеграционных факторов определяют актуальность научного осмысления изменения европейского пространства.

Монография является частью многотомной серии «Старый Свет — новые времена», которая с 2007 г. издается авторским коллективом Института Европы РАН. Накопленный

опыт дает авторам большое преимущество в выстраивании логической последовательности изучения и оценки тенденций, происходящих в Европе и в мире. Материал, изложенный на страницах книги, базируется на статьях ведущих российских и зарубежных ученых, специализирующихся на отдельных параметрах европейской интеграции, а также на широком круге источников.

Во введении отмечается, что после окончания холодной войны и прекращения bipolarной конфронтации мир стал полицентричным, поступательно увеличивается количество негосударственных акторов мировой политики. В новых изменившихся условиях ЕС демонстрирует некую пассивность, невнятную позицию по многим вопросам,

© Ивкина Н.В., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

касающимся региональной и глобальной безопасности. Кроме того, европейская приверженность американской идее «либерального интервенционализма», по мнению авторов, не приносит какой-либо ощутимой пользы ни отдельным европейским государствам, ни ЕС в целом. Также во введении прослеживаются задачи исследования: оценить основные вызовы системы европейской безопасности, выявить угрозы и риски, а также определить запас прочности для решения накопившихся проблем [Европа между трех океанов 2019: 12—13].

Интерес представляет принцип формирования разделов и глав. Европа рассматривается авторами книги в двух ипостасях: как регион, включающий отдельные национальные государства (причем особое внимание уделено странам Центральной и Восточной Европы, в том числе не входящим в состав ЕС), и как интеграционное объединение (Европейский союз), имеющее свои экономические и политические переменные. Такое разделение релевантно в современных условиях появления дезинтеграционных процессов и необходимости оценки как индивидуальных показателей отдельных стран, так и их совокупного потенциала.

При этом если в части, посвященной рассмотрению национального измерения политики европейских стран, преобладает историко-хронологический подход оценки событийного ряда, то в рамках наднационального измерения основной упор делается на проблемно-хронологический подход и системный метод. Представление трех основных опор европейской интеграции в качестве системы, каждый элемент которой имеет тесные связи с любым другим элементом, является эффективным инструментом изучения экономических и политических процессов. Кроме того, это позволяет выявлять недостатки сдвигов, происходящих в региональном пространстве. Так, например, утверждается, что «основной среди системных проблем еврозоны является разница в динамических типах экономики отдельных стран. Единая денежно-кредитная политика ЕЦБ (Европейского центрального банка. — *Прим. авт.*) ориентирована на страны зрелой рыночной экономики и не

учитывает потребности стран догоняющего развития» [Европа между трех океанов 2019: 363].

Особого внимания заслуживают новые направления исследования европейской экономики. В.Б. Белов, Н.Б. Кондратьева и В.С. Циренчиков знакомят читателей с цифровой трансформацией европейской промышленности и трендами инновационного развития экономики ЕС. При этом вывод, к которому приходят авторы, неутешителен. Несмотря на высокие темпы роста в данных секторах, «европейцы пока не способны предложить конкурентоспособные альтернативы американским цифровым платформам; розничная торговля, индустрия общения и развлечений практически целиком работают на платформах Google, Amazon, Facebook, Apple» [Европа между трех океанов 2019: 387].

Однако самой интересной, цельной и сбалансированной частью монографии, по нашему мнению, является раздел о европейской безопасности. Здесь также виден дуализм в подходе к разделению уровней — национального и наднационального. Что касается рассмотрения национального уровня безопасности, то здесь чувствуется острая необходимость добавления Великобритании как отдельного и наиболее значимого актора системы европейской безопасности. Возможно, отсутствие упоминания этой страны в данном разделе можно объяснить состоявшимся выходом Великобритании из состава ЕС, а также многочисленными отсылками к Brexit в других разделах монографии. Но рассмотрение новой конфигурации системы европейской безопасности с учетом особой роли одной из ведущих военных сил региона, как нам представляется, было бы уместно.

Относительно наднационального уровня авторским коллективом в составе Д.А. Данилова, И.Н. Щербака, А.А. Синдеева, В.Б. Белова, А.И. Шумилина и В.В. Журкина проделана колоссальная работа по выявлению кризисов европейской безопасности. Систематизация факторов, влияющих на эволюцию «старых угроз» и их трансформацию в новые вызовы, определенно может считаться новизной исследования. Здесь также необходимо

акцентировать внимание на анализе антикризисной стратегии и оценке авторами ее эффективности.

Именно в рамках антикризисной стратегии представлены интересные выводы по особой роли Российской Федерации в процессе достижения успехов на этом направлении. Отмечается, что «антикризисный потенциал ЕС способен играть более весомую роль в управлении кризисами на европейском пространстве, включая страны Восточной Европы и СНГ, при наличии реального и заинтересованного сотрудничества ЕС с Россией» [Европа между трех океанов 2019: 528]. Это утверждение небезосновательно в силу того, что большинство лидеров стран ЕС, а также экспертное сообщество признают Россию важной частью европейской системы безопасности.

В заключении подводится итог проделанной работе, и основной посыл авторов,

который неплохо было бы донести не только до российской, но и до европейской аудитории, таков: ЕС был и остается субъектом мировой политики, при этом противопоставление себя Большой Европе и отказ от более тесного сотрудничества с Россией по вопросам обеспечения безопасности грозит потерей времени и возможности усилить свой вес в глобальной системе.

В целом можно сделать вывод, что монография «Европа между трех океанов» является новым фундаментальным исследованием Института Европы Российской академии наук, написанным в духе современных тенденций международных отношений. Она может быть интересна как специалистам по европейской интеграции и европейской безопасности, так и исследователям, занимающимся процессами глобализации, интеграции и фрагментации в целом.

Поступила в редакцию / Received: 02.04.2020

Принята к публикации / Accepted: 12.04.2020

Библиографический список

Европа между трех океанов / под общ. ред. Ал.А. Громыко, В.П. Федорова. М.: ИЕ РАН: Нестор-История, 2019.

References

Gromyko, Al.A. & Fedorov, V.P. (Eds.). (2019). *Europe between Three Oceans*. Moscow: IE RAN: Nestor-Istoriya publ. (In Russian).

Сведения об авторе: *Ивкина Наталья Викторовна* — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: ivkina-nv@rudn.ru).

About the author: *Ivkina Natalia Viktorovna* — PhD in History, Senior Lecturer, the Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (e-mail: ivkina-nv@rudn.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-2-428-431

Рецензия

**Stefanova V.M. The European Union and Europe's New Regionalism.
The Challenge of Enlargement, Neighborhood, and Globalization.
Palgrave Macmillan, 2018. 225 p.**

Р.В. Бугров

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Российская Федерация

Для цитирования: Бугров Р.В. Рецензия: Stefanova V.M. The European Union and Europe's New Regionalism. The Challenge of Enlargement, Neighborhood, and Globalization. Palgrave Macmillan, 2018. 225 p. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20. № 2. С. 428—431. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-2-428-431

Book review

**Stefanova, V.M. (2018). The European Union and Europe's New Regionalism.
The Challenge of Enlargement, Neighborhood, and Globalization.
Palgrave Macmillan, 225 p.**

R.V. Bugrov

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation

For citation: Bugrov, R.V. (2020). Book review: Stefanova, V.M. (2018). The European Union and Europe's New Regionalism. The Challenge of Enlargement, Neighborhood, and Globalization. Palgrave Macmillan, 225 p. *Vestnik RUDN. International Relations*, 20 (2), 428—431. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-2-428-431

Проблемы развития интеграционных процессов в Европе и Европейском союзе как движущей силы этих процессов нельзя назвать забытыми в отечественной и зарубежной литературе. Масштабность и значимость проекта интеграции европейских стран под эгидой ЕС в совокупности с драматичностью перемен, которыми не перестает удивлять Старый Свет, привлекают большое внимание. В настоящей рецензии вниманию читателя представляется работа американской исследовательницы Бойки Стефановой, которая через призму теории регионализма раскрывает ключевые вызовы ЕС на современном этапе: проблему

расширения, особенности отношений с соседними государствами и участие в процессе глобализации [Stefanova 2018].

Главной особенностью книги, на наш взгляд, является попытка автора активизировать дебаты о динамике концепции регионализма, поднять вопрос о роли, значении процесса европейской интеграции в мире, а также определить те проблемы и вызовы, на которые Европейскому союзу необходимо найти как теоретические, так и практические ответы для своего устойчивого развития.

По своей структуре книга состоит из введения и 5 глав.

© Бугров Р.В., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Во введении автор определяет основные задачи и значимые вопросы для своего исследования, дает обзор основных направлений в исследованиях регионализма и пытается выявить аналитические потребности для объяснения процессов региональной интеграции [Stefanova 2018: 1—27].

Первая глава «Концептуализация Европы как региона: динамика после холодной войны» посвящена концептуальным вопросам теории регионализма [Stefanova 2018: 29—78]. В ней приводится краткий обзор теоретических подходов к проблеме регионализма. Основываясь на рассмотрении различных теорий (неореализм, либерализм, социальный конструктивизм, политическая экономия), автор развивает концепцию динамического регионализма, определяемого как регионостроение и межрегиональное взаимодействие, измеряемое позиционированием относительно других участников (в терминах взаимозависимости), влиянием на внешнюю среду (геополитическое позиционирование) и ответом на вызовы глобализации (геоэкономическая конкуренция). Основным термин, с которыми нас знакомит автор, — это «открытый (новый) регионализм», понимаемый как открытая межрегиональная система, которая является частью глобальной торговой системы [Stefanova 2018: 35]. Здесь важно отметить, что автор приравнивает понятия «регионализм», «интеграция» и Европейский союз, понимая последний как институциональное воплощение первого.

Во второй главе «Политическая устойчивость прогрессивной модели расширения европейского регионализма: Восточное расширение ЕС» автор исследует политическую устойчивость модели прогрессивного расширения ЕС, называя ее прогрессивной территориальной экспансией европейского регионализма [Stefanova 2018: 79—114]. В фокусе исследования — динамика процесса расширения ЕС, в особенности после распада СССР. Как справедливо отмечает автор, политика расширения ЕС, или «прогрессивная модель роста» регионализма ЕС, столкнулась с тремя основными проблемами: незавершенность институционального строительства, ограниченный экономический рост, связанный с расширением

организации, и снижение общественной поддержки этого процесса среди стран-участниц.

Таким образом, делается вполне ожидаемый вывод о том, что сложившаяся «модель прогрессивного расширения» достигла своих пределов. В этой связи читателю было бы, наверное, интересно узнать мнение автора по вопросу: а где может пролегать граница ЕС? Тем более что Б. Стефанова сама задает данный вопрос, указывая, что границы ЕС и будут определять культурные и политические границы Европы [Stefanova 2018: 80]. Но, к сожалению, никакого более или менее конкретного предположения автор по этому поводу не делает.

Центральной темой третьей главы «Геополитика европейского регионализма: Конкурирующие европейские / евразийские перспективы» стала проблема двух соперничающих концепций регионализма: западноевропейская интеграция в рамках ЕС и интеграция бывших стран СССР в рамках Евразийского экономического союза, что, по мнению автора, привело к необходимости реконфигурации политики соседства ЕС [Stefanova 2018: 115—158].

Вероятно, исходя из текущей политической ситуации, в том числе в США, автор избегает острых углов и не очень углубляется в исторические источники проблем отношений России и ЕС, но некоторые замечания, несомненно, вызовут интересные размышления. Например, автор указывает на рост имперских амбиций России как фактор изменений в политике ЕС. Таким образом, фундаментальные принципы и шаблоны европейского регионализма эпохи после окончания холодной войны: принципы «соседства», «общего соседства», «общих пространств» и открытого регионализма — подвергаются сомнению и требуют корректировки. По этой причине ЕС превращается из неолиберального в неореалистический проект и вынужден переходить от открытой системы к конкурирующей. Вроде бы все логично, но нужно учесть, что О. Уивер назвал ЕС хоть и «доброжелательной», но все-таки империей еще в публикациях конца 1990-х — начала 2000-х гг. [Wæver 1996; 1997; 2009], да и сама автор соглашается с наличием признаков империи у ЕС [Stefanova 2018: 105].

Четвертая глава «Детерриториализация европейского регионализма: глобальные перспективы» посвящена изучению трансатлантического и глобального аспектов эволюции европейского регионализма [Stefanova 2018: 159—202]. По мнению автора, современная динамика глобальной конкуренции и структурной взаимозависимости приводит к тому, что геоэкономические предпочтения стран становятся более приоритетными перед классическими регионалистскими принципами территориальной кластеризации, экономической сплоченности и глубокой институционализации. На примере «Брекзита», Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства и сотрудничества стран Евросоюза с Китаем в рамках проекта «Один пояс, один путь» автор показывает ограничения региональной кластерной рыночной интеграции и определяет новую модель динамичного регионализма со значительным глобальным участием через множество соглашений о свободной торговле под названием «детерриториализация» европейского регионализма.

В заключительной, пятой, главе автор справедливо отмечает, что сохранение глобальной успешности регионализма, то есть ЕС, зависит от способности сохранять

открытость и новаторские подходы к созданию торговли и регулированию рынков [Stefanova 2018: 203—220]. В то же время автор делает интересные выводы о том, что устойчивость, то есть сохранение ЕС, зависит от его способности управлять *внешней* средой и влиять на выбор стран, не являющихся членами ЕС, для создания успешного сотрудничества.

В целом мы должны поблагодарить автора за большую проделанную работу: список литературы весьма внушительный, и круг обсуждаемых вопросов, бесспорно, является актуальным как с теоретической, так и с практической точки зрения. По нашему мнению, читателю предлагается достаточно глубокий анализ концептуальных проблем внешней политики Европейского союза на современном этапе. Единственное, что следует учесть читателю, так это сильный уклон в экономическую составляющую исследуемых вопросов: практически вся аргументация строится на торговой статистике. Хотя автор и признает политический характер проекта европейской интеграции, складывается впечатление, что даже выбор Украины в пользу ЕС, а не России, кажется, был сделан исключительно на основании расчета выгод от экономического роста.

Поступила в редакцию / Received: 30.01.2020

Принята к публикации / Accepted: 18.02.2020

Библиографический список

- Stefanova B.M. The European Union and Europe's New Regionalism. The Challenge of Enlargement, Neighborhood, and Globalization. Palgrave Macmillan, 2018.
- Wæver O. Discursive Approaches // European Integration Theory / Ed. by A. Wiener, T. Diez. Oxford: Oxford University Press, 2009. P. 161—180.
- Wæver O. Europe's Three Empires: A Watsonian Interpretation of the Post-Wall European Security // International Society after the Cold War: Anarchy and Order Reconsidered / Ed. by R. Fawn, J. Larkins. Basingstoke/London; New York: Macmillan Press; St. Martin's Press, 1996. P. 220—260.
- Wæver O. Imperial Metaphors: Emerging European Analogies to Pre-Nation State Imperial Systems // Geopolitics in Post-Wall Europe: Security, Territory and Identity / Ed. by O. Tunander, P. Baev, V.I. Einage. London/Thousand Oaks/New Delhi: Sage Publications, 1997. P. 59—93.

References

- Stefanova, B.M. (2018). *The European Union and Europe's New Regionalism. The Challenge of Enlargement, Neighborhood, and Globalization*. Palgrave Macmillan.
- Wæver, O. (1996). Europe's Three Empires: A Watsonian Interpretation of the Post-Wall European Security. In: Fawn, R. & Larkins, J. (Eds.). *International Society after the Cold War: Anarchy and Order Reconsidered*. Basingstoke/London; New York: Macmillan Press; St. Martin's Press. P. 220—260.

- Wæver, O. (1997). Imperial Metaphors: Emerging European Analogies to Pre-Nation State Imperial Systems. In: Tunander, O., Baev, P. & Einage, V.I. (Eds.). *Geopolitics in Post-Wall Europe: Security, Territory and Identity*. London/Thousand Oaks/New Delhi: Sage Publications. P. 59—93.
- Wæver, O. (2009). Discursive Approaches. In: Wiener, A. & Diez, T. (Eds.). *European Integration Theory*. Oxford: Oxford University Press. P. 161—180.

Сведения об авторе: *Бугров Роман Владимирович* — кандидат политических наук, доцент кафедры международного права и мировой дипломатии Института международных отношений и мировой истории ННГУ им. Н.И. Лобачевского (e-mail: bougrov@mail.ru).

About the author: *Bugrov Roman Vladimirovich* — PhD in Political Science, Associate Professor, the Department of International Law and World Diplomacy, Institute of International Relations and World History, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (e-mail: bougrov@mail.ru).

МАГИСТЕРСКИЕ ПРОГРАММЫ ПО НАПРАВЛЕНИЮ «ЗАРУБЕЖНОЕ РЕГИОНОВЕДЕНИЕ» В РУДН

Специальность «Зарубежное регионоведение» в соответствии с образовательными стандартами нового поколения предполагает подготовку специалистов по конкретному региону, отдельной стране или группе стран. В настоящее время кафедра теории и истории международных отношений (ТИМО) РУДН осуществляет подготовку бакалавров и магистров-регионоведов по профилям «Ближний Восток», «Китай», а также «Россия и сопредельные регионы».

Студенты, обучающиеся по направлению «Зарубежное регионоведение», в обязательном порядке изучают два языка, один из которых — язык региона специализации. Среди обязательных дисциплин данного направления подготовки — география и история, экономика и финансы, политика и право, культура и религия, внешняя политика и международные отношения изучаемого региона. Среди преподавателей — ведущие эксперты из РУДН, МГИМО (У) и Дипломатической академии МИД России, ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова, Института Дальнего Востока РАН, специалисты-практики из МИД России и Россотрудничества.

В результате освоения программы студенты приобретают умения и навыки в области зарубежного регионоведения. Выпускники-регионоведы способны применять современные теоретические и практические знания при реализации самых разных задач, связанных с обеспечением потребностей рынка труда.

Будущая деятельность выпускника магистратуры направления «Зарубежное регионоведение» широка и многообразна. Это работа в органах государственной власти на федеральном и региональном уровнях; международных правительственных организациях; международных неправительственных, коммерческих, некоммерческих и общественных организациях; в торговых представительствах России за рубежом; аналитических подразделениях бизнес-структур; академическом сообществе; государственных и негосударственных аналитических центрах, занимающихся международной проблематикой; средствах массовой информации в России и за рубежом; высших учебных заведениях профессионального образования.

КООРДИНАТОРЫ МАГИСТЕРСКИХ ПРОГРАММ

♦ Профиль «Россия и сопредельные регионы» — доктор исторических наук, профессор *Константин Петрович Курyleв* (kurylev-kp@rudn.ru).

♦ Профиль «Ближний Восток», профиль «Китай» — кандидат исторических наук, старший преподаватель *Ольга Сергеевна Чикризова* (chikrizova-os@rudn.ru).

НАШИ КООРДИНАТЫ:

Кафедра теории и истории международных отношений РУДН

Адрес: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10/2

Тел. +7 499 936-85-26

E-mail: humanities.ir@rudn.ru

Приемная комиссия РУДН

Адрес: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Многоканальный тел. +7 495 787-38-27

E-mail: priem@rudn.ru